

Сергей Григорьевич
КОЗЛОВ
ЁЖИК
В ТУМАНЕ

Двести тридцать иллюстраций Анаит Гардян
к шестидесяти шести сказкам и двум повестям

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Сергей Григорьевич Козлов
(1939–2010)*

Сергей Козлов

ЁЖИК В ТУМАНЕ

Сказки

Иллюстрации
Анаит Гардян

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
К59

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего тиража данного издания переплетены мастерами ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен из натуральной кожи особой выделки растительного дубления. Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.
6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи, форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmoго с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока с трех сторон методом механического торшонирования с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

К59 Козлов С. Г. Ёжик в тумане. Сказки. — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. — 368 с., ил.

Книга включает более шестидесяти сказочных произведений писателя, поэта и сценариста Сергея Григорьевича Козлова (1939–2010), автора широко известной и любимой всеми сказки «Ёжик в тумане». Сказочная проза С. Г. Козлова уникальна; его сказки переведены на многие языки мира. Издание украшают рисунки талантливой современной художницы и иллюстратора детских книг Анаит Гардян.

© СЗКЭО, 2024

© Малявина Т. А., 2024

© Гардян А. Р, иллюстрации. 2024

ISBN 978-5-9603-0980-6 (7БЦ)

ISBN 978-5-9603-0981-3 (Кожаный переплет)

ПРАВДА, МЫ БУДЕМ ВСЕГДА?

- Ты когда-нибудь слушал тишину, Ёжик?
- Слушал.
- И что?
- А ничего. Тихо.
- А я люблю, когда в тишине что-нибудь шевелится.
- Приведи пример, — попросил Ёжик.
- Ну, например, гром, — сказал Медвежонок.

На горе стоял дом — с трубой и с крыльцом, с печкой для котика, с шестком для петуха, с хлевом для коровы, с конурой для собаки и с новыми тесовыми воротами.

Вечером из трубы пошел дым, на крыльцо вышла бабка, на печку влез кот, на шесток взгромоздился петух, в хлеву захрустела сеном корова, у конуры уселась собака — и все стали ждать ночи.

А когда наступила ночь, из-под лопуха вылез маленький лягушонок. Он увидел синий колокольчик, сорвал его и побежал по двору.

И над двором повис голубой звон.

— Кто это звонит? — спросила бабка. — Это ты, кот? Это ты, петух? Это ты, корова?..

А лягушонок бегал и бегал, и голубой звон поднимался все выше и выше, и скоро он повис не только над двором, но и над всей деревней.

— Кто это, кто это так звонит? — спрашивали люди.

И повыбегали на улицу, и стали смотреть в звездное небо и слушать голубой звон.

— Это звенят звезды, — сказал мальчик.

— Нет, это ветер, — сказала девочка.

— Это просто звенит тишина, — сказал глухой дед.

А лягушонок бегал без усталости, и голубой звон поднялся уже так высоко, что его слушала вся земля.

— Зачем ты звенишь? — спросил у лягушонка кузнечик.

— Это не я звеню, — ответил лягушонок. — Это синий колокольчик звенит.

— А зачем ты звонишь? — не унимался кузнечик.

— Как зачем? — удивился лягушонок. — Не всем же спать на печи и жевать сено. Кто-то ведь должен звонить в колокольчик...

ЧИСТЫЕ ПТИЦЫ

— А вот и ты! — сказал Медвежонок, однажды проснувшись и увидев на своем крыльце Ёжика.

— Я.

— Где же ты был?

— Меня очень долго не было, — сказал Ёжик.

— Когда пропадаешь, надо заранее предупредить своих друзей.

Добрый слон

В феврале стояли такие морозы, что Ёжик целыми днями топил печь и все равно по утрам не мог вылезти из постели — так было в доме холодно.

«Что же это за наказание? — бормотал Ёжик, всовывая лапы в валенки и слезая с постели. — Еще неделю посто-
ят такие морозы — и у меня ни одной дровишки не оста-
нется!»

И он зашаркал к печке, отодвинул заслонку и развел огонь.

Огонь весело загудел, и Ёжик стал обдумывать свое бедственное положение.

«В лесу теперь снегу — видимо-невидимо! — думал он. — И все тоненькие елочки занесло. А толстую одному не спилить... — Хорошо, кабы Медвежонок наведася: у него и топор острый, и пила есть, и специальные саночки, чтобы дрова возить... Вот пришли бы они с Осликом и сказали: „Ёжик, у тебя, наверное, дрова кончились? Пойдем напилим и наколем новых!“ А я бы их напоил чаем, и мы бы все трое пошли в лес, и тогда бы я ни за что не замерз. А теперь... Медвежонок, наверное, крепко спит и совсем забыл обо мне...»

И Ёжику стало так грустно, что он подкинул еще две дровишки и, уже ни о чем не думая, стал смотреть на пламя.

Печь разгорелась, и теперь в доме было тепло, и Ёжику уже не верилось, что дровишки могут кончиться и он замерзнет. И он, незаметно для себя, размечтался...

«Вот, — мечтал Ёжик, — кончатся у меня дровишки, и совсем станет холодно, и начну я замерзать... И об этом узнает Слон в зоопарке. Он притворится спящим, а когда сторожа уснут, прибежит в лес, найдет мой домик, всунет хобот в трубу и станет тепло дышать. А я скажу: «Спасибо, Слон. Мне очень тепло. Пойди теперь погрей Медвежонка — у него, наверное, тоже кончились дрова... И Слон будет каждую ночь убегать из зоопарка и дышать в трубу мне, Медвежонку и Ослику — и мы не замерзнем!..»

А морозы все лютели и лютели. И действительно, скоро у Ёжика совсем кончились дровишки. Он в последний раз хорошо протопил печь, сложил на постель все одеяла,

а сверху положил полушубок и валенки. Потом залез под эту гору и стал ждать.

Сначала ему было жарко, а потом, когда печь остыла, стало холодно. И с каждым часом становилось все холоднее.

«С-с-скорее бы п-п-пришел С-с-слон!.. — шептал Ёжик, свернувшись калачиком под одеялами. Он так замерз, что у него давно уже не попадал зуб на зуб. А Слон все не приходил... — С-с-слон! — звал Ёжик. — Я з-з-замерзаю... П-п-приди, п-п-по-жалуйста, Слон!

Ёжик звал Слона три дня и две ночи.

А на третью ночь ему стало так тепло, что он даже сбросил с себя полушубок и валенки.

Это в лес пришла оттепель. А Ёжику казалось, что это огромный добрый Слон ходит меж сосен и дышит ему в трубу.

Лесная оттепель

Ах, какая это была мягкая, теплая оттепель!.. Кружились снежинки, и в лесу пахло весной. Ёжик сидел на крылечке своего домика, нюхал воздух и улыбался.

«Не может быть, — думал он, — что еще вчера в лесу трещали деревья и сердитый Дед Мороз скрипел под окнами своими большими валенками, а сегодня его совсем нет! Где же он?»

И Ёжик стал прикидывать, куда мог спрятаться Дед Мороз.

«Если он влез на сосну, — рассуждал Ёжик, — то где-то под сосной стоят его большие валенки. Ведь даже Медвежонок не может влезть в валенках на сосну!

Если он залез под лед, — продолжал размышлять Ёжик, — то где-то на реке обязательно должна быть дырка, и из нее должен идти пар. Потому что Дед Мороз сидит в валенках на дне и дышит. А если он совсем ушел из леса, я обязательно увижу его следы!»

И Ёжик надел лыжи и побежал между деревьями. Но ни под одним деревом не было валенок, на реке он не увидел ни одной дырки и нигде не нашел никаких следов.

— Дед Мороз! — крикнул Ёжик. — Отзови-и-ись!..

Но было тихо. Только снежинки кружились вокруг, и где-то далеко-далеко стучал Дятел.

Ёжик остановился, прикрыл глаза и представил себе красивого Дятла с красными перышками и длинным носом. Дятел сидел на верхушке сосны и время от времени откидывал голову назад, прищуривался и, будто рассердившись, стучал носом: «тук!» Брызгала сосновая кора и, мягко шурша, осыпалась в снег...

«Наверное, Дятел знает, где Дед Мороз, — подумал Ёжик. — Он сидит высоко, и ему все видно».

И он побежал к Дятлу.

— Дятел! — еще издали закричал Ёжик. — Ты не видел Деда Мороза?

— Тук-тук! — сказал Дятел. — Он ушел!

— А где его следы?

Дятел свесил к Ёжику нос, прищурившись посмотрел на него и сказал:

— А он ушел без следов!

— Как же? — удивился Ёжик.

— А очень просто! Приплыло облако и опустилось низко-низко. Дед Мороз забросил сначала на него валенки, потом влез сам и уплыл...

— Куда? — спросил Ёжик.

— На Кудыкину гору. Тук-тук! — сказал Дятел.

И Ёжик, успокоенный, пошел домой и по дороге представил себе заснеженную Кудыкину гору, по которой ходит наверное сейчас Дед Мороз и скрипит своими большими валенками.

Чистые птицы

Больше всего Ёжик любил эти первые по-настоящему весенние дни! Уже ни одного островка снега не осталось в лесу, в небе по ночам громы-хал гром, и, хотя молнии не было видно, до самого утра шумел настоящий проливной дождь.

«Лес умывается! — думал Ёжик. — Умываются елки, пеньки и опушки. А птицы летят теперь с юга, и им тоже моет дождь перышки!»

И по утрам он выходил на крыльцо и ждал чистых, вымытых птиц.

— Еще не прилетели! — говорила Белка.

— Кар-р-р! Им тр-р-рудно в пути! — картавила Ворона.

А Ёжик нюхал воздух и говорил:

— Все равно пахнет чистыми птицами!

И Дятел тогда принимался на самой верхушке сосны чистить себе перышки.

«Я тоже должен быть чистым! — думал он. — А то они прилетят и скажут: что же ты такой пыльный, Дятел?»

Заяц сидел под кустом и мыл себе уши.

— Возьми еловую шишку! — крикнул Ёжик. — Еловой шишкой лучше отмывается!

— А чем вы посоветуете почистить мне рога? — спросил, выйдя на опушку перед Ёжикиным домиком, Лось.

— Песком, — сказал Ёжик. — Нет лучше, чем чистить рога песком.

И Лось пошел к берегу реки, лег у самой воды и попросил Лиса, который вылавливал на быстрине блох, почистить ему рога.

— А то неудобно, — пробормотал Лось, — прилетят птицы, а у меня — рога грязные...

— Сейчас! — сказал Лис.

Он был хитрый и знал, как надо чиститься. Он сидел по самую шею в ледяной воде и держал в поднятой лапе пучок прошлогодней травы. Блохи замерзли в воде и теперь сползались по лапе к этому пучку. А когда сползлись все, Лис бросил прошлогоднюю траву в воду, и ее унесло течением.

— Вот и все! — сказал Лис, вылезая на берег. — Где ваши рога?

Лось склонил рога, и Лис принялся начищать их песком.

— Чтобы блестели? — спросил он.

— Нет, — сказал Ёжик. — Блестящие рога — некрасиво. Они должны быть... туманные

— То есть чтобы не блестели? — уточнил Лис.

— Чтобы не блестели, — сказал Ёжик.

И Лось даже отфыркивался, — так ему было хорошо и приятно.

А Дятел уже совсем вычистил перышки и был теперь чистый и молодой.

Заяц отмыл уши и мыл хвостик.

А Ёжик уже давно протер тряпочкой каждую иголку и был такой чистый, что даже самая чистая птица не смогла бы ему сказать, что она чище его!

Весенняя сказка

Никогда раньше с Ёжиком не случалось такого. Никогда раньше ему не хотелось петь и веселиться без причины. А вот теперь, когда наступил месяц май, он целыми днями пел и веселился, и если кто-нибудь у него спрашивал, отчего он поет и веселится, Ёжик только улыбался и начинал петь еще громче.

— Это потому, что весна пришла, — говорил Медвежонок. — Поэтому Ёжик и веселится!

А Ёжик достал из чулана скрипку, позвал двух зайцев и сказал им:

— Пойдите, возьмите свои прошлогодние барабаны и возвращайтесь ко мне!

И, когда зайцы пришли с барабанами через плечо, Ёжик велел им идти позади, а сам пошел первым, наигрывая на скрипке.

— Куда это он идет? — спросил Первый Заяц.

— Не знаю, — ответил Второй.

— Нам бить в барабаны? — спросил он у Ёжика.

— Нет, пока не надо, — сказал Ёжик. — Разве вы не видите: я играю на скрипке!..

И так они прошли весь лес.

У опушки перед высокой сосной Ёжик остановился, задрал мордочку и, не сводя глаз с Белкиного дупла, стал играть самую нежную мелодию, какую только знал. Она называлась: «Грустный Комарик».

«Пи-пи-пи-пи-и!..» — пела скрипка. И Ёжик даже прикрыл глаза — так ему было хорошо и печально.

— Зачем мы здесь остановились? — спросил Первый Заяц.

— Разве вы не понимаете? — удивился Ёжик. — Здесь живет Рыжее Солнышко!

— А в барабаны нам бить?

— Подождите, — проворчал Ёжик. — Я скажу когда...

И снова прикрыл глаза и заиграл «Грустного Комарика».

Белка сидела в дупле и знала, что это Ёжик стоит под сосной, играет «Грустного Комарика» и называет ее Рыжим Солнышком... Но ей хотелось подольше послушать скрипку, и поэтому она не выглядывала из дупла.

А Ёжик играл целый день до вечера и, когда уставал, кивал головой зайцам — и они потихонечку барабанили, чтобы Белка знала, что Ёжик все еще стоит внизу и ждет, когда она выглянет.

Как Ёжик ходил встречать рассвет

Весенними вечерами все в лесу танцуют: Заяц — с Белкой, Дятел — с Синицей, Медвежонок — с Осликом, и даже старый Волк ходит вокруг старого пня и нет-нет — присядет под музыку...

«Кря! Кря!» — кричат утки с реки.

«Ква! Ква!» — вторят им лягушки.

«Уф-ф!..» — вздыхает Филин. Он так не любит светлых весенних вечеров...

«Вот все веселятся, — думает Ёжик, гуляя по тропинке между двух елочек. — Все пляшут и поют. А потом устанут и лягут спать. А я не лягу спать! Я буду гулять до самого утра, а когда ночь станет кончаться, пойду на горку и встречу рассвет...»

И луна уже блестит на небе, и звезды садятся вокруг нее кружком, и засыпает Заяц, прячется в дупле Белка, уходит к себе домой Медвежонок, бежит мимо Ёжика Ослик, Волк зевает во всю свою волчью пасть, да так и засыпает с разинутой пастью, а Ёжик все ходит по тропинке от елочки к елочке, между двух сосен, и ждет рассвета.

«Пойду-ка я на горку!» — говорит он сам себе. И по дороге придумывает, какой он может быть — весенний рассвет.

«Зеленый, — думает Ёжик. — Все весной — зеленое!»

А на горке дует свежий ветерок, и Ёжику холодно. Но он все равно ходит взад и вперед по самой верхушке и ждет рассвета.

— Ну же! — бормочет Ёжик. — Где же ты? Мне уже холодно!..

А рассвета все нет.

«Где это он задерживается? — думает Ёжик. — Он наверно проспал!»

И сам ложится на землю, свертывается клубочком и тоже решает немного поспать, а потом сразу проснуться, когда придет рассвет.

И засыпает...

А рассвет приходит синий-синий, в белых клочьях тумана. Он дует на Ёжика, и Ёжик шевелит иголками.

— Спит... — шепчет рассвет.

И начинает улыбаться. И чем шире он улыбается, тем светлее становится вокруг.

И когда Ёжик открывает глаза, он видит солнышко. Оно плывет по уши в тумане и кивает ему головой.

В СЛАДКОМ МОРКОВНОМ ЛЕСУ

После долгой разлуки они сели на крыльце и, по обыкновению, заговорили.

— Как хорошо, что ты нашелся, — сказал Медвежонок.

— Я пришел.

— Ты представляешь, если бы тебя совсем не было?

— Вот я и пришел.

— Где же ты был?

— А меня не было, — сказал Ёжик.

Заяц и Медвежонок

Летом Медвежонок подружился с Зайцем. Раньше они тоже были знакомы, но летом друг без друга просто жить не могли...

Вот и сегодня Заяц чуть свет пришел к Медвежонку и сказал:

— Послушай, Медвежонок, пока я к тебе шел, расцвели все ромашки!

— А пока я тебя ждал, — сказал Медвежонок, — отцвели одуванчики...

— А когда я только проснулся и подумал, что пойду к тебе, — сказал Заяц, — поспела земляника!

— А я ждал тебя еще раньше, — сказал Медвежонок. — Когда я проснулся, она только зацвела.

— А когда я засыпал, — сказал Заяц, — я подумал, что хорошо бы утром пойти в гости к Медвежонку... И думал об этом так долго, что, пока я думал, выпала роса...

— А я вечером, — сказал Медвежонок, — набрал ее полный ковшик и пил за твое здоровье!

— Я тебя очень люблю! — сказал Заяц.

— А я без тебя... жить не могу, — сказал Медвежонок.

И они, обнявшись, пошли в лес — собирать ромашки и землянику.

Дружба

Однажды утром Медвежонок проснулся и подумал:
«В лесу много зайцев, а мой друг Заяц — один. Надо
его как-нибудь назвать!»

И стал придумывать своему другу имя.

«Если я назову его ХВОСТИК, — думал Медвежонок, — то это будет не по правилам, потому что у меня тоже есть хвостик... Если я назову его УСАТИК, это тоже будет нехорошо — потому что и у других зайцев есть усы... Надо назвать его так, чтобы все-все сразу знали, что это — мой друг».

И Медвежонок придумал.

— Я назову его ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА! — прошептал он. — И тогда всем-всем будет понятно.

И он соскочил с постели и заплясал.

— ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА! ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА! — пел Медвежонок. — Ни у кого нет такого длинного и красивого имени!..

И тут появился Заяц.

Он переступил порог, подошел к Медвежонку, погладил его лапой и тихо сказал:

— Как тебе спалось, МЕДВЕЖОНОККОТОРЫЙДРУЖИТСЗАЙЦЕМ?

— Что?.. — переспросил Медвежонок.

— Это теперь твое новое имя! — сказал Заяц. — Я всю ночь думал: как бы тебя назвать? И наконец придумал: МЕДВЕЖОНОККОТОРЫЙДРУЖИТСЗАЙЦЕМ!

У ручья

Заяц сидел на берегу ручья и смотрел в воду. Из воды на него смотрел Другой Заяц, и когда Заяц шевелил ушами и кивал головой, Другой Заяц тоже кивал головой и шевелил ушами.

Подошел Медвежонок.

— Что ты делаешь, Заяц? — спросил он.

— Разве ты не видишь? — удивился Заяц. — Шевелю ушами и киваю головой?

— А зачем?

— Как?! — снова удивился Заяц. — Там, в воде, сидит Другой Заяц. Видишь, он кивает головой и шевелит ушами!

— А Другого Медвежонка там нет? — спросил Медвежонок.

Заяц склонился к самой воде и спросил у Другого Зайца:

— Послушай, там нет Другого Медвежонка?

Другой Заяц посмотрел налево, направо, пошевелил ушами и помотал головой.

— Нет! — сказал Заяц. — Другого Медвежонка там нет. Хочешь, посмотри сам.

И Медвежонок подошел к ручью.

Но только он склонился над водой, как увидел Другого Медвежонка.

— Вот он! — крикнул Медвежонок и пошевелил ушами.

И Другой Медвежонок тоже пошевелил ушами.

И тогда Заяц с Медвежонком уселись рядышком и до самого вечера шевелили ушами и кивали головой, пока не стемнело и Другой Заяц с Другим Медвежонком не встали, не помахали им лапами и не ушли спать...

Такое дерево

Раньше всех в лесу просыпались птицы. Они пели, раскачиваясь на ветках, а Медвежонок казалось, будто сами деревья машут ветвями и поют.

— Я тоже буду деревом! — сказал сам себе Медвежонок.

И вышел однажды на рассвете на полянку и стал махать четырьмя лапами и петь.

— Что это ты делаешь, Медвежонок? — спросила у него Белка.

— А ты разве не видишь? — обиделся Медвежонок. — Раскачиваю ветвями и пою...

— Ты разве дерево? — удивилась Белка.

— Конечно! А что же еще?!

— А почему ты бегаешь по всей поляне? Разве ты когда-нибудь видел, чтобы деревья бегали?

— Это смотря какое дерево... — сказал Медвежонок, разглядывая свои мохнатые лапы. — А дерево с такими лапами, как у меня, вполне может бегать.

— А кувыркаться такое дерево тоже может?

— И кувыркаться! — сказал Медвежонок.

И перекувырнулся через голову.

— И потом, если ты не веришь, ты можешь побегать по мне, Белка, и увидишь, какое я хорошее дерево!

— А где твои птицы? — спросила Белка.

— Это какие еще птицы?..

— Ну, на каждом дереве живут свои птицы!..

Медвежонок перестал махать лапами и задумался:

«Птицы!.. А где же я возьму птиц?»

— Белка, — сказал он, — найди для меня, пожалуйста, немного птиц.

— Это какая же птица согласится жить на Медвежонке? — спросила Белка.

— А ты не говори им, что я — Медвежонок. Скажи им, что я — такое дерево...

— Попробую, — пообещала Белка.

И обратилась к Зяблику.

— Зяблик! — сказала она. — У меня есть одно знакомое дерево... Оно умеет бегать и кувыркаться через голову. Не согласитесь ли вы немного пожить на нем?

— С удовольствием, — сказал Зяблик. — Я еще никогда не жил на таком дереве.

— Медвежонок, — позвала Белка. — Иди сюда и перестань махать лапами. Вот Зяблик согласен немного пожить на тебе!

Медвежонок подбежал к краю поляны, зажмурился, а Зяблик сел ему на плечо.

«Теперь я настоящее дерево», — подумал Медвежонок и перекувырнулся через голову.

— У-лю-лю-лю-лю!.. — запел Зяблик.

— У-лю-лю-лю-лю!.. — запел Медвежонок и замахал лапами.

В сладком морковном лесу

Зяец больше всего любил морковку.

Он сказал: — Я бы хотел, чтобы в лесу вместо елок росли морковки.

Белка больше всего любила орехи.

Она сказала: — Я бы хотела, Зяец, чтобы вместо шишек на твоих морковках росли орехи.

Медвежонок больше всего любил мед.

Он сказал: — Я бы хотел, чтобы осенью шли медленные медовые дожди.

Ёжик больше всего любил сушеные грибы.

Он сказал: — Пусть твои дожди, Медвежонок, начнутся после того, как я наберу грибов.

И так все и вышло. Вместо елок за одну ночь выросли морковки. Заяц спилил две морковки и отволок к себе в дом.

На морковочных хвостиках выросли орехи. Белка набрала их целую корзину и спрятала в дупле самой толстой морковки.

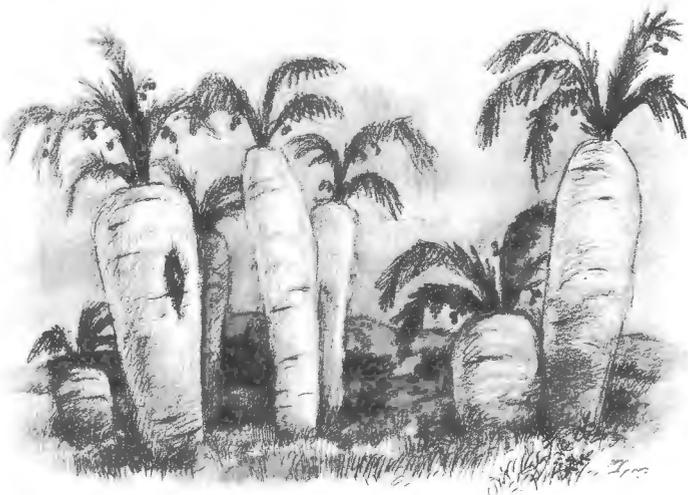
Ёжик ходил между морковок и собирал грибы.

А к осени полились медленные медовые дожди.

Заяц ел морковку с медом. Белка — орехи с медом. Ёжик — грибы с медом.

А Медвежонок целыми днями стоял на морковочной опушке с разинутой пастью и только когда темнело, — совсем ненадолго, совсем на чуть-чутьочку, — хорошенько вылизав все четыре медовые лапы, ложился спать...

А все волки из леса ушли. Потому что волки не любят сладкого.

ЧУДЕСНЫЕ ОБЛАКА

— Мне бы знаешь чего больше всего хотелось? — подумав, сказал Медвежонок Ёжикку. — Мне бы больше всего хотелось, чтобы на каждой твоей иголке выросло по шишке.

— А что бы выросло потом?

— А потом бы ты стал настоящей елкой и жил целых сто лет.

— Это хорошо... А как бы ты со мной разговаривал?

— Я бы забирался на самую макушку и шептал в темечко.

Как Ёжик с Медвежонок протирали звезды

Вот уже целый месяц Ёжик каждую ночь лазил на сосну и протирал звезды.

«Если я не буду протирать звезды каждый вечер, — думал он, — они обязательно потускнеют».

И с утра выходил на крыльцо, наламывал свежий веник, чтобы сбивать сначала со звезд пыль, и стирал тряпочку. Тряпочка у него была одна, и поэтому он каждое утро мыл ее и вешал на сосну сушить.

Покончив с приготовлениями, Ёжик обедал и ложился спать. Просыпался он, когда уже выпадала роса. Поужинав, брал тряпочку в одну лапу, а веник в другую и потихонечку, с сучка на сучок, подымался на самую верхушку сосны.

Здесь начиналось самое главное. Сначала звезды надо было обстукать веником, да так осторожно, чтобы случайно не сбить с неба. Потом веник переложить в левую лапу, а тряпочку взять в правую и протирать звезды до блеска. Работа была кропотливая, и на нее уходила вся ночь.

«А как же иначе? — ворчал Ёжик, беседуя сам с собой на верхушке сосны. — Если Медвежонок не протрет звезды, если я не протру звезды, то кто же протрет звезды?..»

Медвежонок в это время тоже сидел на верхушке сосны над своим домом, протирал звезды и думал:

«Удивительно, как это Ёжику в голову пришла такая счастливая мысль! Ведь если бы Ёжик не придумал чи-

стить звезды, их бы давно уже никто не видел. Вон какая пыльная!..» — И он дунул на звезду и потер тряпочкой...

Медвежонок очень старался, но у него не всегда получалось, как у Ёжика. И если с неба падала звезда, все в лесу знали, что это ее нечаянно столкнул Медвежонок.

Заяц, Ослик, Медвежонок и чудесные облака

У Зайца с Медвежонком сегодня с самого утра было очень много забот. Во-первых, навестить лесных пчел, во-вторых, нарвать заячьей капусты, в-третьих, искупаться в реке, в-четвертых, поваляться на травке, а в-пятых, Медвежонку — поест меду, Зайцу — заячьей капусты, а потом, сидя на пенке, поговорить о минувшем дне...

И поэтому они проснулись рано-рано, умылись и побежали навещать пчел.

— Эй, пчелы! — крикнул Медвежонок когда они остановились под деревом, на котором жили лесные пчелы. — Не дадите ли вы мне немножко медку?

— Как же! — сказала Главная Пчела. — Жди!

— Он и так уже целую неделю ждет, — сказал Заяц.

— Я жду... — сказал Медвежонок.

— Вот и жди! — сказала Главная Пчела и спряталась в дупле.

Заяц с Медвежоном потоптались-потоптались под деревом, а потом побежали искать заячью капусту.

— Что-то нигде не видно твоей капусты, — сказал Медвежонок.

— Я сам удивляюсь! — сказал Заяц. — Только вчера через нее надо было продираться, как сквозь кустарник, а сегодня — ни одного листика...

— Бежим купаться! — сказал Медвежонок.

И они выбежали к реке.

У самой воды сидел Ослик и задумчиво глядел на облака.

— Ослик! — закричали Заяц с Медвежоном. — Мы...

— Тсс! — сказал Ослик.

И Заяц с Медвежонок задрали головы.

Прямо над ними плыло три облака. Одно было похоже на Медвежонок, одно — на Зайца, а третье — на Ослика.

— Я плыву первым! — сказал Медвежонок, устраиваясь на травке.

— А я тебя догоняю! — сказал Заяц и сел рядом.

— Подождите меня! — попросил Ослик.

— Мы не можем, — сказал Медвежонок, — мы торопимся!

— Видишь, я тебя уже догнал! — крикнул Заяц.

— А куда вы торопитесь? — спросил Ослик.

— Щипать заячью капусту и есть мед, — сказал Медвежонок.

И тут на небо выплыло целое облако заячьей капусты и маленькое янтарное облачко меда.

Облако-Медвежонок принялось есть облачко-мед, а Облако-Заяц — щипать облако заячьей капусты.

— Оставь мне немножко заячьей капусты! — попросил Ослик.

— Я бы с удовольствием, — сказал Заяц. — Но видишь, я уже все съел.

И действительно, Облако-Заяц съело все облако заячьей капусты и на глазах растолстело.

— Как вкусно!.. — шептал Медвежонок, лежа на травке и глядя, как Облако-Медвежонок потихонечку ест облачко-мед. — Я никогда не ел такого вкусного меда!

— И все-таки это не по правилам, — сказал Ослик. — Разве я виноват, что я так медленно плыву?

— А ты поторопись! — сказал Медвежонок. — Может быть, я тебе еще дам лизнуть меда...

Удивительная бочка

Медвежонок нарисовал на кусочке бересты бочку с медом, тут же съел мед и лег спать.

Пришел Ёжик, увидел пустую бочку, взял уголек и пририсовал со всех сторон гвоздики. Получился толстый ежик.

Медвежонок проснулся, увидел толстого ежика вместо бочки, тронул его лапой и укололся.

Тогда он стукнул лапой сильнее, но еще сильнее укололся.

«Что же это такое?» — возмутился Медвежонок. Взял уголек и затупил гвоздики. Теперь бочка не кололась.

«Надо снова наполнить ее медом», — решил Медвежонок. И так и сделал.

Поев нарисованного меда он уснул, и тут снова пришел Ёжик и угольком пририсовал бочке лапы. Бочка постучала по бересте одной, потом другой, потом третьей, потом четвертой лапой, приподнялась и пошла.

— Стой! — крикнул Ёжик. И пририсовал хвостик.

И бочка пошла, помахивая хвостиком.

Медвежонок проснулся и увидел шагающую бочку.

— Стой! — крикнул он.

Но бочка и не подумала его послушаться.

Тогда он схватил уголек и привязал ее к колышку.

Бочка рвалась на привязи, и у Медвежонка так и мелькал в глазах ее хвостик.

— Угомонись! — кричал он — Я налью в тебя меда!

Но бочка не желала успокаиваться. Она топала всеми четырьмя лапами и так рвалась, что вот-вот должна была оборвать привязь.

— Бочка! — рассвирепел Медвежонок. — Кто тебе пририсовал лапы?

Бочка молчала. Тогда Медвежонок пририсовал ей медвежью голову и язычок.

— Ёжик! — сказала бочка.

— Ах, вот оно что! — закричал Медвежонок. Привязал бочку еще к одному колышку и побежал к Ёжику.

— Это ты пририсовал моей бочке лапы? — с порога крикнул он.

— Что ты! — сказал Ёжик. — Я и рисовать не умею.

— Нет, умеешь! Бочка говорит, что это ты.

— Чем это она говорит?

— Языком. Я ей Целую голову нарисовал!

— Зачем же тебе бочка с головой? — удивился Ёжик.

— А зачем мне бочка с лапами? — спросил Медвежонок.

— Ну, — сказал Ёжик, — лапы бочке очень полезны. Пойдешь ты, например, в лес, и она с тобой. А надоест — привяжешь к пеньку, и все... А теперь она тебя разговорами замучает!

— Что же мне делать? — спросил Медвежонок.

— Иди домой, — сказал Ёжик, — спусти ее с привязи и ложись спать. А утром, когда она набегается, наполнишь ее медом и позавтракаешь.

— Ты прав, — сказал Медвежонок.

В самое жаркое воскресенье, которое было в лесу

В самое жаркое воскресенье, которое было в лесу, к Медвежонку пришел Волк.

Медвежонок сидел на трубе своего домика, держал в лапе над головой огромный лопух и, зажмурившись от удовольствия, лизал проплывающие облака.

— Здравствуй, Медвежонок! — прохрипел Волк, подстилая под себя хвост и усаживаясь на пороге медвежачьего домика. — Холодные сегодня облака?

«К чему бы это он?» — подумал Медвежонок, а вслух сказал:

— Здравствуй, Волчище! Зачем пожаловал?

По небу плыли редкие облака; далекое солнышко повисло над лесом; Волк высунул язык, слизнул самое прохладное облако и прошептал:

— Стар я... Тошно мне, Медвежонок!.. С самого четверга.

«Врет!» — подумал Медвежонок. А вслух спросил:

— А что было в четверг?

— В четверг я съел твоего друга — Зайца. Твоего любимого зайца, которого ты назвал: ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА... Незабываемый был заяц!..

«Врет, — снова подумал Медвежонок. — ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА сидит сейчас в подполе и пьет холодное молоко!»

— А зачем ты его съел? — спросил Медвежонок.

— Я его съел, потому что очень был голоден, — прошептал Волк, высунул язык и полизал небо.

— Послушай, Волк! — сказал Медвежонок. — Если ты будешь лизать небо над моим домом, здесь никогда не упадет дождя. Потерпи немножко, а если не можешь — уходи в другое место.

— Но я же съел твоего друга Зайца! — прохрипел Волк. — Я хочу, чтобы ты мне что-нибудь сказал!..

— Вот я тебе и говорю, — сказал Медвежонок, — убери язык и прекрати так жарко дышать.

— Но...

Здесь Волк проглотил слюну — потому что Медвежонок у него на глазах подтащил лапой к себе длинненькое,

прозрачное облако, полизал его, закрыл от удовольствия глаза, переломил пополам и съел, так и не открывая глаз.

— Но так же нельзя! — поперхнулся от обиды Волк. — Кто же хватает облака лапами?!

— Ты молчи, — сказал Медвежонок, по-прежнему сидя на трубе с закрытыми глазами. — Кто съел ЗАЙЦА ДРУГА МЕДВЕЖОНКА?

— Позволь, я лизну следующее... — попросил Волк. — Над моим домом сегодня совсем не плывут облака. Я не ел твоего Зайца.

— Ел, — сказал Медвежонок. И посмотрел туда, откуда дул ветер. — Ел! — повторил он. И схватил лапой синюю льдышку облака.

Волк высунул язык, но Медвежонок уже сидел с закрытыми глазами и гладил себя правой лапой по животу.

— Не ел я твоего Зайца, — прохрипел Волк.

Медвежонок не обращал на него никакого внимания.

— Ел!.. Ел!.. — прошамкал беззубой пастью Волк. — Если бы я мог кого-нибудь съесть!..

И ушел, замечая легкую пыль своим горячим хвостом.

Как Слон ходил в гости к Ёжику

Однажды из городского зоопарка убежал Слон.

Это такая обычная история, что мне было бы даже лень ее рассказывать, если б Слон убежал днем и пошел по улицам, мешая автобусам, троллейбусам, заходя в магазины и удивляя прохожих. Конечно же, тут за ним увязалась бы толпа мальчишек: мальчишки бы свистели, улюлюкали, а один из них даже пошел бы перед Слоном, как будто он и есть самый главный...

Но Слон ушел из зоопарка ночью, быстро пересек город, перебежал картофельное поле и скрылся в лесу. Его видел только один ночной сторож возле булочной, да и тому показалось, что Слон ему приснился.

Вбежав в лес, Слон отдышался и пошел медленнее. Вот тут-то и начинается самое интересное.

...Ёжик сидел на пеньке посреди полянки и при свете звезд строгал палочку для грибов. Медвежонок спал. Ослик щипал травку.

И вдруг появился Слон.

— Здравствуйте! — протрубил он.

— Добрый вечер! — сказал Ёжик и так задрал голову, что чуть не свалился с пенька.

Ослик поклонился и прижал уши.

Медвежонок во сне перевернулся на другой бок.

— Здравствуйте! — снова затрубил Слон. — Я только что убежал из зоопарка!

— Мы очень рады, — сказал Ослик и лягнул копытцем Медвежонка.

Медвежонок вскочил, увидел Слона и тут же сел на травку...

— Кто ты? — спросил он спросонок.

— Слон.

— А почему меня разбудил?

— Я тебя не будил. Я убежал из зоопарка.

— А что мы будем делать?

— Веселиться!

— Как? — спросил Ослик.

— Я хочу Вас покатасть, — сказал Слон и встал на колени.

— Будьте добры, подвиньтесь, пожалуйста, поближе к пеньку! — попросил Ёжик.

Слон пододвинулся к пеньку, и Ёжик первый вскарабкался на него, а за ним — Ослик и Медвежонок.

В лапе у Ёжика была палочка для грибов, он сидел ближе всех к голове Слона и поэтому стал главным.

— Слушать меня! — сказал Ёжик Слону. — Сейчас поехали прямо!

И они поехали прямо через лес, напевая веселую песенку:

Не на осле,
Не на коне, —
Мы едем прямо на Слоне!

Ослик был запевалой. Медвежонок отбивал задними лапами такт, а Слон трубил: «Та-ра-ра-ра!»

Ёжик дирижировал, помахивая палочкой, и так они выехали к реке.

Над рекой стоял белый туман, и Слон весь утонул в тумане и ничего не видел. А Ёжик командовал:

— А теперь — немного левее!.. А теперь — вправо!

Ослик с Медвежонок пели песню и барабанили по Слону лапами и копытами.

— Туруру-ру!.. — трубил из тумана Слон.

И скоро проснулся весь лес.

Вылез из своего логова и завыл Волк, заухал Филин, заквакали лягушки.

— Кто это нам подпевает? — спросил Слон.

— Не отвлекайтесь, пожалуйста, — сказал Ёжик, — а то мы налетим на дерево!..

Они уже давно мчались во весь дух, так что только елки и сосны мелькали со всех сторон. Слона совсем не было видно, и казалось, что Ёжик, Ослик и Медвежонок сами летят по туману.

— Жаль, что нас никто не видит! — шепнул Ослик Медвежонку.

— Да!.. — вздохнул Медвежонок.

И они снова подхватили песню:

Не на осле,
Не на коне, —

запевал Ослик.

Мы мчимся прямо на Слона! —
подхватывал Медвежонок.

— Туруру! — глухо доносилось откуда-то снизу.

И так они веселились до самого утра.

Когда взошло солнце, Слон лег спать возле Ёжикиного дома, здесь-то его и нашли служители зоопарка.

— Эка, умаялся! — сказал один.

— Небось целую ночь бегал! — заметил второй.

— Слон, он простор любит, — сказал первый.

И они надели на ноги Слону цепи и повели его в город.

ЁЖИК И МОРЕ

— А когда тебя не было, ты где-нибудь был?

— Угу.

— Где?

— Там, — сказал Ёжик и махнул лапой.

— Далеко?

Ёжик съежился и закрыл глаза.

Ёжик и море

Жил-был в лесу Ёжик-иголка. Был у него дом с печкой, лампочка в доме из гриба-лисички и полная кладовая припасов. Но все Ёжику чего-то хотелось...

— Неспокойно мне, — говорил он Васильку. — Вот здесь мутит, — показывая на грудь. — К морю хочется.

Василек никогда не видел моря, и поэтому говорил:

— Зря ты печалишься, Ёжик. Посмотри, какой я красивый, взгляни, как высоки сосны, послушай, как птицы поют! И все тебя здесь, в лесу, знают и любят.

Но Ёжик с каждым днем печалился все больше.

— Хочется мне к морю! — жаловался он Муравью.

— А какое оно? — спрашивал Муравей.

— Большое. Но я его никогда не видел.

И вот как-то ранним утром, когда в небе еще плавали молочные звезды, Ёжик вышел из своего домика и пошел к морю. В лапе у него была палка, а за плечом — котомка с едой.

Сначала он шел лесом, и птицы пели над ним, и трава, мокрая от росы, шуршала под ногами. Потом лес кончился, и путь Ёжику преградила река.

— Эй! — крикнул Ёжик.

И по всей реке понеслось: «Эй-эй-эй!..»

— Ты чего кричишь? — спросила, подлетев, Утка.

— Переправиться надо, — сказал Ёжик.

И Утка подставила ему свою спину и перевезла на другой берег.

— Спасибо, Утка, — сказал Ёжик и зашагал дальше.

Теперь он шел по огромному лугу. Трещали кузнечики, звенели стеклянными крылышками стрекозы, и где-то высоко в небе распевал жаворонок.

Долго ли шел Ёжик, коротко ли, он вышел к морю.

— Здравствуй, море! — сказал Ёжик.

— Здравствуй, Ёжик! — сказала море.

И накатилась волна. «Пффф-ф!.. — ударила она в берег. — Шшшш...» — зашуршала по камушкам, отступая.

И Ёжик тоже сделал шаг вперед и сказал: «Пффф-ф!.. — и, отбежав немного: — Шшш-ш!..»

— Я на тебя похож, да?

— Очень! — сказала море. И снова ударило волной в берег.

Целый день Ёжик играл с морем: то подбегал к самой воде, то отбегал прочь.

Засыпая на песке под скалой, он поеживался, и ему казалось, что он тоже — маленькое море на четырех лапах.

«Пффф-ф!.. — бормотал он себе под нос. — Шшш-ш!..»

И подымал и опускал иголки.

Ёжикина скрипка

Ёжик давно хотел научиться играть на скрипке. «Что ж, — говорил он, — птицы поют, стрекозы звенят, а я только шипеть умею?»

И он настрогал сосновых дощечек, высушил их и стал мастерить скрипку. Скрипка вышла легонькая, певучая, с веселым смычком.

Закончив работу, Ёжик сел на пенек, прижал к мордочке скрипку и потянул сверху вниз смычок. «Ни-и-и...» — запищала скрипка. И Ёжик улыбнулся.

«Пи-пи-пи-пи...» — вылетело из-под смычка. И Ёжик стал придумывать мелодию.

«Надо придумать такую, — думал он, — чтобы шумела сосна, падали шишки и дул ветер. Потом, чтобы ветер стих, а одна шишка долго-долго качалась, а потом, наконец, шлепнулась — хлоп! И тут должны запищать комары, и наступит вечер».

Он поудобнее уселся на пеньке, покрепче прижал скрипку и взмахнул смычком.

«Ууу!..» — загудела скрипка.

«Нет, — подумал Ёжик, — так, пожалуй, гудит пчела... Тогда пускай это будет полдень. Пускай гудят пчелы, ярко светит солнышко и по дорожкам бегают муравьи.»

И он, улыбаясь, заиграл: «У-у-у! У-у-у-у!..»

«Получается!» — обрадовался Ёжик. И целый день, до вечера, играл «Полдень».

«У-у-у! У-у-у!..» — неслось по лесу. И посмотреть на Ёжика собрались тридцать муравьев, два кузнечика и один комар.

— Вы немножко фальшивите, — вежливо сказал комар, когда Ёжик устал. — Четвертое «у» надо взять чуть-чуть потоньше. Вот так...

И он запищал: «Пи-и-и!..»

— Нет, — сказал Ёжик, — вы играете «Вечер», а у меня «Полдень». Разве вы не слышите?

Комар отступил на шаг своей тоненькой ножкой, склонил голову набок и приподнял плечи.

— Да-да, — сказал он, прислушиваясь. — Полдень! В это время я очень люблю спать в траве.

— А мы, — сказали два кузнечика, — в полдень работаем в кухне. К нам как раз через полчаса залетит стрекоза и попросит выковать новое крылышко!

— А у нас, — сказали муравьи, — в полдень — обед.

А один муравей вышел вперед и сказал: — Поиграйте, пожалуйста, еще немного: я очень люблю обедать!

Ёжик прижал скрипку и заводил смычком.

— Очень вкусно! — сказал муравей. — Я каждый вечер буду приходить слушать ваш «Полдень».

Выпала роса.

Ёжик, как настоящий музыкант, поклонился с пенька муравьям, кузнечикам и комару и унес скрипку в дом, чтобы она не отсырела.

Вместо струн на скрипке были натянуты травинки, и, засыпая, Ёжик думал, как завтра он натянет свежие струны и добьется все-таки того, чтобы скрипка шумела сосной, дышала ветром и топотала падающими шишками...

Ёжик в тумане

По вечерам Ёжик ходил к Медвежонку в гости считать звёзды.

Они усаживались на брёвнышке и, прихлёбывая чай, смотрели на звездное небо.

Оно висело над крышей, прямо за печной трубой.

Справа от трубы были звёзды Медвежонка, а слева — Ёжика.

Сначала Ёжик шёл по полю, где его окружила стайка ночных Бабочек-Подёнок, потом вошёл в сосновый лесок.

А когда вышел, за ним уже крался Филин, растопырив крылья.

Но Ёжик его не заметил.

Он нёс Медвежонку малиновое варенье и смотрел в небо. «Звезда!» — вдруг остановился Ёжик. Филин чуть не налетел на него и тоже уставился в небо.

«И в луже Звезда...» — сам себе сказал Ёжик, увидев её отражение.

Филин тоже наклонился над лужей, но ничего, кроме себя, не увидел и, рассердившись, взрыхлил своей мохнатой лапой воду.

А Ёжик уже глядел в тёмный старый колодец.

«Угу!» — крикнул Ёжик.

«Угу-у-у!» — загудел в ответ старый колодец. Ёжик спрыгнул на землю и на ходу гукнул, словно бросил камушек: «У-гу!».

И Филин, проходя мимо колодца, тоже крикнул: «Угу!...» и остановился, удивленный.

Колодец и ему ответил: «Угу-у-у-у!».

Филин взгромоздился на сруб колодца и снова крикнул: «Угу!».

И колодец в ответ, гулко: «Угу-у-у-у-у-у...».

Филин хихикнул и они заушали, прислушиваясь друг к другу — Филин и старый колодец. А Ёжик со своим узелком уже семенил дальше, сам про себя беседуя с Медвежонком:

«А я ему скажу: „А я тебе малиновое варенье принёс“.

А он мне скажет: „Вот и самовар простыл, надо бы веточек подбросить... этих... ну как их... можжевеловых!“

А я ему скажу... а я ему скажу... а я е-му ска-жу...».

И вдруг застыл. Прямо перед ним из тумана выплыла белая Лошадь.

«А интересно, — подумал Ёжик, — если Лошадь ляжет спать, она захлебнётся в тумане?» И он стал медленно спускаться с горки, чтобы попасть в туман и посмотреть, как там внутри. «Вот, ничего не видно. И даже лапы не видно».

«Лошадь!» — позвал Ёжик.

Но Лошадь ничего не сказала.

И тут на Ёжика обрушился сухой Лист.

Ёжик от испуга закрыл лапами глаза... а когда выглянул... из-под Листа, таинственно покачивая своим домиком, уплыла в туман Улитка... Ёжик опасливо приподнял сухой Лист...

И совсем рядом услышал дыхание:

«А-ха, а-ха!» — вздымая боками и раздуваясь до неба, задышал Слон. Или это был не Слон?

Ёжик аккуратно положил Лист на место и, пятясь, на цыпочках, ушёл в туман.

А из тумана выглянула большая, добрая голова Лошади. Голова вкусно пофыркивала и хрумтела травой.

«Фр-р-р!» — вздохнула лошадиная голова и сухой Лист, как живой, взметнулся и отполз в сторону. Где-то вдали зазвенело и вдруг — «В-з-з-з!» — над головой Ёжика прынула и мгновенно пропала Летучая Мышь.

Ёжик даже не успел перепугаться, а вокруг него затрепетала, засеребрилась легкая стайка ночных Бабочек-Подёнок.

«Хе-хе-хе-хе-хе!» — передразнил Ёжик и даже пробежал следом за ними, подпрыгнул, замахал лапами, представив себя ночной Бабочкой, но вдруг замер, прижав узелок...

Из тумана, как из форточки, выглянул Филин, ухнул: «Угу! У-гу-гу-гу-гу-гу!..» и растворился в тумане.

«Псих», — подумал Ёжик, поднял сухую палку и, ощупывая ею туман, двинулся вперед.

Палка, как слепая, блуждала в темноте, пока не упёрлась во что-то твёрдое. «Тук-тук!» — постучал Ёжик.

Положил узелок и, перебирая по палке лапами, увидел перед собой дерево с огромным дуплом.

«А-га!» — осторожно выдохнул в дупло Ёжик.

«А-а-а-а!» — загудело дерево. Ёжик попятился и вдруг вспомнил про узелок.

Он метнулся назад, обежал дерево, крутнулся на месте... Узелка не было. Дерево медленно заволокло туманом. Ёжик остался один. «Ё-ёж-и-и-и-и-к!» — будто с края земли донёсся чей-то крик.

Туман сгущался вокруг Ёжика.

Ёжик сорвал травинку, на которой сидел Светлячок, и, высоко подняв её над головой, как со свечой, наклоняясь и вглядываясь себе под ноги, побрёл в тумане.

Деревья, как мачты, тонули во мгле. Светлячок — маленький зелёный маяк — еле-еле теплясь, покачивался в тумане, освещая дорогу. Но и он упал в траву и погас. Стало совсем темно.

Туман закружился вокруг Ёжика. И Ёжик побежал. Ему казалось, что из тумана за ним несётся огромная Улитка,

Летучая Мышь, Филин... задышал Слон, обрушился Лист с дерева.

Ёжик упал в траву и закрыл лапами голову. Но тут из тумана появилась Собака. Она положила перед Ёжиком узелок, зевнула во всю собачью пасть и пропала в тумане.

Издалека донёсся голос Медвежонка:

«Ё-ёжи-и-и-ик!».

«О-го-го-го-го!» — рванулся на крик Ёжик, но — бултых! — упал в воду.

«Я — в реке, — похолодел от страха Ёжик и, немного погодя, решил, — пускай река сама несёт меня».

Он глубоко вздохнул и река понесла его вниз по течению.

Высоко в небе горели звёзды, над ним проплыла голова Лошади, где-то далеко тоненько играла балалайка...

«Я совсем промок. Я скоро утону», — подумал Ёжик. Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

«Извините... — беззвучно спросил Кто-то, — кто Вы и как сюда попали?»

«Я — Ёжик, — тоже беззвучно ответил Ёжик, — я упал в реку».

«Тогда садитесь ко мне на спину, — беззвучно проговорил Кто-то, — я отвезу Вас на берег».

Ёжик сел на чью-то широкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

«Спасибо!» — вслух сказал Ёжик.

«Не за что!» — беззвучно сказал Кто-то, кого Ёжик даже не видел, и пропал в волнах.

Ёжик с узелком сидел на брёвнышке и смотрел прямо перед собой остановившимися глазами.

Послышались чьи-то торопливые шаги. «Ёжик! Где же ты был? — плюхнулся рядом запыхавшийся Медвежонок, — я звал, звал, а ты не откликался!..»

Ёжик ничего не сказал. Он только чуть скосил глаза в сторону Медвежонка...

«Я уже и самовар на крыльце раздул, креслице плетёное придвинул, чтобы удобнее звёзды считать было... вот, думаю, сейчас придёшь, сядем, чайку попьём, с малиновым вареньем, ты ведь малиновое варенье несёшь, да? А я и самовар раздул и веточек этих... как их?..»

«Мож-же-ве-ло-вых», — медленно подсказал Ёжик. «Можжевеловых! — обрадовался Медвежонок, — чтобы дымок пах... И... и... и... и в... и в... ведь кто же, кроме тебя, звёзды-то считать будет?!»

Медвежонок говорил, говорил, а Ёжик думал:

«Всё-таки хорошо, что мы снова вместе».

А ещё Ёжик думал о Лошади:

«Как она там, в тумане?..»

Было тихо. В ночном небе ярко горели звезды.

Филин переговаривался с колодцем.

«Угу-у!» — говорил Филин.

«Угу-гу-гу-гу-гу-гу!» — отвечал ему Колодец.

«Угу-у!» — кричал Филин.

«Угу-гу-гу-гу-гу-гу!» — гудел Колодец.

«Угу-у!»

«Угу-гу-гу-гу-гу-гу!»

«Угу-у!»

«Угу-гу-гу-гу-гу-гу-у-у!»

Однажды в солнечный день

Однажды с самого утра появилось солнце. Сначала оно осветило только верхушки деревьев, потом позолотило кусты и траву, потом утренний туман растаял, и Ёжик вышел из своего домика.

— Доброе утро! — сказала ему Травинка.

— Доброе утро! — пробормотал Ёжик. Умылся в росе и отправился завтракать.

Позавтракав, он снова вышел на крылечко, потянулся, пошел к широкой поляне и сел там под густым вязом.

Солнечные зайцы водили в траве хоровод, в ветвях пели птицы, а Ёжик смотрел во все глаза и слушал.

Пришел Медвежонок, сел рядом с Ёжиком, и они стали смотреть и слушать вместе.

— Как красиво они пляшут! — сказал Медвежонок, чуть подвигаясь вправо.

— Очень! — сказал Ёжик. И тоже пододвинулся, потому что солнечные зайцы понемножку уводили хоровод вправо.

— Я никогда не видел таких крупных солнечных зайцев, — сказал Медвежонок.

— И я, — подтвердил Ёжик.

— Как, по-твоему, у них есть уши? — спросил Медвежонок,

продолжая тихонько двигаться вокруг ствола за заячьим хороводом.

— Нет, — сказал Ёжик, стараясь не отставать от Медвежонка. — Думаю, нет.

— А по-моему, есть! — сказал Медвежонок.

— И я так думаю, — согласился Ёжик.

— Так ты же только что думал иначе!

— Я люблю думать по-разному, — ответил Ёжик, перебирая лапами.

— По-разному думать плохо, — сказал Медвежонок.

Они уже один раз обернулись вокруг вяза и теперь пошли на второй круг.

— По-разному думать, — продолжал Медвежонок, — это значит — по-разному говорить...

— Что ты! — возразил Ёжик. — Говорить можно одно и то же. — И подвинулся.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Если по-разному думаешь — по-разному говоришь!

— А вот и нет! — сказал Ёжик. — Думать можно по-разному, а говорить одно и то же.

— Как же так? — удивился Медвежонок, продолжая двигаться и слушать птиц. Он даже приподнял дальше от Ёжика ухо, чтобы слышать птиц лучше.

— А очень просто! — сказал Ёжик. — Я, например, все время думаю о том, как хорошо сидеть под вязом и смотреть на солнечных зайцев, а говорю совсем о другом.

— Как о другом?! — возмутился Медвежонок. — Мы же говорим о том, есть ли у них уши!

— Конечно, нет! — сказал Ёжик.

— Ты же только что говорил, что есть!

— А теперь говорю, что нету.

— И тебе не стыдно?!

— Почему же мне должно быть стыдно? — удивился Ёжик. — Я же могу иметь свое мнение.

— Но оно у тебя — разное!..

— А почему я не могу иметь разное свое мнение? — спросил Ёжик и пододвинулся.

Пока он говорил, Медвежонок не двигался с места, и теперь между ними образовалось порядочное расстояние.

— Ты меня расстраиваешь, — сказал Медвежонок и сел рядом с Ёжиком. — Давай молча смотреть на зайцев и слушать птиц.

— Тюи! Тюи! — пели птицы.

— А все-таки лучше думать одинаково! — вздохнул Медвежонок.

Зайцы устали плясать и растянулись на траве.

Теперь Ёжик с Медвежонком неподвижно сидели под вязом и смотрели на заходящее солнце.

— Зря ты расстраиваешься, — сказал Ёжик. — Конечно, у солнечных зайцев есть уши!..

И хотя Ёжик с Медвежонком чуть было не поссорились, это был очень счастливый солнечный день!

ОСЕННИЕ СКАЗКИ

— Вот мы с тобой говорим, говорим, дни летят, а мы с тобой все говорим.

— Говорим, — согласился Ёжик.

— Месяца проходят, облака летят, деревья голенькие, а мы все беседуем.

— Беседуем.

— А потом все совсем пройдет, а мы с тобой вдвоем только и останемся.

— Если бы!

— А что ж с нами станет?

— Мы тоже можем пролететь.

— Как птицы?

— Ага.

— А куда?

— К югу, — сказал Ёжик.

Как поймать облако

Когда пришла пора птицам улетать на юг и уже давно увяла трава и облетели деревья, Ёжик сказал Медвежонку:

— Скоро зима. Пойдем поудим напоследок для тебя рыбки. Ты ведь любишь рыбку!

И они взяли удочки и пошли к реке.

На реке было так тихо, так спокойно, что все деревья склонились к ней печальными головами, а посередине медленно плыли облака. Облака были серые, лохматые, и Медвежонку стало страшно.

«А что, если мы поймаем облако? — подумал он. — Что мы тогда с ним будем делать?»

— Ёжик! — сказал Медвежонок. — Что мы будем делать, если поймаем облако?

— Не поймаем, — сказал Ёжик. — Облака на сухой горюх не ловятся! Вот если бы ловили на одуванчик...

— А на одуванчик можно поймать облако?

— Конечно! — сказал Ёжик. — На одуванчик облака только и ловятся!

Стало смеркаться.

Они сидели на узеньком березовом мостке и смотрели в воду. Медвежонок смотрел на поплавок Ёжика, а Ёжик — на поплавок Медвежонка. Было тихо-тихо, и поплавки неподвижно отражались в воде.

— Почему она не клюет? — спросил Медвежонок.

— Она слушает наши разговоры, — сказал Ёжик. — Рыбы к осени очень любопытны!

— Тогда давай молчать.

И они целый час сидели молча.

Вдруг поплавок Медвежонка заплясал и глубоко нырнул.

— Клюет! — крикнул Ёжик.

— Ой! — воскликнул Медвежонок. — Тянет!

— Держи, держи! — сказал Ёжик.

— Что-то очень тяжелое, — шепнул Медвежонок. —

В прошлом году здесь утонуло старое облако. Может, это — оно?..

— Держи, держи! — повторил Ёжик.

Но тут удочка Медвежонка согнулась дугой, потом со свистом распрямилась — и высоко в небо взлетела огромная красная луна.

— Луна! — в один голос выдохнули Ёжик с Медвежонком.

А луна покачнулась и тихо поплыла над рекой.

И тут пропал поплавок Ёжика.

— Тяни! — шепнул Медвежонок.

Ёжик взмахнул удочкой — и высоко в небо, выше луны, взлетела маленькая звезда.

— Так... — прошептал Ёжик, доставая две новые горошины. — Теперь только бы хватило наживки!..

И они, забыв о рыбе, целую ночь ловили звезды и забрасывали ими все небо.

А перед рассветом, когда горох кончился, Медвежонок свесился с мостка и вытащил из воды два оранжевых кленовых листа.

— Лучше нет, чем ловить на кленовый листик! — сказал он.

И стал было уже задремывать, как вдруг кто-то крепко схватился за крючок.

— Помоги!.. — шепнул Ёжику Медвежонок.

И они, усталые, сонные, вдвоем еле-еле вытащили из воды солнышко.

Оно отряхнулось, прошлось по узенькому мостку и покатилося в поле.

Кругом было тихо, хорошо, и последние листья, как маленькие кораблики, медленно плыли по реке...

Осенняя сказка

С каждым днем все позднее светало, и лес стал таким прозрачным, что казалось: обшарь его вдоль и поперек — не найдешь ни одного листика.

— Скоро и наша береза облетит, — сказал Медвежонок. И показал лапой на одинокую березу, стоящую посреди поляны.

— Облетит... — согласился Ёжик.

— Подуют ветры, — продолжал Медвежонок, — и она вся так и затрясется, а я буду во сне слышать, как падают с нее последние листья. А утром проснусь, выйду на крыльцо, а она — голая!

— Голая... — согласился Ёжик.

Они сидели на крылечке медвежачьего домика и смотрели на одинокую березу посреди поляны.

— Вот если бы на мне весной выросли листья! — сказал Ёжик. — Я бы осенью сидел у печки, и они бы ни за что не облетели.

— А какие бы ты хотел листья? — спросил Медвежонок. — Березовые или ясеневые?

— Как у клена! Тогда бы я осенью был рыжий-рыжий, и ты бы меня принял за маленького Лисенка. Ты бы мне сказал: «Маленький Лисенок, как поживает твоя мама?» А я бы сказал: «Мою маму убили охотники, а я теперь живу у Ёжика. Приходи к нам в гости!» И ты бы пришел. «А где же Ёжик?» — спросил бы ты. А потом, наконец, догадался, и мы бы долго-долго смеялись, до самой весны...

— Нет, — сказал Медвежонок. — Лучше, если бы я не догадался, а спросил: «А что, Ёжик пошел за водой?» — «Нет!» — сказал бы ты. «За дровами?» — «Нет!» — сказал бы ты. — «Может, он пошел к Медвежонку в гости?» И тут бы ты кивнул головой. А я бы пожелал тебе спокойной ночи и побежал к себе, потому что ты ведь не знаешь, где я теперь прячу ключ, и тебе пришлось бы сидеть на крыльце.

— Но я же ведь остался бы у себя дома! — сказал Ёжик.

— Ну, так что ж! — сказал Медвежонок. — Ты бы сидел у себя дома и думал: «Интересно, это Медвежонок притворяется или по-настоящему не узнал меня?» А я бы пока сбегал домой, взял маленькую баночку меда, вернулся

к тебе и спросил: «А что, Ёжик еще не возвращался?»
А ты бы сказал...

— А я бы сказал, что я и есть Ёжик! — сказал Ёжик.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Лучше бы ты ничего такого не говорил. А сказал так...

Тут Медвежонок запнулся, потому что с березы посреди поляны вдруг сорвалось сразу три листика. Они немного покружились в воздухе, а потом мягко опустились в порыжевшую траву.

— Нет, лучше бы ты ничего такого не говорил, — повторял Медвежонок. — А мы бы просто попили с тобой чай и легли спать. И тогда бы я во сне обо всем догадался.

— А почему во сне?

— Самые лучшие мысли ко мне приходят во сне, — сказал Медвежонок. — Вон видишь: на березе осталось двенадцать листиков. Они уже никогда не упадут. Потому что вчера ночью я во сне догадался, что сегодня утром их надо пришить к веточке.

— И пришил? — спросил Ёжик.

— Конечно, — сказал Медвежонок. — Той самой иголкой, которую ты мне подарил в прошлом году.

Как Ослику приснился страшный сон

Дул осенний ветер. Звезды низко кружились в небе, а одна холодная, синяя звезда зацепилась за сосну и остановилась прямо против домика Ослика.

Ослик сидел за столом, положив голову на копытца, и смотрел в окно.

«Какая колючая звезда», — подумал он. И уснул. И тут же звезда опустилась прямо к его окошку и сказала:

— Какой глупый Ослик! Такой серый, а клыков нет.

— Чего?

— Клыков! — сказала звезда. — У серого кабана есть клыки и у серого волка есть, а у тебя нет.

— А зачем они мне? — спросил Ослик.

— Если у тебя будут клыки, — сказала звезда, — тебя все станут бояться.

И тут она быстро-быстро замигала, и у Ослика за одной и за другой щекой выросло по клыку.

— И когтей нет, — вздохнула звезда. И сделала ему когти.

Потом Ослик очутился на улице и увидел Зайца.

— Здр-р-равствуй, Хвостик! — крикнул он. Но косой помчался со всех ног и скрылся за деревьями.

«Чего это он меня испугался?» — подумал Ослик. И решил пойти в гости к Медвежонку.

— Тук-тук-тук! — постучал Ослик в окошко.

— Кто там? — спросил Медвежонок.

— Это я, Ослик, — и сам удивился своему голосу.

— Кто? — переспросил Медвежонок.

— Я! Откр-рой!..

Медвежонок открыл дверь, попятился и мигом скрылся за печкой.

«Чего это он?» — снова подумал Ослик. Вошел в дом и сел на табуретку.

— Что тебе надо? — испуганным голосом спросил из-за печки Медвежонок.

— Чайку пр-р-ришел попить, — прохрипел Ослик. «Странный голос, однако, у меня», — подумал он.

— Чаю нет! — крикнул Медвежонок. — Самовар прохудился!

— Как пр-рохудился?! Я только на той неделе подарил тебе новый самовар!

— Ничего ты мне не дарил! Это Ослик подарил мне самовар!

— А я кто же?

— Волк!

— Я?!. Что ты! Я люблю тр-р-равку!

— Травку? — высунулся из-за печки Медвежонок.

— Не волк я! — сказал Ослик. И вдруг нечаянно лязгнул зубами.

Он схватился за голову и... не нашел своих длинных пушистых ушей. Вместо них торчали какие-то жесткие, короткие уши...

Он посмотрел на пол — и обомлел: с табуретки свешивались когтистые волчьи лапы...

— Не волк я! — повторил Ослик, щелкнув зубами.

— Рассказывай! — сказал Медвежонок, вылезая из-за печки. В лапах у него было полено, а на голове — горшок из-под топленого масла.

— Что это ты надумал?! — хотел крикнуть Ослик, но только хрипло зарычал: — Рррр!!!

Медвежонок стукнул его поленом и схватил кочергу.

— Будешь притворяться моим другом Осликом? — кричал он. — Будешь?!

— Честное слово, не волк я, — бормотал Ослик, отступая за печку. — Я люблю травку!

— Что?! Травку?! Таких волков не бывает! — кричал Медвежонок. Он распахнул печку и выхватил из огня горящую головню.

Тут Ослик проснулся...

Кто-то стучал в дверь, да так сильно, что прыгал крючок.

— Кто там? — тоненько спросил Ослик.

— Это я! — крикнул из-за двери Медвежонок. — Ты что там, спишь?

— Да, — сказал Ослик, отпирая. — Я смотрел сон.

— Ну?! — сказал Медвежонок, усаживаясь на табуретке. — Интересный?

— Страшный! Я был волком, а ты меня лупил кочергой...

— Да ты бы мне сказал, что ты — Ослик!

— Я говорил, — вздохнул Ослик, — а ты все равно не верил. Я говорил, что если я даже кажусь тебе волком, то все равно я люблю щипать травку!

— Ну и что?

— Не поверил...

— В следующий раз, — сказал Медвежонок, — ты мне скажи во сне: «Медвежонок, а по-омнишь, мы с тобой говорили?..» И я тебе поверю.

Доверчивый Ёжик

Два дня сыпал снег, потом растаял, и полил дождь.

Лес вымок до последней осинки. Лиса — до самого кончика хвоста, а старый Филин три ночи никуда не летал, сидел в своем дупле и огорчался. «Ух!» — вздыхал он.

И по всему лесу разносилось: «Ух-х-х!..»

А в доме у Ёжика топилась печь, потрескивал в печи огонь, а сам Ёжик сидел на полу у печки, помаргивая, глядел на пламя и радовался.

— Как хорошо! Как тепло! Как удивительно! — шептал он. — У меня есть дом с печкой!

«Дом с печкой! Дом с печкой! Дом с печкой!» — запел он и, пританцовывая, принес еще дровишек и бросил их в огонь.

— Ха-ха! — хохотнул Огонь и облизнул дровишки. — Сухие!

— Еще бы! — сказал Ёжик.

— А много у нас дровишек? — спросил Огонь.

— На всю зиму хватит!

— Ха-ха-ха-ха-ха! — захохотал Огонь и принялся так плясать, что Ёжик испугался, как бы он не выскочил из печки.

— Ты не очень! — сказал он Огню. — Выскочишь! — И прикрыл его дверцей.

— Эй! — крикнул Огонь из-за дверцы. — Ты чего меня запер? Давай поговорим!

— О чем?

— О чем хочешь! — сказал Огонь и просунул нос в щелочку.

— Нет уж, нет уж! — сказал Ёжик и стукнул Огонь по носу.

— Ах, ты дерешься! — взвился Огонь и загудел так, что Ёжик снова испугался.

Некоторое время они молчали.

Потом Огонь успокоился и жалобно сказал:

— Послушай, Ёжик, я проголодался. Дай мне еще дровишек — у нас же их много.

— Нет, — сказал Ёжик, — не дам. В доме и так тепло.

— Тогда открой дверцу и дай мне посмотреть на тебя.

— Я дремлю, — сказал Ёжик. — На меня сейчас неинтересно смотреть.

— Ну, что ты! Я больше всего люблю смотреть на дремлющих Ёжиков.

— А почему ты любишь смотреть на дремлющих?

— Дремлющие Ёжики так красивы, что на них трудно наглядеться.

— И если я открою печку, ты будешь смотреть, а я буду дремать?

— И ты будешь дремать, и я буду дремать, только я еще буду на тебя смотреть.

— Ты тоже красивый, — сказал Ёжик. — Я тоже буду на тебя смотреть.

— Нет. Лучше ты на меня не смотри, — сказал Огонь, — а я буду на тебя смотреть, и горячо дышать, и гладить тебя теплым дыханием.

— Хорошо, — сказал Ёжик. — Только ты не вылазь из печки.

Огонь промолчал.

Тогда Ёжик открыл печную дверцу, прислонился к дровишкам и задремал. Огонь тоже дремал, и только в темноте печи поблескивали его злые глаза.

— Прости меня, пожалуйста, Ёжик, — обратился он к Ёжику чуть погодя, — но мне будет совсем хорошо на тебя смотреть, если я буду сыт. Подбрось дровишек.

Ёжику было так сладко у печки, что он подкинул три полешка и снова задремал.

— У-у-у! — загудел Огонь. — У-у-у! Какой красивый Ёжик! Как он дремлет! — и с этими словами спрыгнул на пол и побежал по дому.

Пополз дым. Ёжик закашлялся, открыл глаза и увидел пляшущий по всей комнате Огонь.

— Горю! — закричал Ёжик и кинулся к двери.

Но Огонь уже плясал на пороге и не пускал его.

Ёжик схватил валенок и стал бить Огонь валенком.

— Полезай в печку, старый обманщик! — кричал Ёжик. Но Огонь только хохотал в ответ.

— Ах так! — крикнул Ёжик, разбил окно, выкатился на улицу и сорвал со своего домика крышу.

Дождь лил вовсю. Капли затопали по полу и стали оттапывать Огню руки, ноги, бороду, нос.

«Шлепи-шлеп! Шлепи-шлеп!» — приговаривали капли, а Ёжик бил Огонь мокрым валенком и ничего не приговаривал — так он был сердит.

Когда Огонь, зло шипя, забрался обратно в печку, Ёжик накрыл свой домик крышей, заложил дровишками разбитое окно, сел к печке и пригорюнился: в доме было холодно, мокро и пахло гарью.

— Какой рыжий, лживый старикашка! — сказал Ёжик.

Огонь ничего не ответил. Да и что было говорить Огню, если все, кроме доверчивого Ёжика, знают, какой он обманщик.

ПОРОСЁНОК В КОЛЮЧЕЙ ШУБКЕ

— Давай никуда не улетать, Ёжик. Давай навсегда сидеть на нашем крыльце, а зимой — в доме, а весной — снова на крыльце, и летом — тоже.

— А у нашего крыльца будут потихоньку отрастать крылья. И однажды мы с тобой вместе проснемся высоко над землей.

«Это кто там бежит внизу такой темненький? — спросишь ты. — А рядом — еще один?»

— Да это мы с тобой, — скажу я.

«Это наши тени», — добавишь ты.

СНЕЖНЫЙ ЦВЕТОК

— Ав! Ав! Ав! — лаяла собака.

Падал снег — и дом, и бочка посреди двора, и собачья конура, и сама собака были белые и пушистые.

Пахло снегом и новогодней елкой, внесенной с мороза, и запах этот горчил мандаринной корочкой.

— Ав! Ав! Ав! — опять залаяла собака.

«Она, наверное, унюхала меня», — подумал Ёжик и стал отползать от домика лесника.

Ему было грустно одному идти через лес, и он стал думать, как в полночь он встретится с Осликом и Медвежонком на Большой поляне под голубой елкой.

«Мы развесим сто рыжих грибов-лисичек, — думал Ёжик, — и нам станет светло и весело. Может быть, прибе-

гут зайцы, и тогда мы станем водить хоровод. А если придет Волк, я его уколою иголкой, Медвежонок стукнет лапой, а Ослик копытцем».

А снег все падал и падал. И лес был такой пушистый, такой лохматый и меховой, что Ёжику захотелось вдруг сделать что-то совсем необыкновенное: ну, скажем, взобраться на небо и принести звезду.

И он стал себе представлять, как он со звездой опускается на Большую поляну и дарит Ослику и Медвежонку звезду.

«Возьмите, пожалуйста», — говорит он. А Медвежонок отмахивается лапами и говорит: «Ну, что ты? У тебя ведь одна...» И Ослик рядом кивает головой — мол, что ты, у тебя ведь всего одна! — а он все-таки заставляет их послушаться, взять звезду, а сам снова убегает на небо.

«Я вам пришлю еще!» — кричит он. И когда уже поднимается совсем высоко, слышит еле доносящееся: «Что ты, Ёжик, нам хватит одной...»

А он все-таки достает вторую и вновь опускается на поляну — и всем весело, все смеются и пляшут.

«И нам! И нам!» — кричат зайцы.

Он достает и им. А для себя ему не надо. Он и так счастлив, что весело всем...

«Вот, — думал Ёжик, взбираясь на огромный сугроб, — если б рос где-нибудь цветок “ВСЕМ-ВСЕМ ХОРОШО И ВСЕМ-ВСЕМ ВЕСЕЛО”, я бы раскопал снег, достал его и поставил посреди Большой поляны. И зайцам, и Медвежонку, и Ослику — всем-всем, кто бы его увидел, сразу стало хорошо и весело!»

И тут, будто услышав его, старая пушистая Елка сняла белую шапку и сказала:

— Я знаю, где растет такой цветок, Ёжик. Через двести сосен от меня, за Кривым оврагом, у обледенелого пня, бьет Незамерзающий Ключ. Там, на самом дне, стоит твой цветок!

— Ты мне не приснилась, Елка? — спросил Ёжик.

— Нет, — сказала Елка и снова надела шапку.

И Ёжик побежал, считая сосны, к Кривому оврагу, перебрался через него, нашел обледенелый пенек и увидел Незамерзающий Ключ.

Он наклонился над ним и вскрикнул от удивления.

Совсем близко, покачивая прозрачными лепестками, стоял волшебный цветок. Он был похож на фиалку или подснежник, а может быть, просто на большую снежинку, не тающую в воде.

Ёжик протянул лапу, но не достал. Он хотел вытащить цветок палкой, но побоялся поранить.

«Я прыгну в воду, — решил Ёжик, — глубоко нырну и осторожно возьму его лапами».

Он прыгнул и, когда открыл под водой глаза, не увидел цветка. «Где же он?» — подумал Ёжик. И вынырнул на берег.

На дне по-прежнему покачивался чудесный цветок.

— Как же так!.. — заплакал Ёжик. И снова прыгнул в воду, но опять ничего не увидел.

Семь раз нырял Ёжик в Незамерзающий Ключ...

Продрогший до последней иголки, бежал он через лес домой.

«Как же это? — всхлипывал он. — Как же так?» И сам не знал, что на берегу превращается в белую, как цветок, снежинку.

И вдруг Ёжик услышал музыку, увидел Большую поляну с серебряной елкой посередине, Медвежонка, Ослика и зайцев, водящих хоровод.

«Тара-тара-там-та-та!..» — играла музыка. Кружился снег, на мягких лапах плавно скользили зайцы, и сто рыжих лампочек освещали это торжество.

— Ой! — воскликнул Ослик. — Какой удивительный снежный цветок!

Все закружились вокруг Ёжика и, улыбаясь, танцуя, стали любоваться им.

— Ах, как всем-всем хорошо и весело! — сказал Медвежонок. — Какой чудесный цветок! Жаль только, что нет Ёжика...

«Я здесь!» — хотел крикнуть Ёжик.

Но он так продрог, что не мог вымолвить ни слова.

Поросёнок в колючей шубке

Была зима. Стояли такие морозы, что Ёжик несколько дней не выходил из своего домика, топил печь и смотрел в окно. Мороз разукрасил окошко разными узорами, и Ёжику время от времени приходилось залезать на подоконник и дышать и тереть лапой замерзшее стекло.

«Вот, — говорил он, снова увидев елку, пенек и поляну перед домом. Над поляной кружились и то улетали куда-то вверх, то опускались к самой земле снежинки.

Ёжик прижался носом к окну, а одна Снежинка села ему на нос с той стороны стекла, привстала на тоненьких ножках и сказала:

— Это ты, Ёжик? Почему ты не выходишь с нами играть?

— На улице холодно, — сказал Ёжик.

— Нет, — засмеялась Снежинка. — Нам нисколько не холодно! Посмотри, как я летаю!

И она слетела с Ёжикиного носа и закружилась над поляной. «Видишь? Видишь?» — кричала она, пролетая мимо окошка. А Ёжик так прижался к стеклу, что нос у него расплющился и стал похож на поросячий пяточок; и Снежинке казалось, что это уже не Ёжик, а надевший колючую шубу поросенок смотрит на нее из окна.

— Поросёнок! — крикнула она. — Выходи с нами гулять!

«Кого это она зовет?» — подумал Ёжик и вдавился в стекло еще сильнее, чтобы посмотреть, нет ли на завалинке поросенка.

А Снежинка теперь уже твердо знала, что за окошком сидит поросенок в колючей шубке.

— Поросёнок! — еще громче крикнула она. — У тебя же есть шубка. Выходи с нами играть!

«Так, — подумал Ёжик. — Там под окошком, наверное, сидит поросенок в шубке и не хочет играть. Надо пригласить его в дом и напоить чаем».

И он слез с подоконника, надел валенки и выбежал на крыльцо.

— Поросёнок! — крикнул он. — Идите пить чай!

— Ёжик, — сказала Снежинка, — поросёнок только что убежал. Поиграй ты с нами!

— Не могу. Холодно! — сказал Ёжик и ушел в дом.

Закрыв дверь, он оставил у порога валенки, подбросил в печку дровишек, снова влез на подоконник и прижался носом к стеклу.

— Поросёнок! — крикнула Снежинка. — Ты вернулся? Выходи! Будем играть вместе!

«Он вернулся», — подумал Ёжик. Снова надел валенки и выбежал на крыльцо. — Поросёнок! — закричал он. — Поросёно-о-ок!.. Выл ветер и весело кружились снежинки.

Так до самого вечера Ёжик то бегал на крыльцо и звал поросенка, то, возвратившись в дом, залезал на подоконник и прижимался носом к стеклу.

Снежинке было все равно, с кем играть, и она звала то поросенка в колючей шубке, когда Ёжик сидел на подоконнике, то самого Ёжика, когда он выбегал на крыльцо.

А Ёжик, и засыпая, боялся, как бы не замерз в такую морозную ночь поросёнок в колючей шубке.

Долгим зимним вечером

Ах, какие сугробы намела вьюга! Все пеньки, все кочки завалил снег. Сосны глухо скрипели, раскачиваемые ветром, и только труженик-дятел долбил и долбил где-то вверху, как будто хотел продолбить низкие тучи и увидеть солнце...

Ёжик сидел у себя дома у печки и уже не чаял, когда наступит весна.

«Скорей бы, — думал Ёжик, — зажурчали ручьи, запели птицы и первые муравьи побежали по дорожкам!.. Тогда бы я вышел на поляну, крикнул на весь лес, и Белка при-

бежала бы ко мне, а я бы ей сказал: «Здравствуй, Белка! Вот и весна пришла! Как тебе зимовалось?»

А Белка бы распушила свой хвост, помахала им в разные стороны и ответила: «Здравствуй, Ёжик! Здоров ли ты?» И мы бы побежали по всему лесу и осмотрели каждый пенек, каждую елку, а потом стали бы протаптывать прошлогодние тропинки...

«Ты протаптывай по земле, — сказала бы Белка, — а я — поверху!» И запрыгала бы по деревьям...

Потом бы мы увидели Медвежонка.

«А, это ты!» — крикнул бы Медвежонок и стал бы помогать мне протаптывать тропинки...

А потом мы позвали бы Ослика. Потому что без него нельзя проложить большую дорожку.

Ослик бежал бы первым, за ним — Медвежонок, а уж за ними — я...

«Цок-цок-цок» — стучал бы Ослик копытцами, «топ-топ-топ» — топотал Медвежонок, а я бы за ними не поспевал и просто катился.

«Ты портишь дорожку! — крикнул бы Ослик. — Ты всю ее расковырял своими иголками!»

«Не беда! — улыбнулся бы Медвежонок. — Я побегу за Ёжиком и буду утаптывать землю».

«Нет, нет, — сказал Ослик, — пусть лучше Ёжик разрыхляет огороды!»

И я бы стал кататься по земле и разрыхлять огороды, а Ослик с Медвежонком — таскать воду...

«Теперь разрыхлите мой!» — попросил бы Бурундучок.

«И мой!» — сказала бы Лесная Мышь... И я бы катался по всему лесу и всем приносил пользу.

— А теперь вот приходится сидеть у печки, — грустно вздохнул Ёжик, — и неизвестно еще, когда наступит весна...

Как Ослик, Ёжик и Медвежонок встречали Новый год

Всю предновогоднюю неделю в полях бушевала вьюга. В лесу снегу намело столько что ни Ёжик, ни Ослик, ни Медвежонок всю неделю не могли выйти из дому.

Перед Новым годом вьюга утихла, и друзья собрались в доме у Ёжика.

— Вот что, — сказал Медвежонок, — у нас нет елки.

— Нет, — согласился Ослик.

— Не вижу, чтобы она у нас была, — сказал Ёжик. Он любил выражаться замысловато в праздничные дни.

— Надо пойти поискать, — сказал Медвежонок.

— Где же мы ее сейчас найдем? — удивился Ослик. — В лесу-то темно...

— И сугробы какие!.. — вздохнул Ёжик.

— И все-таки надо идти за елкой, — сказал Медвежонок.

И все трое вышли из дома.

Вьюга утихла, но тучи еще не разогнало, и ни одной звездочки не было видно на небе.

— И луны нет! — сказал Ослик. — Какая тут елка?!

— А на ощупь? — сказал Медвежонок. И пополз по сугробам.

Но и на ощупь он ничего не нашел. Попадались только большие елки, но и они все равно бы не влезли в Ёжикин домик, а маленькие все с головой засыпало снегом.

Вернувшись к Ёжику, Ослик с Медвежонком загрустили.

— Ну, какой это Новый год!.. — вздыхал Медвежонок.

«Это если бы какой-нибудь осенний праздник, так елка, может быть, и не обязательна, — думал Ослик. — А зимой без елки — нельзя».

Ёжик тем временем вскипятил самовар и разливал чай по блюдечкам. Медвежонку он поставил баночку с медом, а Ослику — тарелку с лопушками.

О елке Ёжик не думал, но его печалило, что вот уже полмесяца, как сломались его часы-ходики, а часовщик Дятел обещался, да не прилетел.

— Как мы узнаем, когда будет двенадцать часов? — спросил он у Медвежонка.

— Мы почувствуем! — сказал Ослик.

— Это как же мы почувствуем? — удивился Медвежонок.

— Очень просто, — сказал Ослик. — В двенадцать часов нам будет уже ровно три часа хотеться спать!

— Правильно! — обрадовался Ёжик.

И, немного подумав, добавил:

— А о елке вы не беспокойтесь. В уголке мы поставим табуретку, я на нее встану, а вы на меня повесите игрушки.

— Чем не елка? — закричал Медвежонок.

Так они и сделали.

В уголок поставили табуретку, на табуретку встал Ёжик и распушил иголки.

— Игрушки — под кроватью, — сказал он.

Ослик с Медвежонком достали игрушки и повесили на верхние лапы Ёжику по большому засушенному одуванчику, а на каждую иголку — по маленькой еловой шишечке.

— Не забудьте лампочки! — сказал Ёжик.

И на грудь ему повесили три гриба-лисички, и они весело засветились — такие они были рыжие.

— Ты не устала, Елка? — спросил Медвежонок, усаживаясь и отхлебывая из блюдечка чай.

Ёжик стоял на табуретке, как настоящая елка, и улыбался.

— Нет, — сказал Ёжик. — А сколько сейчас времени?

Ослик дремал.

— Без пяти двенадцать! — сказал Медвежонок. — Как Ослик заснет, будет ровно Новый год.

— Тогда налей мне и себе клюквенного сока, — сказал Ёжик-Елка.

— Ты хочешь клюквенного сока? — спросил Медвежонок у Ослика. Ослик почти совсем спал.

— Теперь должны бить часы, — пробормотал он.

Ёжик аккуратно, чтобы не испортить засушенный одуванчик, взял в правую лапу чашечку с клюквенным соком а нижней, притоптывая, стал отбивать часы.

— Бам! Бам! Бам! — приговаривал он.

— Уже три, — сказал Медвежонок. — Теперь давай ударю я!

Он трижды стукнул лапой об пол и тоже сказал:

— Бам! Бам! Бам!.. Теперь твоя очередь, Ослик!

Ослик три раза стукнул об пол копытцем, но ничего не сказал.

— Теперь снова я! — крикнул Ёжик. И все, затаив дыхание, выслушали последние: «Бам! Бам! Бам!»

— Ура! — крикнул Медвежонок, и Ослик уснул совсем.

Скоро заснул и Медвежонок.

Только Ёжик стоял в уголке на табуретке и не знал, что ему делать. И он стал петь песни и пел их до самого утра, чтобы не уснуть и не сломать игрушки.

Как Ослик, Ёжик и Медвежонок писали друг другу письма

На второй день после Нового года Ёжик получил письмо. Принесла его Белка, подсунула под дверь и убежала.

«Дорогой Ёжик! — царапал Медвежонок на кусочке бересты. — У меня за окошком падает снег. Снежинки садятся на завалинку и разговаривают. Одна снежинка мне сказала, что видела тебя, но ты ей показался скучным. Будто

сидел ты на пеньке у ручья грустный-грустный и о чем-то думал. Я тоже много думаю последнее время. А думаю я о том, что скоро весна, а у нас с тобой нет лодки. Растает снег, кругом будет одна вода, и мы долгое время не увидимся. Не о том ли и ты думал, дорогой Ёжик, сидя на пеньке у ручья? Я так и подумал, что об этом же.

Любящий тебя М е д в е ж о н о к.»

Ёжик прочитал письмо и задумался.

«Действительно, — думал Ёжик, — скоро весна, а у нас нет лодки».

Он достал из шкафа кусочек бересты, отыскал под кроватью вылинявшую иголку, придвинул поближе служивший ему лампой гриб-лисичку и принялся за письмо.

«Дорогой Ослик! — нацарапал Ёжик и кончиком языка потрогал кончик носа. — Я сижу дома, за окном падает снег, а скоро будет весна.»

Тут Ёжик немного подумал и стал царапать дальше:

«Весной много воды, а у нас нет лодки. Не об этом ли ты сейчас думаешь, Ослик?»

Твой друг

Ё ж и к.»

Письмо он отдал Снегирю, и Снегирь, быстро долетев до домика Ослика, бросил его в форточку.

Когда письмо шлепнулось на стол, Ослик обедал.

«Хм! — подумал Ослик, разглядывая кусочек бересты. — А ведь это — письмо!»

И принялся читать. Дочтя до половины, он глянул в окно и увидел, что у него за окошком тоже падает снег.

Потом он прочитал вторую половину и решил, что Ёжик прав.

«А ведь надо написать письмо», — подумал он.

Достал кусочек бересты и угольком нарисовал на нем лодку, а внизу написал:

«Дорогой Медвежонок! Я сижу за столом, а за окном у меня падает снег. Весной этот снег растает, и будет очень много воды. Если мы сейчас не построим лодку, весной мы не увидимся до самого лета. Не об этом ли ты сейчас думаешь, Медвежонок?

Любящий тебя

О с л и к.»

Он отдал письмо Свиристелю и прилег после обеда отдохнуть.

Получив письмо, Медвежонок рассердился.

«Как! — крикнул он. — Я только об этом и думаю. У меня даже голова стала чуть-чуть больше!»

И на обороте Ослиной бересты он тщательно нацарапал: «Дорогой Ослик! Я самый первый подумал, что нам нужна лодка».

«Нет, — пришел ответ. — Это Ёжик подумал самый первый».

А Ёжику Ослик написал:

«Ты самый первый подумал, что нам нужна лодка, а Медвежонок говорит, что это он.»

«Я самый первый подумал, — решил Ёжик, получив письмо Ослика. — Ведь если бы я подумал не самый пер-

вый, Ослик бы мне об этом не написал!» И он принялся выцарапывать письмо Медвежонку:

«Дорогой Медвежонок, — тихо нацарапал он и потрогал кончиком языка кончик носа. — Я сижу дома, а за окошком у меня падает снег...»

Тут он немного передохнул и принялся выцарапывать дальше:

«Я получил твое письмо, но я уже да-авно думаю, что нам нужна лодка. И не об этом ли ты сейчас думаешь, Медвежонок?

Любящий тебя

Ё ж и к.»

Получив послание Ёжика, Медвежонок так огорчился, что заболел и прохворал всю зиму.

«Ведь это же я первый подумал? — шептал он, когда ему становилось лучше. И щупал голову.

А весной снег растаял и в лесу было столько воды, что Медвежонок, Ослик и Ёжик не встречались до самого лета.

Зимняя сказка

С утра падал снег. Медвежонок сидел на опушке леса на пеньке, задрал голову, и считал, и слизывал упавшие на нос снежинки.

Снежинки падали сладкие, пушистые и прежде, чем опуститься совсем, привставали на цыпочки. Ах, как это было весело!

«Седьмая», — прошептал Медвежонок и, полюбовавшись всласть, облизал нос.

Но снежинки были заколдованные: они не таяли и продолжали оставаться такими же пушистыми у Медвежонка в животе.

«Ах, здравствуйте, голубушка! — сказали шесть снежинок своей подружке, когда она очутилась рядом с ними. — В лесу так же безветренно? Медвежонок по-прежнему сидит на пеньке? Ах, какой смешной Медвежонок!»

Медвежонок слышал, что кто-то в животе у него разговаривает, но не обращал внимания.

А снег все падал и падал. Снежинки все чаще опускались Медвежонку на нос, приседали и, улыбаясь, говорили: «Здравствуй, Медвежонок!»

«Очень приятно, — говорил Медвежонок. — Вы — шестьдесят восьмая». И облизывался.

К вечеру он съел триста снежинок, и ему стало так холодно, что он едва добрался до берлоги и сразу уснул. И ему приснилось, что он — пушистая, мягкая снежинка...

И что он опустился на нос какому-то Медвежонку и сказал: «Здравствуй, Медвежонок!» — а в ответ услышал: «Очень приятно, вы — триста двадцатая...»

«Лам-па-ра-пам!» — заиграла музыка. И Медвежонок закружился в сладком, волшебном танце, и триста снежинок закружились вместе с ним. Они мелькали впереди, сзади, сбоку и, когда он уставал, подхватывали его, и он кружился, кружился, кружился...

Всю зиму Медвежонок болел. Нос у него был сухой и горячий, а в животе плясали снежинки. И только весной, когда по всему лесу зазвенела капель и прилетели птицы,

он открыл глаза и увидел на табуретке Ёжика. Ёжик улыбался и шевелил иголками.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Медвежонок.

— Жду, когда ты выздоровеешь, — ответил Ёжик.

— Долго?

— Всю зиму. Я, как узнал, что ты объелся снегом — сразу перетащил все свои припасы к тебе...

— И всю зиму ты сидел возле меня на табуретке?

— Да, я поил тебя еловым отваром и прикладывал к животу сушеную травку...

— Не помню, — сказал Медвежонок.

— Еще бы! — вздохнул Ёжик. — Ты всю зиму говорил, что ты — снежинка. Я так боялся, что ты растаешь к весне...

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВЕСНА

- Если бы ко мне пришла Волчица и сказала:
«Ёжик, хочешь, я тебя сделаю волчонком?» — я бы ей
сказал: «Нет!» А ты?
- Я бы ей сказал: «Только попробуй!»
- А она бы сказала: «Соглашайся, Медвежонок, мы
с тобой вместе будем есть лошадей!»
- А я бы ей сказал: «А кто будет Медвежонок?»
- А она бы сказала: «А Медвежонок не будет. Бу-
дет коричневый волчонок Топотун».
- А кто будет Медвежонок?!
- Я же тебе говорю, — сказал Ёжик, — Медвежонок
не будет: будет коричневый волчонок Топотун.
- Отойди! — рявкнул Медвежонок. — Или я не знаю,
что я с тобой сделаю.
- Так это же не я — это же Волчица, — сказал Ёжик.
- Все равно! — сказал Медвежонок.
И заплакал.

Необыкновенная весна

Это была самая необыкновенная весна из всех, которые помнил Ёжик.

Распустились деревья, зазеленела травка, и тысячи вымытых дождями птиц запели в лесу. Все цвело.

Сначала цвели голубые подснежники. И пока они цвели, Ёжику казалось, будто вокруг его дома — море, и что стоит ему сойти с крыльца — и он сразу утонет. И поэтому он целую неделю сидел на крыльце, пил чай и пел песенки.

Потом зацвели одуванчики. Они раскачивались на своих тоненьких ножках и были такие желтые, что, проснувшись однажды утром и выбежав на крыльцо, Ёжик подумал, что он очутился в желтой-прежелтой Африке.

«Не может быть! — подумал тогда Ёжик. — Ведь если бы это была Африка, я бы обязательно увидел Льва!»

И тут же юркнул в дом и захлопнул дверь, потому что прямо против крыльца сидел настоящий Лев. У него была зеленая грива и тоненький зеленый хвост.

— Что же это? — бормотал Ёжик, разглядывая Льва через замочную скважину.

А потом догадался, что это старый пенёк выпустил зеленые побеги и расцвел за одну ночь.

— Все цветет! — выходя на крыльцо, запел Ёжик.

И взял свою старую табуретку и поставил ее в чан с водой.

А когда на следующее утро проснулся, увидел, что его старая табуретка зацвела клейкими березовыми листочками.

Веселая сказка

Однажды Ослик возвращался домой ночью. Светила луна, и равнина была вся в тумане, а звезды опустились так низко, что при каждом шаге вздрагивали и звенели у него на ушах, как бубенчики.

Было так хорошо, что Ослик запел грустную песню.

— Передай кольцо, — тянул Ослик, — а-а-бручаль-ное...

А луна спустилась совсем низко, и звезды расстелились прямо по траве и теперь звенели уже под копытцами.

«Ай, как хорошо, — думал Ослик. — Вот я иду... Вот луна светит... Неужели в такую ночь не спит Волк?»

Волк, конечно, не спал. Он сидел на холме за осликовым домом и думал: «Задерживается где-то мой серый брат Ослик...»

Когда луна, как клоун, выскочила на самую верхушку неба, Ослик запел:

И когда я умру,
И когда я погибну,
Мои уши, как папоротники,
Прорастут из земли.

Он подходил к дому и теперь уже не сомневался, что Волк не спит, что он где-то поблизости и что между ними сегодня произойдет разговор.

— Ты устал? — спросил Волк.

— Да, немного.

— Ну, отдохни. Усталое ослиное мясо не так вкусно.

Ослик опустил голову, и звезды, как бубенчики, зазвенели на кончиках его ушей.

«Бейте в луну, как в бубен, — думал про себя Ослик, — крушите волков копытом, и тогда ваши уши, как папоротники, останутся на земле.»

— Ты уже отдохнул? — спросил Волк.

— У меня что-то затекла нога — сказал Ослик.

— Надо растереть — сказал Волк.

— Затекшее ослиное мясо не так вкусно.

Он подошел к Ослику и стал растирать лапами его заднюю ногу.

— Только не вздумай брыкаться — сказал Волк. — Не в этот раз, так в следующий, но я тебя все равно съем.

«Бейте в луну, как в бубен, — вспомнил Ослик. — Крушите волков копытом!..» Но не ударил, нет, а просто засмеялся. И все звезды на небе тихо рассмеялись вместе с ним.

— Ты чего смеешься? — спросил Волк.

— Мне щекотно, — сказал Ослик.

— Ну, потерпи немножко, — сказал Волк. — Как твоя нога?

— Как деревянная!

— Сколько тебе лет?! — спросил Волк, продолжая работать лапами.

— 365 250 дней.

Волк задумался.

— Это много или мало? — наконец спросил он.

— Это около миллиона, — сказал Ослик.

— И все ослы такие старые?

— В нашем перелеске — да!

Волк обошел Ослика и посмотрел ему в глаза.

— А в других перелесках?

— В других, думаю, помоложе, — сказал Ослик.

— На сколько?

— На 18 262 с половиной дня!

— Хм! — сказал Волк. И ушел по белой равнине, заметая, как дворник, звезды хвостом.

И когда я умру, —
мурлыкал, ложась спать, Ослик, —

И когда я погибну,
Мои уши, как папоротники,
Прорастут из земли!

Черный омут

Жил-был Заяц в лесу и всего боялся. Боялся Волка, боялся Лису, боялся Филина. И даже куста осеннего, когда с него осыпались листья, — боялся.

Пришел Заяц к Черному Омуту.

— Черный Омут, — говорит, — я в тебя брошусь и утону: надоело мне всех бояться!

— Не делай этого, Заяц! Утонуть всегда успеешь. А ты лучше иди и не бойся!

— Как это? — удивился Заяц.

— А так. Чего тебе бояться, если ты уже ко мне приходил, утонуть решился? Иди — и не бойся!

Пошел Заяц по дороге, встретил Волка.

— Вот кого я сейчас съем! — обрадовался Волк.

А Заяц идет себе, посвистывает.

— Ты почему меня не боишься? Почему не бежишь? — крикнул Волк.

— А что мне тебя бояться? — говорит Заяц. — Я у Черного Омута был. Чего мне тебя, серого, бояться?

Удивился Волк, поджал хвост, задумался. Встретил Заяц Лису.

— А-а-а!.. — разулыбалась Лиса. — Парная зайчатинка топает! Иди-ка сюда, ушастенький, я тебя съем.

Но Заяц прошел, даже головы не повернул.

— Я у Черного Омута, — говорит, — был, серого Волка не испугался, — уж не тебя ли мне, рыжая, бояться?..

Свечерело.

Сидит Заяц на пеньке посреди поляны; пришел к нему пешком важный Филин в меховых сапожках.

— Сидишь? — спросил Филин.

— Сижу! — сказал Заяц.

— Не боишься сидеть?

— Боялся бы — не сидел.

— А что такой важный стал? Или охрабрел к ночи-то?

— Я у Черного Омута был, серого Волка не побоялся, мимо Лисы прошел — не заметил, а про тебя, старая птица, и думать не хочу.

— Ты уходи из нашего леса, Заяц, — подумав, сказал Филин. — Глядя на тебя, все зайцы такими станут.

— Не станут, — сказал Заяц, — все-то...

Пришла осень. Листья сыплются...

Сидит Заяц под кустом, дрожит, сам думает:

«Волка серого не боюсь. Лисы красной — ни капельки. Филина мохноногого — и подавно, а вот когда листья шуршат и осыпаются — страшно мне...»

Пришел к Черном Омуту, спросил:

— Почему, когда листья сыплются, страшно мне?

— Это не листья сыплются — это время шуршит, — сказал Черный Омут, — а мы — слушаем. Всем страшно.

Тут снег выпал. Заяц по снегу бегаёт, никого не боится.

Как Ослик с Медвежонком победили Волка

Когда Ослик с Медвежонком пришли на войну, они стали думать, кто из них будет главным?

— Ты, — сказал Ослик.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Ты!

— Почему я? — удивился Ослик. — У тебя клыки, ты будешь грызть врага...

— А у тебя уши: ты услышишь, когда он придет.

— Кто?

— Волк.

— Но ведь тогда надо будет бежать, — сказал Ослик.

— Что ты! Как раз тогда начнется война, и мы пойдем в атаку.

— Куда?

— В атаку. «Ура!» «Вперед!» В атаку.

— А-а-а... — сказал Ослик и присел на пенек. У него очень болели уши, связанные под подбородком.

— А почему вперед? — подумав, спросил он. — Разве нельзя сбоку?

— Сбоку — лучше, но вперед — вернее!

— И когда ты на него налетишь, ты его укусишь, а я его ударю ногой.

— Правильно, — сказал Медвежонок, удобнее устраиваясь на травке.

— А он укусит тебя, — продолжал Ослик, — а я его снова ударю ногой...

— Нет. Укусит он тебя. А я его убью.

— Но если он меня укусит, он тоже меня убьет.

— Пустяки! Я его убью раньше, чем ты умрешь.

— Но я не хочу умирать! — сказал Ослик.

— Волк тоже не хочет, — сказал Медвежонок и сел.

— Ты думаешь?

— Ну конечно! Давай спать.

Они уснули на лесной опушке, а в это время Волк думал так: «Если они налетят на меня спереди — я укушу Медвежонка, а Ослика лягну ногой; если же сбоку, то наоборот: Ослика я укушу, а Медвежонок лягну. А лучше бы укусить их обоих сразу».

Он уснул под елкой в десяти шагах от лесной опушки...

Когда взошла луна, Ослик проснулся и разбудил Медвежонка.

— Волк спит под елкой, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышу.

— А о чем он думает?

— Ни о чем, он спит.

— А-а-а... — сказал Медвежонок. — Тогда нападем на него сзади.

В это время Волк проснулся и подумал: «Вот я сплю, а на меня могут напасть сзади».

И повернулся к елке хвостом.

— Спит? — спросил Медвежонок.

Ослик кивнул, и они стали крадучись подходить к Волку.

«Медвежонок укусит его, а я стукну по голове, — твердил Ослик. — Медвежонок укусит, а я стукну».

— Я укушу, — шепнул Медвежонок, — а ты стукнешь!

— Угу!

И они бок о бок подошли к Волку.

— Давай! — шепнул Ослик.

— Ты первый, ты должен его оглушить.

— Зачем? Он и так спит.

— Но он проснется, когда я его укушу.

— Вот тогда я его и стукну.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Ты главный — ты должен первый.

Ослик осторожно стукнул Волка по голове. Волк заворочался и повернулся на другой бок.

— Ну вот и убили, — сказал Ослик.

— Действительно...

— А зачем?..

— Если б не мы его, так он бы нас!

— Ты думаешь?

— Ну конечно, — сказал Медвежонок, — он бы непременно нас съел.

— А если б не съел?

— А что бы он с тобой делал?

— Не знаю, — сказал Ослик.

Они возвращались с войны в предрассветных сумерках, когда большая лесная роса лизала им ноги.

«А Волк лежит под елкой, — думал Ослик, — совсем убитый».

— Зачем? — сказал он. — Лучше бы сидеть дома.

— Ты же на войне, — сказал Медвежонок...

Старинная французская песенка

Лесная поляна, как парным молоком, была до краев залита лунным светом. Возле луны, как гнилушки возле старого пня, шевелились звезды.

Заяц сидел посреди поляны и был совсем голубой.

Заяц играл на свирели старинную французскую песенку.

«Ля-ля! Ля-ля!» — мурлыкала свирель. И старый облезлый Филин улыбался.

Филину было сто лет, а может, больше, но теперь он вспоминал разные страны и улыбался.

«Как это было давно, — думал Филин. — Так же светила луна, так же сидел посреди поляны Заяц, так же осыпались звезды и играла свирель. Потом поднялся туман.

Заяц исчез, а свирель играла...»

«Играй, играй, свирель! — думал Филин. — Я бы съел твоего Зайца, но у меня осыпались перья... И потом — все равно придет другой Заяц, сядет посреди поляны и заиграет на скрипке».

Так думал Филин, живший в молодости во Франции, убивший пол-

торы тысячи зайцев и составивший лучшую в мире коллекцию заячьих свирелей, скрипок и барабанов.

«И кто их тянет за уши? — снова подумал о зайцах Финлин. — Кто их вытягивает на открытые лунные поляны, кто их заставляет ночи не спать — репетировать, чтобы потом пять минут играть среди лесной тишины?»

«Ля-ля! Лю-лю!» — пела свирель. И Заяц поголубел до того, что у него стали прозрачными уши. Ему было так хорошо, что он весь хотел стать прозрачным, как лунный свет; чтобы его совсем не было; чтобы была одна луна, играющая на свирели.

«Однако, — думал Филин, — этого Зайца не скоро съедят. Я его почти не вижу. Знать, много он репетировал, коль может так уйти в свирель, что из нее торчат одни его уши. Знать...»

Филин прикрыл глаза, а когда через мгновение открыл их, Зайца уже не было.

Тысячи лунных зайцев скакали по поляне и у каждого из них в прозрачной лапе была свирель, скрипка или барабан из коллекции Филина.

«Ля-ля! Ля-ля!»

«Пи-пи-пи-пи!»

«Бам-бам!» — пели свирели и скрипки и бил барабан.

И каждый прозрачный Заяц на своем прозрачном инструменте играл старому Филину старинную французскую песенку.

Как Ослик шил шубу

Когда подошла зима, Ослик решил сшить себе шубу.

«Это будет чудесная шуба, — думал он, — теплая и пушистая. Она должна быть легкой, но обязательно с четырьмя карманами: в карманах я буду греть копыта. Воротник должен быть широкий, как шаль: я буду заправлять за него уши. Когда у меня будет шуба, я войду в лес, и никто меня не узнает.»

«Кто это, — крикнет Ворона, — такой лохматый?» — «Это Изюбрь!» — скажет Белка. «Это ПТИ-ПТИ-АУ-РАНГ!» — скажет Филин. «Это мой друг Ослик!» —

крикнет Медвежонок, и засмеется, и весь покувыркается в снегу, и тоже станет непохожим; а я его назову УУР-РУ-ОНГОМ, и все не поверят, кроме нас с ним...

Хорошо бы сшить шубу не из меха, а из ничего. Чтобы она была ничья: ни бобровая, ни соболя, ни беличья — просто шуба. И тогда я буду греться в ничьей шубе, и никто не будет ходить голым. А Волк скажет: «У кого ничья шуба — тот ничей». И никто не будет говорить, что я Ослик: я буду — НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ. Тогда ко мне придет Лис и скажет: «Послушай, НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ, а ты кто?» — «Никто» — «А в чьей ты шубе?» — «В ничьей». — «Тогда ты — НИКТО В НИ-

ЧЬЕЙ ШУБЕ», — скажет Лис. А я посмеюсь, потому что я-то буду знать, что я Ослик.

А когда придет весна, я пойду на Север. А когда и на Север придет весна, я пойду на Северный полюс — там-то никогда не бывает весны...

Надо сшить шубу из облаков. А звездочки взять вместо пуговиц. А там, где темно между облаками, будут карманы. И когда я туда буду класть копыта, я буду лететь, а в теплую погоду ходить по земле.

Хорошо бы такую шубу сшить прямо сейчас же, вот прямо сейчас. Влезть на сосну и положить копыта в карманы. И полететь... А потом, может быть, пойти по земле... Вот прямо на эту сосну».

И Ослик полез на старую сосну, и влез на самую верхушку, и сложил копыта в карманы, и полетел...

И сразу стал — НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ.

Правда, мы будем всегда?

«Неужели все так быстро кончается? — подумал Ослик. — Неужели кончится лето, умрет Медвежонок и наступит зима? Почему это не может быть вечно: я, лето и Медвежонок?»

Лето умрет раньше всех, лето уже умирает. Лето во что-то верит. поэтому умирает так смело. Лету нисколько себя не жаль — оно что-то знает. Оно знает, что оно будет снова! Оно умрет совсем ненадолго, а потом снова родится. И снова умрет... Оно привыкло. Хорошо, если бы я привык умирать и рождаться. Как это грустно и как весело!..»

Медвежонок зашуршал опавшей листвой.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Я?.. Лежи, лежи, — сказал Ослик.

Теперь он стал вспоминать, как они встретились, как под проливным дождем пробежали весь лес, как сели отдохнуть и как Медвежонок тогда сказал:

— Правда, мы будем всегда?

— Правда.

— Правда, мы никогда не расстанемся?

— Конечно.

— Правда, никогда не будет так, чтобы нам надо было расставаться?

— Так не может быть!

А теперь Медвежонок лежал на опавших листьях с перевязанной головой, и кровь выступила на повязке.

«Как же это так? — думал Ослик. — Как же это так, что какой-то дуб разбил Медвежонку голову? Как же это так, что он упал именно тогда, когда мы проходили под ним?..»

Прилетел Аист.

— Лучше?.. — спросил он.

Ослик покачал головой.

— Как грустно! — вздохнул Аист и погладил Медвежонка крылом.

Ослик снова задумался. Теперь он думал о том, как похоронить Медвежонка, чтобы он вернулся, как лето. «Я похороню его на высокой-высокой горе, — решил он, — так, чтобы вокруг было много солнца, а внизу текла речка. Я буду поливать его свежей водой и каждый день разрыхлять

землю. И тогда он вырастет. А если я умру, он будет делать то же самое, — и мы не умрем никогда...»

— Послушай, — сказал он Медвежонку, — ты не бойся. Ты весной вырастешь снова.

— Как деревце?

— Да. Я тебя буду каждый день поливать. И разрыхлять землю.

— А ты не забудешь?

— Что ты!

— Не забудь, — попросил Медвежонок.

Он лежал с закрытыми глазами, и если бы чуть-чуть не вздрагивали ноздри, можно было бы подумать, что он совсем умер.

Теперь Ослик не боялся. Он знал: похоронить — это значит посадить, как деревце.

— С тобой и поразговаривать нельзя, — сказал
Ёжик.

Медвежонок молчал.

— Что ж ты молчишь?

Медвежонок не ответил.

Он сидел на крылечке и горько плакал.

— Глупый ты: мы же с тобой беседуем, — сказал
Ёжик.

— А кто будет Медвежонком? — всхлипывая, спросил
Медвежонок.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ТРАВЫ

Звуки и голоса

— В полудреме, Медвежонок, можно вообразить все, что хочешь, и все, что вообразишь, будет как живое. И тогда-то...

— Ну!

— Тогда-то...

— Да говори же!

— И тогда-то... слышны звуки и голоса.

Ёжик глядел на Медвежонка большими круглыми глазами, как будто сию минуту, вот прямо сейчас, догадался о чем-то самом важном.

— И кого ты слышал? — шепотом спросил Медвежонок.

— Сегодня?

- Ага.
- Зяблика, — сказал Ёжик.
- А вчера?
- Лягушку.
- А что она сказала?..
- Она — пела. — И Ёжик закрыл глаза.
- Ты ее и сейчас слышишь?
- Слышу, — сказал Ёжик с закрытыми глазами.
- Давай я тоже закрою глаза. — Медвежонок закрыл глаза и встал поближе к Ёжику, чтобы тоже слышать.
- Слышишь? — спросил Ёжик.
- Нет, — сказал Медвежонок.
- Ты впади в дрему.
- Надо лечь, — сказал Медвежонок. И лег.
- А я — возле тебя. — Ёжик сел рядом. Ты только представь: она сидит и поет.
- Представил.

— А вот сейчас... Слышишь? — И Ёжик по-дирижерски взмахнул лапой. — Запела!

— Не слышу, — сказал Медвежонок. — Сидит, глаза вытаращила и молчит.

— Поговори с ней, — сказал Ёжик. — Заинтересуй.

— Как?

— Скажи: «Мы с Ёжиком из дальнего леса пришли на ваш концерт». Медвежонок пошевелил губами.

— Сказал.

— Ну?

— Молчит.

— погоди, — сказал Ёжик. — Давай ты сядь, а я лягу. Та-ак. — И он забубнил что-то, укладываясь рядом с Медвежонок в траву.

А день разгорался, и высокая стройная осень шаталась соснами и кружилась палым листом.

Медвежонок давно открыл глаза и глядел теперь на рыжие деревья, на ветер, который морщил лужу, а Ёжик все бормотал и прищептывал, лежа рядом в траве.

— Послушай, Ёжик, — сказал Медвежонок, — зачем нам эта лягушка, а? Пойдем наберем грибков, зажарим! А я для тебя яблочко припас.

— Нет, — не открывая глаз, сказал Ёжик. — Она запоет.

— Ну и запоет. Толку-то?

— Эх ты! — сказал Ёжик. — Грибки! Яблочки!.. Если бы ты только знал, как это — звуки и голоса!

Когда ты прячешь солнце, мне грустно

Над горой туман и розовато-оранжевые отсветы. Весь день лил дождь, потом перестал, выглянуло солнце, зашло за гору, и вот теперь была такая гора.

Было очень красиво, так красиво, что Ёжик с Медвежонком просто глядели и ничего не говорили друг другу.

А гора все время менялась: оранжевое переместилось влево, розовое — вправо, а голубое стало сизо-синим и осталось вверху.

Ёжик с Медвежонком давно любили эту игру: закрывать глаза, а когда откроешь — все по-другому.

— Открывай скорей, — шепнул Ёжик. — Очень здорово!

Теперь оранжевое растеклось узкой каймой по всей горе, а розовое и голубое пропало.

Туман был там, выше, а сама гора была будто опоясана оранжевой лентой.

Они снова закрыли глаза, и, когда через мгновение открыли, вновь все изменилось.

Оранжевое вспыхивало кое-где слева и справа, розовое вдруг появилось справа, розово-голубое исчезло,

и гора вся стала такой темной, торжественной, что от нее просто нельзя было отвести глаз. Ёжик с Медвежонком снова закрыли и открыли глаза: гора была покойной, туманной, с легким розоватым отсветом справа, но они не успели снова закрыть глаза, как этот отсвет пропал.

Туманная, очень красивая гора глядела на Ёжика с Медвежонком.

И вдруг, или это Ёжику с Медвежонком показалось, кто-то заговорил:

— Вам нравится на меня смотреть?

— Да, — сказал Ёжик.

— А кто? Кто говорит? — шепотом спросил Медвежонок.

— Я красивая?

— Да, — сказал Ёжик.

— А когда я вам больше нравлюсь — утром или вечером?

Тут и Медвежонок понял, что это говорит гора.

— Мне — утром, — сказал Медвежонок.

— А почему?

— Тогда впереди целый день и...

— А тебе, Ёжик?

— Когда ты прячешь солнце, мне грустно, — сказал Ёжик. — Но я больше люблю смотреть на тебя вечером.

— А почему?

— Когда смотришь вечером, как будто стоишь там, на вершине, и далеко, далеко видно.

— Что же ты видел сегодня, Ёжик? — спросила гора.

— Сегодня так пряталось солнце, а кто-то так не давал ему уйти, что я ни о чем не думал, я только смотрел.

— А я... Мы... То откроем глаза, то закроем. Мы так играем, — сказал Медвежонок.

Быстро сгущались сумерки.

И когда почти совсем стемнело, иссиня-зеленое небо вдруг оторвалось от горы, а вся она стала резко видна, чернея на бледно-голубой полосе, отделяющей ее от темного неба.

Разрешите с вами посумерничать

— Заяц просится посумерничать.

— Пускай сумерничает, — сказал Ёжик и вынес на крыльцо еще одно плетеное кресло.

— Можно войти? — спросил Заяц. Он стоял под крыльцом, пока Медвежонок разговаривал с Ёжиком.

— Входи, — сказал Ёжик.

Заяц поднялся по ступенькам и аккуратно вытер лапы о половичок.

— Три-три! — сказал Медвежонок. — Ёжик любит, чтобы было чисто.

— Можно сесть? — спросил Заяц.

— Садись, — сказал Медвежонок. И Ёжик с Медвежоном тоже сели.

— А как мы будем сумерничать? — спросил Заяц.

Ёжик промолчал.

— Сиди в сумерках и молчи, — сказал Медвежонок.

— А разговаривать можно? — спросил Заяц. Ёжик опять промолчал.

— Говори, — сказал Медвежонок.

— Я в первый раз сумерничаю, — сказал Заяц, — поэтому не знаю правил. Вы не сердитесь на меня, ладно?

— Мы не сердимся, — сказал Ёжик.

— Я как узнал, что вы сумерничаете, я стал прибегать к твоему, Ёжик, дому и глядеть во-он из-под того куста. Во, думаю, как красиво они сумерничают! Вот бы и мне! И побежал домой, и стащил с чердака старое кресло, сел и сижу...

— И чего? — спросил Медвежонок.

— А ничего. Темно стало, — сказал Заяц. — Нет, думаю, это не просто так, это не просто сиди и жди. Что-то здесь есть. Попрошусь, думаю, посумерничать с Ёжиком и Медвежонком. Вдруг пустят?

— Угу, — сказал Медвежонок.

— А мы уже сумерничаем? — спросил Заяц.

Ёжик глядел, как медленно опускаются сумерки, как заволакивает низинки туман, и почти не слушал Зайца.

— А можно, сумерничая, петь? — спросил Заяц. Ёжик промолчал.

— Пой, — сказал Медвежонок.

— А что?

Никто ему не ответил.

— А можно веселое? Давайте я веселое спою, а то зябко как-то?

— Пой, — сказал Медвежонок.

— Ля-ля! Ля-ля! — завопил Заяц.

И Ёжику сделалось совсем грустно. Медвежонку было неловко перед Ёжиком, что вот он притащил Зайца и Заяц мелеет, не разбери чего, а теперь еще воет песню. Но Медвежонок не знал, как быть, и поэтому завопил вместе с Зайцем.

— Ля-ля-лю-лю! — вопил Медвежонок.

— Ля-ля! Ля-ля! — пел Заяц.

А сумерки сгущались, и Ёжику просто больно было все это слышать.

— Давайте помолчим, — сказал Ёжик. — Послушайте, как тихо!

Заяц с Медвежонком смолкли и прислушались. Над поляной, над лесом плыла осенняя тишина.

— А что, — шепотом спросил Заяц, — теперь делать?

— Шшш! — сказал Медвежонок.

— Это мы сумерничаем? — прошептал Заяц. Медвежонок кивнул.

— До темноты — молчать?..

Стало совсем темно, и над самыми верхушками елок показалась золотая долька луны.

От этого Ёжику с Медвежонком вдруг стало на миг теплее. Они поглядели друг на друга, и каждый почувствовал в темноте, как они друг другу улыбнулись.

Как оттенить тишину

— Я очень люблю осенние пасмурные дни, — сказал Ёжик. — Солнышко тускло светит, и так туманно-туманно...

— Спокойно, — сказал Медвежонок.

— Ага. Будто все остановилось и стоит.

— Где? — спросил Медвежонок.

— Нет, вообще. Стоит и не двигается.

— Кто?

— Ну, как ты не понимаешь? Никто.

— Никто стоит и не двигается?

— Ага. Никто не двигается.

— А комары? Вон как летают! Пи-и!.. Пи-и!.. — И Медвежонок замахал лапами, показал, как летит комар.

— Комары только еще больше, — тут Ёжик остановился, чтобы подыскать слово, — о т т е н я ю т неподвижность, — наконец сказал он.

Медвежонок сел:

— Как это?

Они лежали на травке у обрыва над рекой и грелись на тусклом осеннем солнышке. За рекой, полыхая осинами, темнел лес.

— Ну вот смотри! — Ёжик встал и побежал. — Видишь?

— Что?

— Как неподвижен лес?

— Нет, — сказал Медвежонок. — Я вижу, как ты бежишь.

— Ты не на меня смотри, на лес! — И Ёжик побежал снова. — Ну?

— Значит, мне на тебя не смотреть?

— Не смотри.

— Хорошо, — сказал Медвежонок и отвернулся.

— Да зачем ты совсем-то отвернулся?

— Ты же сам сказал, чтобы я на тебя не смотрел.

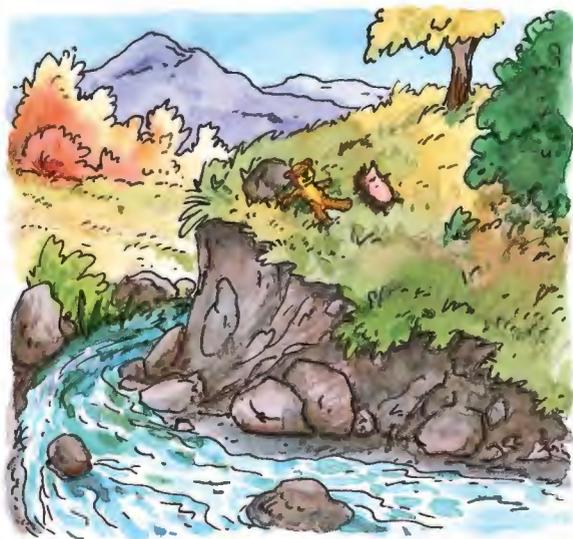
— Нет, ты смотри, только на меня и на лес о д н о в р е м е н н о, понял? Я побегу, а он будет стоять. Я о т т е н ю его неподвижность.

— Хорошо, — сказал Медвежонок. — Давай попробуем. — И уставился на Ёжика во все глаза. — Беги!

Ёжик побежал.

— Быстрее! — сказал Медвежонок.

Ёжик побежал быстрее.

— Стой! — крикнул Медвежонок. — Давай начнем сначала.

— Почему?

— Да я никак не могу посмотреть на тебя и на лес одновременно: ты так смешно бежишь, Ёжик!

— А ты смотри на меня и на лес, понимаешь? Я — бегу, лес — стоит. Я оттеняю его неподвижность.

— А ты не можешь бежать большими прыжками?

— Зачем?

— Попробуй.

— Что я — кенгуру?

— Да нет, но ты — ножками, ножками, и я не могу оторваться.

— Это не важно, как я бегу, понял? Важно то, что я бегу, а он — стоит.

— Хорошо, — сказал Медвежонок. — Беги!

Ёжик побежал снова.

— Ну?

— Такими маленькими шажками не оттенишь, — сказал Медвежонок. — Тут надо прыгать вот так! — И он прыгнул, как настоящий кенгуру.

— Стой! — крикнул Ёжик. — Слушай!

Медвежонок замер.

— Слышишь, как тихо?

— Слышу.

— А если я крикну, то я криком о т т е н ю тишину.

— А-а-а!.. — закричал Медвежонок.

— Теперь понял?

— Ага! Надо кричать и кувыряться! А-а-а! — снова завопил Медвежонок и перекувырнулся через голову.

— Нет! — крикнул Ёжик. — Надо бежать и подпрыгивать. Вот! — И заскакал по поляне.

— Нет! — крикнул Медвежонок. — Надо бежать, падать, вскакивать и лететь.

— Как это? — Ёжик остановился.

— А вот так! — И Медвежонок сиганул с обрыва.

— И я! — крикнул Ёжик и покатился с обрыва вслед за Медвежонком.

— Ля-ля-ля! — завопил Медвежонок, вскарабкиваясь обратно.

— У-лю-лю! — по-птичьему заверещал Ёжик.

— Ай-яй-яй! — во все горло закричал Медвежонок и прыгнул с обрыва снова.

Так до самого вечера они бегали, прыгали, сигали с обрыва и орали во все горло, оттеняя неподвижность и тишину осеннего леса.

В сумерках

— Ты думаешь, мы добежим к тебе до темноты? — спросил Ёжик.

— Должны.

— Тогда беги быстрее!

— Я бегу, — сказал Медвежонок.

Они бежали по огромному полю в последних лучах заката.

— Ты заметил, что земля выпуклая? — на бегу спросил Ёжик.

— Ага.

— Заметил, что в последних лучах солнца она красивей всего?

— Угу, не отставай, Ёжик! — крикнул Медвежонок.

— Я не отстаю... Мне хочется... с тобой...

— Вот прибежим, сядем... тогда...

— Ты думаешь, — крикнул Ёжик, он уже отстал шагов на двадцать, — мы правильно... бежим?

— Как? — Медвежонок остановился.

— Я говорю... туда бежим или нет?.. — подбежал Ёжик.

— Конечно! Садись ко мне на спину! Будем бежать и разговаривать.

— Так мы ещё никогда не бегали.

— Попробуем, а?

— Давай!

Ёжик забрался Медвежонку на плечи, Медвежонок побежал.

— Здорово ты бежишь! — сказал Ёжик.

— Ага.

— Вот не знал, что на тебе так здорово ехать!

— Ага.

— Что ты всё «ага, да ага»?

— Мне... трудно... говорить... — сказал Медвежонок.

— Садись на меня.

— Да ты что?

— Нет-нет, давай я тебя повезу.

— Ты колючий.

— А мы что-нибудь подстелим.

— Сиди, — сказал Медвежонок. — Говори что-нибудь... Скоро приедем.

— Что говорить?

— Пой!

— Петь?

— Ага.

— А что?

— Погоди!

Медвежонок с Ёжиком вбежал в кустарник, и ветки так и захлопали по глазам.

— Береги глаза! — крикнул Медвежонок.

— Я берегу. А здорово мы перепрыгнули ручей.

— Ага.

— А если б упали?

— Держись! — крикнул Медвежонок и покатился в овраг. — Уф-ф!.. Живой? Ты где, Ёжик?

— Здесь я.

— Где?

В овраге было уже совсем темно, и Медвежонок еле различил Ёжика под кривой сосной.

— Здесь я, — сказал Ёжик, вставая.

— Ну, садись!

— Нет, — сказал Ёжик. — Давай скорее выберемся наверх, там сяду.

Они выкарабкались из оврага. Ёжик снова забрался Медвежонку на плечи, и Медвежонок побежал.

— Никогда не думал, что так здорово ехать в сумерки, — сказал Ёжик. — Так тихо, а я прямо лечу... Ты можешь не пыхтеть?

— Могу, — сказал Медвежонок. И побежал, не дыша.

— Дыши, — сказал Ёжик, — а то лопнешь.

Медвежонок опять запыхтел. А Ёжик глядел по сторонам, видел маленькую звёздочку вдали и думал, что земля ещё никогда не была такой красивой, как в эти осенние сумерки.

— Стой! — крикнул Ёжик.

Медвежонок остановился.

— Садись на меня. — Ёжик спрыгнул на землю. — Садись, говорю!

— Брось ты, — сказал Медвежонок.

— Нет, садись! Ты должен увидеть, какая она красивая, земля.

Медвежонок взгромоздился на Ёжика, но вдруг захохотал, запрыгал.

— Ой, щекотно! Колется! — вопил Медвежонок.

— Ничего-ничего! Гляди! Ты только гляди! — кричал Ёжик.

В родном лесу

Заяц утром как вышел из дома, так и потерялся в необъятной красоте осеннего леса.

«Давно уже пора снегу пасть, — думал Заяц. — А лес стоит теплый и живой».

Встретилась Зайцу Лесная Мышь.

— Гуляешь? — сказал Заяц.

— Дышу, — сказала Мышка. — Надышаться не могу.

— Может, зима про нас забыла? — спросил Заяц. — Ко всем пришла, а в лес не заглянула.

— Наверно, — сказала Мышка и пошевелила усами.

— Я вот как думаю, — сказал Заяц. — Если ее до сих пор нет, значит, уже не заглянет.

— Что ты! — сказала Мышка. — Так не бывает! Не было еще такого, чтобы зима прошла стороной.

— А если не придет?

— Что говорить об этом, Заяц? Бегай, дыши, прыгай, пока лапы прыгают, и ни о чем не думай.

— Я так не умею, — сказал Заяц. — Я все должен знать наперед.

— Много будешь знать — скоро состаришься.

— Зайцы не состариваются, — сказал Заяц. — Зайцы умирают молодыми.

— Это почему же?

— Мы бежим, понимаешь? А движение — это жизнь.

— Хи-хи! — сказала Мышка. — Еще каким стареньким будешь.

Они вместе шли по тропинке и не могли налюбоваться на свой лес.

Он был весь сквозящий, мягкий, родной. И оттого, что в нем было так хорошо, на душе у Зайца и Мышки сделалось грустно.

- Ты не грусти, — сказал Заяц.
— Я не грущу.
— Грустишь, я вижу.
— Да вовсе не грущу, просто печально.
— Это пройдет, — сказал Заяц. — Насыплет снега, надо будет путать следы. С утра до вечера бегай и запутывай.
— А зачем?
— Глупая ты. Съедят.
— А ты бегай задом наперед, — сказала Мышка. — Вот так! — И побежала по дорожке спиной вперед, мордочкой к Зайцу.

— Здорово! — крикнул Заяц. И помчался следом.

— Видишь? — сказала Мышка. — Теперь никто не поймет, кто ты.

— А я... А я... Я знаешь тебя чему научу? Я тебя научу есть кору, хочешь?

— Я кору не ем, — сказала Мышка.

— Тогда... Тогда... Давай я тебя научу бегать!

— Не надо, — сказала Мышка.

— Да чем же мне тебе отплатить?

— А ничем, — сказала Лесная Мышь. — Было бы хорошо, если бы тебе помог мой совет.

— Спасибо тебе! — сказал Заяц. И побежал от Мышки задом наперед, улыбаясь и шевеля усами.

«Здорово! — думал Заяц. — Теперь меня никто не поймает. Надо только хорошенько натренироваться, пока не высыпал снег».

Он бежал задом наперед через любимый свой лес, спускался в овраги, взбирался на холмы. «Получается!» — вопил про себя Заяц и чуть не плакал от радости, что теперь уже никто никогда не отыщет его в родном лесу.

Сосновая шишка

Светлый вечер в осеннем лесу. Затрещала и смолкла неизвестная птица. Заяц выбежал к ручью, сел и стал слушать, как журчит вода.

— Вода, вода, куда ты бежишь? — спросил Заяц.

— С камушка на камушек по камушкам бегу!

«По камушкам. Хорошо ей! — подумал Заяц. — Вот бы мне так!»

Пришел Муравей.

— Ты что бродишь? — спросил Заяц. — Скоро зима, а ты по лесу шатаешься?

— Надо, — сказал Муравей. Зачерпнул ведерком воды и пошел.

— Стой! Давай поговорим, — сказал Заяц.

Муравей остановился:

— О чем?

— О чем хочешь.

— Некогда мне разговаривать, — сказал Муравей. — Воду надо нести. — И ушел.

— Вот жизнь! — вздохнул Заяц. — Муравьи по воду ходить стали, поговорить не с кем. Раньше хоть какой-никакой гриб попадетсЯ, с ним потолкуешь. А теперь и грибы куда-то попрятались.

— А ты со мной поговори, — сказала Сосновая Шишка. Она лежала рядышком у ручья. — Я — старая, много всего видала.

— Что же ты видела? — спросил Заяц.

— Небо, — сказала Шишка.

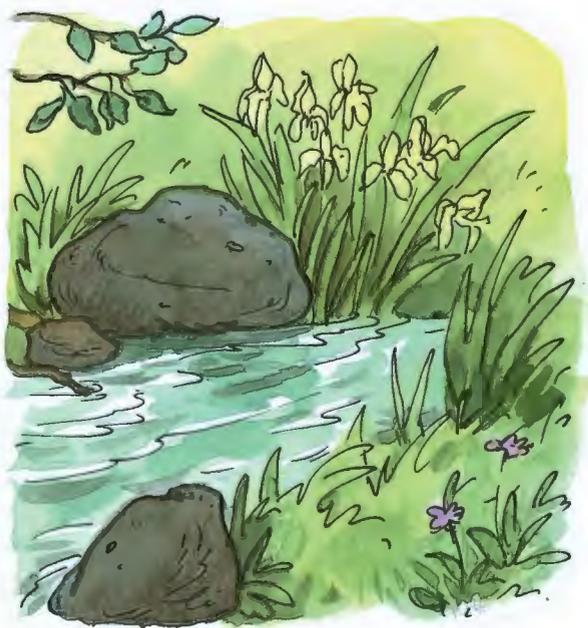
— Кто ж его не видел? Вот оно!

— Не-ет, я там была, высоко, — вздохнула Шишка. — Ме-

ня Ветер любил. Прилетит, бывало: «Здравствуй, Шишка!» — «Здравствуй, говорю, где пропал?» — «К морю летал, корабли двигал». Во как! А ты чего скучный такой?

— Не знаю, — сказал Заяц.

— Эх, жизнь была! Утречком проснешься — весь лес в тени,

а у нас уже солнышко! Солнышко пригреет, Ветер прилетит — шумим-веселимся!.. А ночью — звезды. Так в глаза и глядят. Я любила одну. Зеленая такая, ласковая. Только покажется, а уж Ветерок мой тут как тут. «Полетим, — говорит, — к звезде, Шишка!» — «Так далеко же!» — «Это нам нипочем!» Возьмет в объятья и понесет.

— Хорошо говоришь, бабушка, — вздохнул Заяц.

— Жили хорошо, Заяц. А что слова? Сам-то чего скучный, молодой вить?

— А где ж он теперь, Ветер?

— Летает. Ветер, он всегда молодой. А я, вишь, старая, упала. Кому нужна?

— Грустно тебе, бабушка?

— Не-е, Заяц. Лежу, на небо гляжу, водичку слушаю, звездочку зеленую увижу — Ветер вспоминаю.

Осенняя песня травы

Холодно, тихо стало в лесу. Заяц прислушался — ни звука. Лишь осинка на том берегу дрожала последним листом.

Заяц спустился к реке. Река медленно уводила за поворот тяжелую, темную воду. Заяц встал столбиком и пошевелил ушами.

— Холодно? — спросила у него Травинка.

— Бр-р-р! — сказал Заяц.

— Мне тоже, — сказала Травинка.

— И мне! И мне!

— Кто говорит? — спросил Заяц.

— Это мы — трава.

Заяц лег.

— Ой, как тепло! Как тепло! Как тепло!

— Погрей нас! И нас! И нас!

Заяц стал прыгать и ложиться. Прыгнет — и прильнет к земле.

— Эй, Заяц! — крикнул с холма Медвежонок. — Ты что это делаешь?

— Грею траву, — сказал Заяц.

— Не слышу!

— Грею траву! — крикнул Заяц. — Иди сюда, будем греть вместе!

Медвежонок спустился с холма.

— Согрей нас! Согрей! Согрей! — кричали травинки.

— Видишь? — сказал Заяц. — Им холодно! — Снова прыгнул и лег.

— К нам! К нам!

— Сюда! Сюда! — кричали со всех сторон.

— Что ж ты стоишь? — сказал Заяц. — Ложись!

И Медвежонок лег.

— Как тепло! Ух, как тепло!

— И меня погрей, Медвежонок!

— И нас! И нас!

Заяц прыгал и ложился. А Медвежонок стал потихоньку перекачиваться: со спины — на бок, с бока — на живот.

— Согрей! Согрей! Нам холодно! — кричала трава.

Медвежонок катался. Заяц прыгал, и скоро согрелся весь луг.

— Хотите, мы споем вам осеннюю песню травы? — спросила первая травинка.

— Пойте, — сказал Заяц.

И трава стала петь. Медвежонок кататься, а Заяц — прыгать.

— Эй! Что вы там делаете? — крикнул с холма Ёжик.

— Греем траву! — крикнул Заяц.

— Что?

— Греем траву! — крикнул Медвежонок.

— Вы простудитесь! — закричал Ёжик.

А травинки поднялись во весь рост и запели громкими голосами.

Пел весь луг над рекой.

И последний лист, что трепетал на том берегу, стал подтягивать.

И сосновые иголки, и еловые шишки, и даже паутина, забытая пауком, — все распрямились, заулыбались и затащили изо всех сил последнюю осеннюю песню травы.

Радуга

Медвежонок прижался спиной к печке. Ему было тепло-тепло и не хотелось шевелиться.

За окном свистел ветер, шумели деревья, барабанил по стеклу дождь, а Медвежонок сидел с закрытыми глазами и думал о лете.

Сначала Медвежонок думал обо всем сразу, и это «все сразу» было для него солнышко и тепло. Но потом под ярким летним солнышком, в тепле, Медвежонок увидел Муравья.

Муравей сидел на пеньке, выпучив черные глаза, и что-то говорил, говорил, но Медвежонок не слышал.

— Да слышишь ты меня? — наконец прорвался к Медвежонку Муравьиный голос. — Работать надо каждый день, каждый день, каждый день!

Медвежонок помотал головой, но Муравей не пропал, а кричал еще громче.

— Лень, вот что тебя погубит!

«Чего он ко мне пристал? — подумал Медвежонок. — Я и не помню такого Муравья вовсе».

— Совсем обленились! — кричал Муравей. — Чем вы занимаетесь изо дня в день? Отвечай!

— Гуляем, — вслух сказал Медвежонок у печки. — Так лето же.

— Лето! — взвился Муравей. — А кто работать будет?

— Мы и работаем.

— Что же вы сделали?

— Мало ли, — сказал Медвежонок. И еще тесней прижался к печному боку.

— Нет, ты мне говори — что?

— Скворечник.

— Еще?

— Камелек сложили.

— Где?

— У реки.

— Зачем?

— По вечерам сидеть. Огонь разведешь — и сиди.

И Медвежонку представилось, как они с Ёжиком сидят ночью под звездами у реки, варят чай в чайнике, слушают, как плещется рыба в воде, и чайник сперва урчит, а потом клокочет, и звезды падают прямо в траву и, большие, теплые, шевелятся у ног. И так Медвежонку захотелось в ту летнюю ночь, так захотелось полежать в мягкой траве, глядя в небо, что Медвежонок сказал Муравью:

— Иди сюда, садись у печки, а я пойду туда, в лето.

— А соломинку ты за меня понесешь? — спросил Муравей.

— Я, — сказал Медвежонок.

— А шесть сосновых иголок?

— Я, — сказал Медвежонок.

— А две шишки и четыре птичьих пера?

— Все отнесу, — сказал Медвежонок. — Только иди сюда, сядь к печке, а?

— Нет, ты погоди, — сказал Муравей. — Трудиться — обязанность каждого. — Он поднял лапку. — Каждый день...

— Стой! — крикнул Медвежонок. — Слушай мою команду: к печке бегом, марш!

И Муравей выбежал из лета и сел к печке, а Медвежонок еле-еле протиснулся на его место.

Теперь Медвежонок сидел на пеньке летом, а Муравей поздней осенью у печки в Медвежьем доме.

— Ты посиди, — сказал Медвежонок Муравью, — а придет Ёжик, напои его чаем.

И Медвежонок побежал по мягкой теплой траве, и забежал в реку, и стал брызгаться водой, и, если поглядеть прищурившись, в брызгах возникала каждый раз настоящая радуга, и каждый раз Медвежонку не верилось, и каждый раз Медвежонок видел ее снова.

— Эй! — крикнул Муравей в лето. — А кто обещал работать?

— погоди! — сказал Медвежонок. И снова стал, щурясь, брызгаться и ловить сквозь ресницы радугу.

— Обязанность каждого — трудиться, — говорил Муравей, прижавшись к горячей печке. — Каждый день...

«Заладил, — подумал Медвежонок. — Ну как он не понимает, что это — лето, что оно — короткое, что оно вот-вот кончится и что каждый раз у меня в лапах сверкает радуга».

— Муравей! — крикнул из своего лета Медвежонок. — Не бубни! Разве я не работаю? Разве я отдыхаю?

И он снова ударил по воде лапой, прищурился и увидел радугу.

Ёжикина гора

Давно уже Ёжик не видел такого большого неба. Давно уже не было такого, чтобы он вот так останавливался и замирал. И если кто у него спрашивал, зачем он останавливается, отчего замирает, Ёжик все равно бы ни за что не смог ответить.

— Ты куда глядишь, Ёжик? — спросила Белка.

— А, — сказал Ёжик. И махнул лапой.

— Ты что там увидел? — спросил Муравей.

— Молчит, — сказала Белка.

— Задумался, — проворчал Муравей и побежал по своим делам.

А Ёжику вдруг показалось, что он впервые увидел этот лес, этот холм, эту поляну.

Что никогда-никогда до этого ничего подобного он не видал.

«Как же так? — думал Ёжик. — Ведь я столько раз бежал по этой тропинке, столько раз стоял на этом холме».

И деревья были такие необыкновенные — легкие, сквозящие, будто сиреневые, и полны такой внутренней тишиной и покоем, что Ёжик не узнавал знакомые с детства места.

— Что же это? — бормотал Ёжик. — Раньше не видел всего?

И птицы, те немногие птицы, что остались в лесу, казались теперь Ёжику необыкновенными.

«Это не Ворона, это какой-то Орел кружит над лесом, — думал Ёжик. — Никогда не видел такой огромной птицы».

— Все стоишь? — спросил Муравей. — Я уже вон какую соломинку оттащил, а он все стоит.

— Не мешай ему, — сказала Белка. — Он думает.

— Думает, думает, — проворчал Муравей. — Что бы стало в лесу, если б все думали.

— Подумает, и все, — сказала Белка. — Не мешай.

— Все вы бездельники, — сказал Муравей. — Все вы друг за дружку горой. — И убежал.

А Ёжик про себя поблагодарил Белку, потому что он слышал разговор где-то далеко-далеко, будто говорили на облаках, а он — на дне моря.

«Какая она добрая, — подумал о Белке Ёжик. — Почему я раньше никогда ее не встречал?»

Пришел Медвежонок.

— Ну что? — сказал он. — Что делать будем?

Ёжик смотрел на лес, на холм, на Ворону, кружащую за рекой, и вдруг понял, что ему так не хочется отвечать, так не хочется спускаться со своей горы... И он стал благодарно думать о том, по чьей доброте на этой горе оказался.

Птица

Все лето Заяц плел веревку, и к осени она у него стала длиной до неба.

«Приделаю крючок, — думал Заяц, — заброшу на звезду и...»

Прибежала Белка:

— Ты что делаешь, Заяц?

— Вережку сплел, — сказал Заяц.

— А зачем?

— Залезу на небо, — сказал Заяц. — Хочешь, тебя возьми с собой?

— Возьми, — сказала Белка.

Ночью высыпали звезды. Заяц забросил крючок на самую большую звезду, и веревка тонкой паутинкой протянулась от земли до неба.

— Лезь, — сказал Заяц.

— А ты?

— Я за тобой.

И Белка побежала на небо.

Заяц полез следом, но он не умел лазать по веревке, и поэтому сильно отстал.

— Ты где? Лезь скорее! — кричала Белка из темноты. А Заяц лез и лез и уже стал устать.

— Где же ты? — торопила Белка. Она давно забралась на звезду и ждала Зайца. А Заяц раскачивался посерединке, между небом и землей, и у него не было больше сил ни лезть вверх, ни спуститься на землю.

— Ну что ты там? — спросила из темноты Белка.

— Сил нет. Не могу, — сказал Заяц.

— Ты — как по веточке, как по веточке, — сказала Белка.

Заяц раскачивался во тьме, уши его трепал ночной ветерок, он видел далеко внизу родной лес, а вверху — большую звезду и понимал, что сейчас разожмет лапы и упадет.

«Все лето плел веревку, — горестно думал Заяц, — и вот...»

— Эй! — вдруг услышал он знакомый голос с земли. — Кто там висит?

И другой знакомый голос ответил:

— Далеко. Не видно.

— Как ты думаешь, Ёжик, кто там может быть?

— Птица, — сказал Ёжик.

— Какая же птица висит посреди неба?

«Редкая», — хотел сказать Заяц. Но промолчал.

— Это Заяц! — крикнула со звезды Белка. — Полез на небо и вот застрял.

— Медвежонок, его надо спасать!

— Спасите меня, — тихо сказал Заяц.

— С каких это пор Заяцы стали лазать по небу? — проворчал Медвежонок и дернул за веревку.

— Ой, — тихо сказал Заяц.

— Как будем спасать? — спросил Ёжик.

— Сейчас, — сказал Медвежонок. И убежал.

— Заяц! — крикнул Ёжик. — Это ты?

— Я, — тихо сказал Заяц.

— Не слышу!

— Я, — погромче сказал Заяц, потому что, если бы он крикнул совсем громко, он бы упал.

— Это он, он! — крикнула со звезды Белка.

— Держись, Заяц! — крикнул Ёжик. — Медвежонок что-то придумал!

И тут вернулся Медвежонок с простыней.

— Держи, — сказал он. И дал два конца Ёжику. — Заяц! — закричал в темноту Медвежонок. — Прямо под тобой мы растянули простыню, слышишь? Прыгай!

— Я боюсь, — сказал Заяц.

— Он боится! — крикнула Белка. Ей со звезды было слышнее.

— Прыгай, кому говорят! — еще громче крикнул Медвежонок, и, откинувшись назад, они с Ёжиком, как могли, растянули простыню. — Ну!

— Прыгай! — крикнула Белка. Заяц разжал лапы и полетел, полетел, полетел, только черный ночной ветер засвистал между ушами.

«Где ж простыня? Где же земля?» — думал Заяц и не знал, что он, как большая птица с широкими крыльями, летит над землей и уже не может упасть.

Красота

Когда все забились по своим норкам и стали ждать зимы, неожиданно прилетел теплый ветер. Он обнял своими широкими крыльями весь лес, и все ожило — запело, застрекотало, зазвенело.

Вылезли греться на солнышке паучки, проснулись задремавшие лягушки. Заяц сел посреди поляны на пенек и поднял уши. А Ёжик с Медвежонок просто не знали, что им делать.

— Пойдем искупаемся в реке, — сказал Медвежонок.

— Вода ледяная.

— Пойдем наберем золотых листьев!

— Листья-то облетели.

— Пойдем наберем тебе грибков!

— Какие грибы? — сказал Ёжик. — Откуда?

— Тогда... тогда... айда ляжем — будем лежать на солнышке!

— Земля холодная.

— Вода ледяная, земля холодная, грибов нет, листья облетели, а зачем — тепло?

— То-то и оно! — сказал Ёжик.

— То-то и оно! — передразнил Медвежонок. — А что же делать-то?

— Пойдем напилим тебе дров!

— Нет, — сказал Медвежонок. — Дрова пилить хорошо зимой. Вжик-вжик! — и золотые опилки в снег! Небо синее, солнце, мороз. Вжик-вжик! — хорошо!

— Пойдем! Попилим!

— Что ты! А зимой? Бац! — и пар изо рта. Бац! Колешь, поешь, а сам дымишься. Это такая радость — в звонкий солнечный день колоть дрова!

— Тогда не знаю, — сказал Ёжик. — Думай сам.

— Пойдем наберем веточек, — сказал Медвежонок. — Голых ветвей. А на некоторых один или два листика. Знаешь, как красиво!

— А что с ними делать?

— Поставим в доме. Только немного, понимаешь? — сказал Медвежонок. — Если много — будут просто кусты, а если чуть-чуть...

— Пойдем, — согласился Ёжик.

И они пошли, наломали красивых веток и с ветками в лапах направились к дому Медвежонка.

— Эй! Зачем это вам веники? — крикнул Заяц.

— Это не веники, — сказал Ёжик. — Это — красота! Разве не видишь?

— Красота! Вон ее сколько, этой красоты! — сказал Заяц. — Красота — это когда мало. А здесь — вон сколько!

— Это здесь, — сказал Медвежонок. — А у нас зимой дома будет красота.

— И вы эти веники потащите домой?

— Ну да, — сказал Ёжик. — И ты себе тоже набери, Заяц.

— Да что я, сдвинулся? — удивился Заяц. — Живу в лесу и голые ветки...

— Да ты пойми, — сказал Медвежонок, — возьмешь две-три веточки и поставишь дома в кувшин.

— Лучше рябину, — сказал Заяц.

— Рябину — само собой. А ветки — очень красиво!

— А куда вы их поставите? — спросил Заяц у Ёжика.

— На окно, — сказал Ёжик. — Они будут стоять прямо у зимнего неба.

— А ты? — спросил Заяц у Медвежонка.

— И я на окно. Кто ни придет — обрадуется.

— Ну вот, — сказал Заяц. — Значит, права Ворона. Она еще утром сказала: «Если осенью в лес приходит тепло, многие шалуют». Вы ошалели, да?

Ёжик с Медвежонком посмотрели друг на друга, потом на Зайца, а потом Медвежонок сказал:

— Глупый ты, Заяц. И твоя Ворона — глупая. Разве это ошалеть — из трех веточек сделать для всех красоту?

**ТЁПЛЫМ
ТИХИМ УТРОМ
ПОСРЕДИ ЗИМЫ**

Последнее солнце

Уже и морозы ночами леденили лужи, уже и все птицы улетели на юг, а солнце всё не кончалось. Каждое утро Ёжик просыпался и, отдернув занавеску, со страхом глядел, не нагнало ли туч, не спряталось ли навсегда солнце. Но солнце не кончалось.

— Ну ещё день, ну ещё! — шептал Ёжик.

И солнце будто слышало, как его просят, и являлось вновь.

— Не уходи, Солнце, не пропадай! — ложась спать, шептал Ёжик. — Я так тебя люблю!

— Ты просишь солнышко не пропадать? — как-то спросил он Медвежонок.

— А как же! — сказал Медвежонок. — Я перед сном обязательно говорю: «Пожалуйста, приди!»

— Правильно, — сказал Ёжик. — Потому оно и не пропадает.

Но однажды утром Ёжик выглянул из окна и увидел, что солнца нет.

Он выбежал на крыльцо:

— Солнце, где же ты?

Хмурые тучи ползли над лесом. Серые мохнатые тучи закрыли небо.

— Тучи! — крикнул Ёжик. — Ну что вы столпились? Зачем вы здесь?

Тучи молча плыли, задевая верхушки деревьев.

— Ветер! — позвал Ёжик. — Ветер!..

Ветер летал где-то высоко и не слышал его.

— Медвежонок! — крикнул Ёжик.

Но Медвежонок был далеко за горой и тоже не услышал Ёжика.

«Осень. Не каждый же день светить солнцу. Но почему мне именно сегодня так тяжело?» — думал Ёжик.

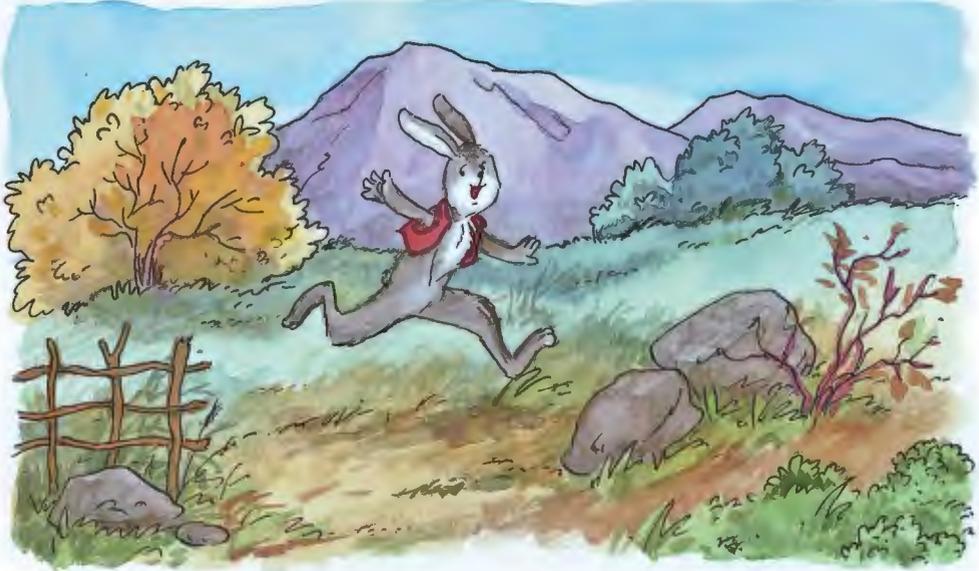
— Почему мне сегодня так тяжело? — спросил он у Медвежонка, когда тот наконец пришёл из-за горы.

— Потому что ты боишься, что солнце никогда уже не придёт, до весны, — сказал Медвежонок.

Но тут тучи разорвало, блеснул луч солнца, и Ёжик с Медвежонком так обрадовались, как не радовались никогда в жизни.

Вольный осенний ветер

Ни свет ни заря к Ёжику с Медвежонком прибежал Заяц.

— Эй! — закричал он. — Эгей! Эге-ге-гей!

— Ну что? Говори, — сказал Медвежонок.

— Эге-ге-ге-ге! — вопил Заяц.

— Да говори же! — Ёжик начал сердиться.

— Эге-ге-ге-ге! Ге-гей! Ге-гей! — И Заяц убежал.

— Чего это он?

— Не знаю, — сказал Медвежонок. А Заяц птицей летел по лесу и вопил истошным заячьим голосом.

— Что с ним? — спросила Белка.

— Понять не могу, — сказал Муравей. А Заяц сделал полный круг и снова выбежал на медвежью поляну.

— Скажешь или нет? — крикнул Медвежонок. Заяц вдруг остановился, замер, встал на задние лапы и...

— Ну же! — крикнул Ёжик.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — расхохотался Заяц и понесся со всех ног прочь.

— Может, он с ума сошел, с ума сошел, с ума сошел? — тараторила Сорока.

— Да нет, он в своем уме, в своем уме, в своем уме! — долбил Дятел.

И только Заяц ни у кого ничего не спрашивал, никому ничего не говорил, а вольный, как ветер, летел по лесу.

— Знаешь, — сказал Медвежонок. — Мне кажется, он вообразил себя... ветром. Он мне как-то сказал: «Представляешь, Медвежонок, если я стану ветром?»

— Это здорово, — сказал Ёжик. — Только Заяц никогда до такого не додумается.

И ошибся. Потому что Заяц в этот легкий солнечный день действительно с утра почувствовал себя вольным осенним ветром, летящим по полям и лесам.

Мы будем приходить и дышать

Вот уже несколько дней не было солнца. Лес стоял пустой, тихий. Даже вороны не летали, — вот какой был пустой лес.

- Ну все, готовься к зиме, — сказал Медвежонок.
- А где птицы? — спросил Ёжик.
- Готовятся. Утепляют гнезда.
- А Белка где?
- Дупло сухим мохом выкладывает.
- А Заяц?
- Сидит в норе, дышит. Хочет надышаться на всю зиму.
- Вот глупый, — улыбнулся Ёжик.
- Я ему сказал: перед зимой не надышишься.

— А он?

— Надышу, говорит. Буду дышать и дышать.

— Айда к нему, может, чем поможем.

И они отправились к Зайцу.

Заячья нора была в третьей стороне от горы. С одной стороны — дом Ёжика, с другой — дом Медвежонка, а с третьей — нора Зайца.

— Вот, — сказал Медвежонок. — Здесь. Эй, Заяц! — крикнул он.

— А, — глухо донеслось из норы.

— Ты что там делаешь? — спросил Ёжик.

— Дышу.

— Много надышал?

— Нет еще. Половиночку.

— Хочешь, мы подышим сверху? — спросил Медвежонок.

— Не получится, — донеслось из норы. — У меня — дверь.

— А ты сделай щелочку, — сказал Ёжик.

— Приоткрой чуть-чуть, а мы будем дышать, — сказал Медвежонок.

— Бу-бу-бу, — донеслось из норы.

— Что?

— Сейчас, — сказал Заяц. — Ну, дышите!

Ёжик с Медвежонок легли голова к голове и стали дышать.

— Ха!.. Ха!.. — дышал Ёжик.

— Ха-а!.. Ха-а!.. — дышал Медвежонок.

— Ну как? — крикнул Ёжик.

— Теплеет, — сказал Заяц. — Дышите.

— А теперь? — через минуту спросил Медвежонок.

— Дышать — нечем, — сказал Заяц.

— Выходи к нам! — крикнул Ёжик.

— Дверь закрой и вылазь!

Заяц хлопнул дверью и вылез наружу.

— Ну как?

— Как в бане, — сказал Заяц.

— Вот видишь, втроем-то лучше, — сказал Медвежонок.

— Мы теперь всю зиму будем к тебе приходиться и дышать, — сказал Ёжик.

— А будешь замерзать, приходи ко мне, — сказал Медвежонок.

— Или ко мне, — сказал Ёжик.

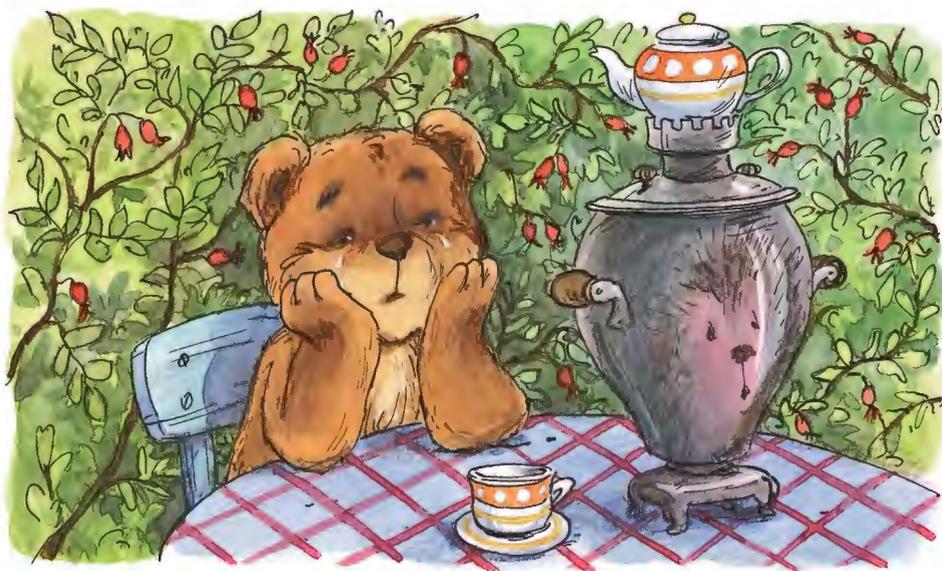
— Спасибо, — сказал Заяц. — Я обязательно приду. Только вы ко мне не ходите, ладно?

— Да почему?..

— Следы, — сказал Заяц. — Натопчете, и тогда кто-нибудь меня обязательно съест.

Лисичка

Это был необыкновенный осенний день! Было столько синевы, столько огненных листьев, столько солнца, что к вечеру Медвежонок заплакал.

— Ты чего это? — спросил Ёжик.

— Не знаю, — сказал Медвежонок. — Плакать хочется.

— Да ты посмотри...

— Я видел, — сказал Медвежонок. — Потому и плачу.

— Чего ж здесь плакать? Радоваться надо, — сказал Ёжик.

— Я от радости плачу, — сказал Медвежонок.

— Разве от радости плачут?

— Еще бы! — И Медвежонок разрыдался.

— Успокойся, что ты! — Ёжик погладил Медвежонка лапой. — Завтра снова будет солнце, и снова будут лететь листья, и улетать птицы.

— Улетать, — всхлипнул Медвежонок. И разревелся еще пуще.

— Но они прилетят, — сказал Ёжик. — Они вернуться. Пройдет зима, снег растает, и они вернуться.

— Зима. — Медвежонок горько плакал и весь вздрагивал.

— Ну да, зима. Но она пройдет, и все будет снова.

— Не хочу! Не хочу, слышишь?

— Чего ты не хочешь?

— Чтобы все уходило, улетало! — крикнул Медвежонок.

— Это же ненадолго, — сказал Ёжик. — Ты же сам знаешь. А как красиво зимой!

— Зимой я тоже буду плакать.

— Зимой? Да почему?

— Мне будет ее жалко. — И Медвежонок уже так заплакался, что Ёжик понял: словами здесь не поможешь.

— Бежим! — крикнул он.

— Куда? — поднял зареванные глаза Медвежонок.

— Бежим, говорю! — И Ёжик схватил Медвежонка за лапу и потащил в лес.

— Куда ты меня тащишь?!

Они пробежали мимо старой сломанной березы, перешли по сгнившему мостку ручей, перелезли через срубленную осину и, петляя между горелых пней, поднялись в гору.

— Смотри! — сказал Ёжик и показал Медвежонку гриб-лисичку.

Маленький золотой гриб, поджав коленки, в сумерках сидел во мху.

— Видишь? — сказал Ёжик. — У него нет ни папы ни мамы, ни Ёжика, ни Медвежонка, он совсем один — и не плачет.

Не смотри на меня так, Ёжик

— Я обязательно, ты слышишь? Я обязательно, — сказал Медвежонок.

Ёжик кивнул.

— Я обязательно приду к тебе, что бы ни случилось. Я буду возле тебя всегда.

Ёжик глядел на Медвежонка тихими глазами и молчал.

— Ну что ты молчишь?

— Я верю, — сказал Ёжик.

Ёжик провалился в волчью яму и просидел там неделю. Его случайно нашла Белка: она пробежала мимо и услышала слабый Ёжикин голос.

Медвежонок неделю искал Ёжика по лесу, сбился с ног и, когда к нему прибежала Белка, вытащил Ёжика из ямы и принес домой.

Ёжик лежал, по самый нос укрытый одеялом, и глядел на Медвежонка тихими глазами.

— Не смотри на меня так, — сказал Медвежонок. — Не могу, когда на меня так смотрят.

Ёжик закрыл глаза.

— Ну вот, теперь ты как будто умер.

Ёжик открыл глаза.

— Улыбнись, — сказал Медвежонок.

Ёжик попробовал, но у него слабо получилось.

— Сейчас я тебя буду поить бульоном, — сказал Медвежонок. — Белка принесла свежих грибков, я сварил бульон.

Он налил бульон в чашку и приподнял Ёжику голову.

— Нет, не так, — сказал Медвежонок. — Ты садись.

— Не могу, — сказал Ёжик.

— Я тебя подушкой подопру. Вот так.

— Мне тяжело, — сказал Ёжик.

— Терпи.

Медвежонок прислонил Ёжика спиной к стене и подоткнул подушку.

— Мне холодно, — сказал Ёжик.

— Сейчас-сейчас. — Медвежонок взобрался на чердак и обложил Ёжика тулупом. — Как ты не замерз? Ночи-то какие холодные! — приговаривал Медвежонок.

— Я прыгал, — сказал Ёжик.

— Семь дней?

— Я ночью прыгал.

— Что ж ты ел?

— Ничего, — сказал Ёжик. — Ты мне дашь бульону?

— Ах, да! Пей, — сказал Медвежонок.

Ёжик сделал несколько глотков и закрыл глаза.

— Пей-пей!

— Устал, — сказал Ёжик.

— Нет, пей! — И Медвежонок стал поить Ёжика с ложечки.

— Не могу больше.

— За меня!

Ёжик хлебнул.

— За Белочку!

Ёжик выпил.

— За Зайца! Он знаешь как помогал!

— погоди, — сказал Ёжик. — Передохну́.

— Выпей за Зайца, он старался..

Ёжик глотнул.

— За Хомячка!

— А Хомячок что сделал?

— Ничего. Каждый день прибегал и спрашивал.

— Пусть подождет. Сил нет, — сказал Ёжик.

— Иногда и утром прибегал, — сказал Медвежонок. —

Съешь ложечку.

Ёжик проглотил.

- А теперь — за Филина!
— Филин-то при чем?
— Как? Нет, за Филина ты выпьешь три ложки.
— Да почему?
— Да я на нем три ночи летал. Тебя искали.
— На Филине?
— Ну да!
— Врешь, — сказал Ёжик.
— Чтоб мне с места не сойти!
— Да как ты на него взобрался?
— Он знаешь какой крепкий? Сел на шею и полетел.

Ты бы видел, как Заяц нас испугался.

- Как?
— Вот выпей — скажу.
Ёжик выпил подряд три ложки и снова закрыл глаза.

— Как? — спросил он.

— Что?

— Как Заяц вас испугался?

— А! Заяц? Представляешь? Я лечу. А тут — он. Давай еще ложечку. Слышишь, как пахнет? Ух!

Ёжик выпил.

— Ну вот. Сидит, ушами вертит. Тут мы.

— С Филином?

— Ага. Он ка-ак подскочит, ка-ак побежит! Филин чуть на дерево не налетел. Давай за Филина.

— Нет. Уже совсем не могу, — сказал Ёжик. — Давай я лягу.

Медвежонок уложил Ёжика на прежнее место и укрыл тулупом.

— Ну как, — спросил Медвежонок, — тепло?

— Угу, — сказал Ёжик. — А про Филина придумал?

Говори.

— Да что ты? Вот выздоровеешь, вместе полетаем.

— Полетаем, — еле слышно пробормотал Ёжик, засыпая.

А уже зима

Холодно, звонко стало в лесу. И так светло и далеко видно, что, если бы не гора, Ёжик из своего дома мог бы увидеть дом Медвежонок.

— Ау! — крикнул Ёжик, выйдя звонким холодным утром на крыльцо.

— Ау! — крикнул Медвежонок со своего крыльца.

Они не видели друг друга, но, проснувшись, одновременно подумали: «И он там, за горой, наверное, проснулся и вышел на крыльцо».

Ёжик прислушался. Было тихо.

Медвежонок даже повернул ухо в сторону Ёжикиного дома.

— Всё-таки далеко, — пробормотал Медвежонок. И побежал к Ёжику.

— Я тебе кричал! — ещё издали крикнул Медвежонок.

— И я, — сказал Ёжик.

— И что?

— Не слышно. Гора мешает, — сказал Медвежонок. — Гора не пускает наши голоса.

— Давай сдвинем.

— Ха-ха-ха! — сказал Медвежонок. — Скажешь тоже!

— У кого будем завтракать? — спросил Ёжик.

- Давай у меня.
- А что у тебя на завтрак?
- Чай, мёд, для тебя — гриб.
- А какой гриб?
- Маслёнок, — сказал Медвежонок.
- Маринованный?
- Что ты! Я его только вчера нашёл.
- Так он же замёрз!
- Ну и что? Чем плохо — крепкий замёрзший гриб?

— Крепких замёрзших грибов я ещё зимой наемся.

— Где же ты возьмёшь зимой свежезамёрзший гриб?

— Много будешь знать, скоро состаришься.

— Ну, скажи!

— На горе, — сказал Ёжик. — Снегу мало. Они — замерзают и уже до весны свежезамороженные.

— И что ты с ними делаешь?

— А ты не знаешь?

— Нет.

— Ем, — сказал Ёжик.

Медвежонок расхохотался.

— Ладно, идём ко мне, — сказал он. — Я дам тебе белый сушёный.

— А ещё что?

— Мёду.

— А ещё?

— Ну, варенья твоего любимого, малинового.

— Пойдём, — сказал Ёжик.

И они зашагали к дому Медвежонка, шурша подмёрзшей травой, хрустя палыми листьями и тонким ледком на лужах.

— Светло и просторно, — сказал Медвежонок. — Замечательно! Снегу нет, а уже зима.

Снег пошел

— Ну вот, — сказал Ёжик. — Вот и дождались. Снег пошел.

Весь лес был в снегу, а снег все падал и падал, и, казалось, никогда уже не будет ему конца. Было так красиво, что Ёжик с Медвежонок вертели головами во все стороны и не могли наглядеться.

Они стояли на опушке посреди сказочного леса, как два маленьких деревца, полузанесенных снегом.

«Я — елка, — подумал о себе Ёжик. — А Медвежонок — кто?»

Особенно были красивы в этом белом лесу полуоблепившие огненные осинки и золотые клены. Просто невозможно было их видеть среди черных стволов деревьев.

— Так и будут стоять до весны, — сказал Ёжик.

— Облетят.

— Как же они облетят? Зима!

— Почернеют, — сказал Медвежонок.

Ёжику не хотелось спорить. Ему хотелось только смотреть, и смотреть, и, вытянув лапу, слышать, как на нее мягко садятся снежинки.

— Снежинка-снежинка, откуда ты прилетела? — спросил Ёжик у снежинки, которая легко опустилась ему на лапу.

— Откуда? — спросил Медвежонок.

Но снежинка растаяла.

— От них толку не добьешься, — сказал Медвежонок. — Ясно откуда — с неба.

А снег все падал и падал; вот он уже стеной отгородил от Ёжика с Медвежонком лес, а Ёжик с Медвежонком все стояли в этом густом снегу, и никуда им не хотелось идти.

— Смотри не потеряйся, — сказал Медвежонок. — Ты меня видишь?

— Ага.

— Не «ага», а отвечай: вижу! Размечтаешься, ищи тебя потом. — И Медвежонок взял Ёжика за лапу. — Отвечай за тебя, — ворчал Медвежонок. — Никто не падает в волчьи ямы, один ты...

— Погоди, — сказал Ёжик.

Снег стал редеть, небо — чуть посветлело, и от этого красота сделалась такой невозможной, что Медвежонок сказал:

— Может, побегаем, а?

— Жалко топтать, — сказал Ёжик.

— Потопчем, а?

И они, хохоча и крича, наперегонки помчались по огромной поляне, оставляя маленькие следы.

А снег все летел и летел. И когда Ёжик с Медвежонок, набегавшись, ушли в дом Медвежонка, на поляне совсем скоро не осталось ни одного следа.

Как Ёжик с Медвежонок приснились Зайцу

По первому снегу Заяц прибежал к Медвежонку.

— Медвежонок, ты лучший из всех, кого я знаю, — сказал Заяц.

— А Ёжик?

— Ёжик тоже хороший, но ты — лучше всех!

— Да что с тобой, Заяц? Ты сядь, успокойся. Чего ты прыгаешь?

— Я сегодня проснулся и понял, — сказал Заяц, — что лучше тебя нет на свете.

Вошел Ёжик.

— Здравствуй, Медвежонок! — сказал он. — Здравствуй, Заяц! Вы чего сидите в доме — на улице снег!

— Я собрался идти к тебе, — сказал Медвежонок. — А тут прибежал он и говорит, что я лучше всех.

— Верно, — сказал Ёжик. — А ты разве не знал?

— Правда, он самый лучший? — сказал Заяц.

— Еще бы! — Ёжик улыбнулся Медвежонку и сел за стол. — Давайте чай пить!

Стали пить чай.

— Вот слушайте, что мне сегодня приснилось, — сказал Заяц. — Будто я остался совсем один в лесу. Будто никого-никого нет — ни птиц, ни белок, ни зайцев, — никого. «Что же я теперь буду делать?» — подумал я во сне. И пошел по лесу. А лес — весь в снегу и — никого-никого.

Я туда, я сюда, три раза весь лес обежал, ну, ни души, представляете?

— Страшно, — сказал Ёжик.

— Ага, — сказал Медвежонок.

— И даже следов нет, — сказал Заяц. — А на небе — вата.

— Как — вата? — спросил Ёжик.

— А так — ватное, толстое небо. И глухо. Будто под одеялом.

— Откуда ты знаешь, что глухо? — спросил Медвежонок.

— А я кричал. Крикну и прислушаюсь... Глухо.

— Ну! Ну! — сказал Ёжик.

— И тут... И тут...

— Что?

— И тут... Представляете? Из-под старого пня, что на опушке...

— За холмом?

— Нет, у реки. Из-под старого пня, что на опушке у реки, вылез...

— Ну же! — сказал Медвежонок.

— Ты, — сказал Заяц. — Медвежонок!

— Что ж я там делал, под пнем?

— Ты лучше спроси, что ты сделал, когда вылез?

— А что я сделал?

— Ты вылез и так тихонько-тихонько сказал «Не горюй, Заяц, все мы — одни». Подошел ко мне, обнял и ткнулся лбом в мой лоб... И так мне сделалось хорошо, что я — заплакал.

— А я? — спросил Медвежонок.

— И ты, — сказал Заяц. — Стоим и плачем.

— А я? — спросил Ёжик.

— А тебя не было, — сказал Заяц. — Больше никого не было. Представляешь? — Заяц обернулся к Медвежонку. — Пустой лес, ватное небо, ни-ко-го, а мы стоим и плачем.

— Так не бывает, — сказал Ёжик. — Я обязательно должен был появиться.

— Так это же во сне, — сказал Медвежонок.

— Все равно. Просто вы плакали и не заметили, как я вышел из-за куста. Вышел, стою, вижу — вы плачете; ну, думаю, плачут, есть, значит, причина, и не стал мешать.

— Не было тебя, — сказал Заяц.

— Нет, был.

— Не было!

— А я говорю — был! — сказал Ёжик. — Просто я не хотел мешать вам плакать.

— Конечно, был, — сказал Медвежонок. — Я его видел краем глаза.

— А что же мне не сказал? — сказал Заяц.

— А видел, ты потерянный. Сперва, думаю, успокою, а уж потом скажу. И потом — чего говорить-то? Ёжик, он ведь всегда со мной.

— А по-моему, мы все-таки были одни, — сказал Заяц.

— Тебе показалось, — сказал Ёжик.

— Примерещилось, — сказал Медвежонок.

— А если так, что у меня с собой было?

— А у тебя с собой что-нибудь было?

— Ага.

— Мешочек, — сказал Ёжик.

— С морковкой, — сказал Медвежонок.

— Правильно! — сказал Заяц. — Вы знаете, кто вы для меня? Вы для меня самые-самые лучшие из всех, кто есть на земле!

Ворон

Посыпал мелкий снежок, потом прекратился, лишь ветер слабо раскачивал верхушки деревьев. Трава, неопавшие листья, ветви — все поблекло, посветлело от холода. Но лес стоял еще большой, красивый, только пустой и печальный.

Ворон сидел на суку и думал свою старинную думу. «Опять зима, — думал Ворон. — Опять снегом все заметет, завьюжит; елки заиндевеют; ветки берез станут хрупкими от мороза. Вспыхнет солнце, но ненадолго, неярко, и в ранних зимних сумерках будем летать только мы, вороны. Летать и каркать».

Надвинулись сумерки.

«Полетаю», — подумал Ворон. И неожиданно легко соскользнул с насиженного места.

Он летел почти не двигая крыльями, чуть заметным движением плеча выбирая дорогу между деревьев.

«Никого, — вздыхал Ворон. — Куда они все попрятались?» И действительно, лес был пуст и сир.

— Сер-р-р! — вслух сказал Ворон. Он опустился на старый пенек посреди поляны и медленно повернул голову с синими глазами.

— Ворона, — сказал Ёжику Медвежонок.

— Где?

— Вон на пне.

Они сидели под большой елкой и глядели, как лес заливают серые сумерки.

— Пойдем с ней поразговариваем, — сказал Ёжик.

— А что ты ей скажешь?

— А ничего. Позову чай пить. Скажу: «Скоро стемнеет. Пойдемте, Ворона, чай пить».

— Идем, — сказал Медвежонок. Они вылезли из-под елки и подошли к Ворону.

— Скоро стемнеет, — сказал Ёжик. — Ворона, идемте чай пить.

— Я Вор-р-рон, — медленно, хрипло сказал Ворон. — Я чая не пью.

— А у нас — малиновое варенье, — сказал Медвежонок.

— И грибки!

Ворон смотрел на Ёжика с Медвежонком старинными, каменными глазами и думал: «Э-хэ-хэх!..»

— Я чая не пью, — сказал он.

— Медом угощу, — сказал Медвежонок.

— А у нас и брусника, и клюковка, — сказал Ёжик. Ворон ничего не сказал.

Он тяжело взмахнул крыльями и поплыл над поляной. В густых сумерках с распростертыми крыльями он казался таким огромным, что Ёжик с Медвежонком даже присели.

— Вот это птица! — сказал Медвежонок. — Будет она с тобой чай пить!

— Это он, Ворон, — сказал Ёжик.

— Все равно птица. «Позовем, позовем!» — передразнил он Ёжика. — Позвали.

— Ну и что? — сказал Ёжик. — Он привыкнет. Представляешь, все один и один. А в следующий раз — обязательно согласится...

Уже почти в темноте Ворон летел над полем, видел какие-то далекие огоньки и почти ни о чем не думал, только широко и сильно подымал и опускал крылья.

Волк

Высыпал снег. Поднялось солнце. Лес сиял.

А потом вдруг хлынул такой дождь, что смыл весь снег, и будто не было ни мороза, ни солнца, ни зимы.

Потом на лес, на гору налетел ветер.

Он раскачивал высокие сосны, будто это были не сосны, качающиеся меж облаками, а тонкие прутики.

Такого ветра Ёжик с Медвежонком не помнили.

На светлом небе дымом летели облака, а ветер всё дул и дул, и за полчаса высушил весь лес.

Ёжик с Медвежонком сидели по своим домам.

Заяц забился в зимнюю нору под летним домом.

Белка спряталась в самый дальний угол дупла.

А Хомячок завалил дверь сундуком, табуреткой, шкафом, потому что дверь скрипела, качалась и вот-вот, как ему казалось, слетит с петель и улетит незнамо куда.

Лес стонал, охал, вздрагивал; тонкие осинки звенели; еловые крепкие шишки стучали по земле; а ветер всё дул, не стихая, и к вечеру выдул в лесу длинную узкую тёмную дыру и дудел в неё, как в трубу, на широкой басовой ноте.

«У! У! У!» — выл лес.

Потихоньку все привыкли к этому вою, и каждый у себя дома стал подбирать мелодию.

— У-у! — пел Медвежонок.

— У-у-у! — за горой, в своём доме, тянул Ёжик.

— У-у, у-у! — пищал Хомячок.

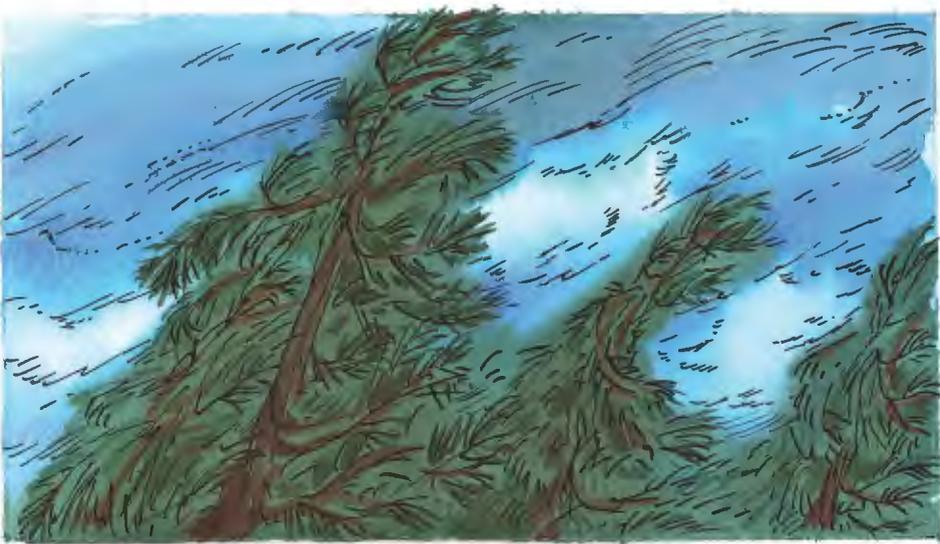
— Уй, уй! — верещал Заяц.

А Белка взяла деревянные ложки и деревянными ложками стала бить в таз.

— Бу-бу-бу! Бу-бу-бу! — бубнила Белка.

Проспав день, к ночи проснулся Филин.

«Что за Филин прилетел в лес? — проворчал он. — Вон как ухает!»

Но только высунул клюв, как ветер затолкал его обратно.
— Ух! Ух! Я — Филин! Я — тоже Филин! — заухал
в щёлочку Филин.

Но ветер не выпустил его из дома.

А тучи летели, сосны гудели, шишки падали.

Скоро стемнело совсем.

И тонкому молодому месяцу, скользящему меж облаками, лес, наверное, казался огромным серым волком, лежащим под горою и воющим на луну.

Если меня совсем нет

Еще совсем немного — и загорятся звезды, и выплывет месяц и поплывет, покачиваясь, над тихими осенними полями. Потом месяц заглянет в лес, постоит немного, зацепившись за верхушку самой высокой елки, и тут его увидят Ёжик с Медвежонком.

— Гляди, — скажет Ёжик.

— Угу, — скажет Медвежонок. А месяц подымет еще выше и зальет своим холодным, тусклым светом всю землю.

Так было каждый вечер в эту ясную холодную осень. И каждый вечер Ёжик с Медвежонком собирались то у Ёжика, то у Медвежонка и о чем-нибудь говорили. Вот и сегодня Ёжик сказал Медвежонку:

— Как все-таки хорошо, что мы друг у друга есть!

Медвежонок кивнул.

— Ты только представь себе: меня нет, ты сидишь один и поговорить не с кем.

— А ты где?

— А меня нет.

— Так не бывает, — сказал Медвежонок.

— Я тоже так думаю, — сказал Ёжик. — Но вдруг вот — меня совсем нет. Ты один. Ну что ты будешь делать?

— Пойду к тебе.

— Куда?

— Как — куда? Домой. Приду и скажу: «Ну что ж ты не пришел, Ёжик?» А ты скажешь...

— Вот глупый! Что же я скажу, если меня нет?

— Если нет дома, значит, ты пошел ко мне. Прибегу домой. А-а, ты здесь! И начну...

— Что?

— Ругать!

— За что?

— Как за что? За то, что не сделал, как договорились.

— А как договорились?

— Откуда я знаю? Но ты должен быть или у меня, или у себя дома.

— Но меня же совсем нет. Понимаешь?

— Так вот же ты сидишь!

— Это я сейчас сижу, а если меня не будет совсем, где я буду?

— Или у меня, или у себя.

— Это, если я есть.

— Ну, да, — сказал Медвежонок.

— А если меня совсем нет?

— Тогда ты сидишь на реке и смотришь на месяц.

— И на реке нет.

— Тогда ты пошел куда-нибудь и еще не вернулся. Я побегу, обшарю весь лес и тебя найду!

— Ты все уже обшарил, — сказал Ёжик. — И не нашел.

— Побегу в соседний лес!

— И там нет.

— Переверну все вверх дном, и ты отыщешься!

— Нет меня. Нигде нет.

— Тогда, тогда... Тогда я выбегу в поле, — сказал Медвежонок. — И закричу: «Ё-ё-ё-жи-и-и-к!», и ты услышишь и закричишь: «Медвежоно-о-о-к!..» Вот.

— Нет, — сказал Ёжик. — Меня ни капельки нет. Понимаешь?

— Что ты ко мне пристал? — рассердился Медвежонок. — Если тебя нет, то и меня нет. Понял?

— Нет, ты — есть; а вот меня — нет.

Медвежонок замолчал и нахмурился.

— Ну, Медвежонок!..

Медвежонок не ответил.

Он глядел, как месяц, поднявшись высоко над лесом, льет на них с Ёжиком свой холодный свет.

Теплым тихим утром посреди зимы

«Бывает же — топишь печку, глядишь на огонь и думаешь: «Вот она какая, большая зима!» И вдруг просыпаешься ночью от непонятного шума. Ветер, думаешь, бушует вьюга, но нет, звук не такой, а далекий какой-то, очень знакомый звук. Что же это? И засыпаешь снова. А утром выбегаешь на крыльцо — лес в тумане и ни островка снега не видно нигде. Куда же она подевалась, зима?»

Тогда сбегает с крыльца и видишь... лужу. Настоящую лужу посреди зимы. И от всех деревьев идет пар. Что же это? А это ночью прошел дождь. Большой, сильный дождь. И смыл снег. И прогнал мороз. И в лесу стало тепло, как бывает только ранней осенью».

Вот как думал Медвежонок тихим теплым утром посреди зимы.

«Что же теперь делать? — думал Медвежонок. — Топить печку или нет? Щипать на растопку лучинки или не надо? И вообще, как это так — опять лето?»

И Медвежонок побежал к Ёжику посоветоваться. Ёжик ходил вокруг своего дома в глубокой задумчивости.

— Не понимаю, — бормотал Ёжик, — как это так — ливень посреди зимы?

И тут прибежал Медвежонок.

— Ну что? — еще издали крикнул он.

— Что-что? Печку затопил? — спросил Ёжик.

— Нет, — сказал Медвежонок.

— Лучинок нащипал?

— Не-а, — сказал Медвежонок.

— А что же ты делал?

— Думал, — сказал Медвежонок.

— Я тоже.

И они стали ходить вокруг Ёжикиного дома и думать вместе.

— Как ты думаешь, — сказал Ёжик. — Если прошел дождь и теперь туман, может еще быть мороз?

— Не думаю, — сказал Медвежонок.

— Значит, если мороз быть не может, значит, может быть только тепло.

— Значит, — сказал Медвежонок.

— А чтобы было тепло — должно появиться солнце.
— Должно, — сказал Медвежонок.
— А когда солнышко, хорошо быть на реке.
— Я бы в жизни не догадался, — сказал Медвежонок.
— Тогда давай возьмем и позавтракаем у реки, — предложил Ёжик.

— Угу, — сказал Медвежонок.

И они сложили в корзину грибы, мед, чайник, чашки и пошли к реке.

— Куда вы это идете? — спросила Белка.

— К реке, — сказал Ёжик. — Завтракать.

— Возьмите меня с собой!

— Айда!

И Белка взяла орешков и чашку и поспешила следом.

— Идем, — сказал Медвежонок.

Выбежал из травы Хомячок.

— А я уж заснул, — сказал он. — А тут — вода! Куда это вы?

— Завтракать, к реке, — сказал Ёжик. — Идем с нами!

— У меня еда с собой, — сказал Хомячок и постучал лапой по раздувшемуся мешку за щекой, — только чашки нету, — и пошел следом.

Пришли к реке, развели костер, сели завтракать. Выглянуло солнце. Солнце осветило реку, и тот берег, и завтракающих друзей. Туман растаял.

— Если б не дождь, — щурясь, сказал Хомячок, — так бы и не увиделись до весны.

— Если б не дождь, — сказала Белка, — уж так бы не попрощались.

— Если б не Ёжик, — сказал Медвежонок, — никто бы не догадался в такую теплынь позавтракать на реке.

А Ёжик, прикрыв глаза, пил чай, слушал тишину, птицу, вдруг тонко и чисто запевшую за рекой, и думал, что, если б не все они, зачем бы понадобилось тепло этому зимнему лесу?

**ТРЯМ!
ЗДРАВСТВУЙТЕ!**

Солнечный Заяц и Медвежонок

Медвежонок проснулся, приоткрыл один глаз и увидел, что на полу перед окном сидит огромный Солнечный Заяц.

— Здорово! — сказал Медвежонок. — Ты кто?

— Я — Солнечный Заяц, — сказал Солнечный Заяц. — Я жду, когда ты проснешься.

И Медвежонок, жмурясь, вылез из постели.

— Сперва застелим постель, — сказал Солнечный Заяц и прыгнул на кровать.

Медвежонок взбил подушку, застелил одеяло.

— Так, — сказал солнечный Заяц. — Теперь будем умываться. — И перелетел к раковине.

Медвежонок умылся.

— Теперь откроем окно!

Медвежонок открыл окно.

— А теперь будем делать зарядку! Раз-два! — И Солнечный Заяц принялся скакать по всему дому.

— Ляжем на спину! — крикнул он, лег на спину и вытянул уши.

И Медвежонок лег на спину и постарался передними лапами вытянуть хоть немного свои уши.

«Эх, — подумал он, — мне бы такие уши, как у Зайца!»

— Ты что это делаешь? — спросил Солнечный Заяц.

— Да это я так, — сказал Медвежонок. — Что дальше?

— Переходим к водным процедурам! — сказал заяц и полез в ушат с водой.

— Подвинься, — сказал Медвежонок и сел рядом.
Когда они растерлись мохнатыми полотенцами и сели
завтракать, Медвежонок вдруг стукнул лапой по столу.
— А зубы! — сказал он.

— Да, — сказал Заяц. — Только я забыл щетку.

И тогда Медвежонок почистил зубы своей зубной щеткой, а Солнечный Заяц — лапой, хотя это не по правилам и у каждого должна быть своя зубная щетка, но что же делать, если Солнечный Заяц в это утро так спешил к Медвежонку, что оставил свою зубную щетку дома?

Когда они снова сели за стол, в дверь постучали и вошел Ёжик со своим Солнечным Зайцем.

— Здравствуй, Медвежонок! — крикнул Ёжик. — Вы уже завтракаете?

— Ага. Садитесь! — сказал Медвежонок.

И они вчетвером сели за стол и вкусно позавтракали.

Трям! Здравствуйте!

Посреди ромашковой поляны стоял задумчивый Ёжик, глядел перед собой серьёзными глазами и думал:

«Сегодня у Зайца день рождения. Если я ему подарю морковку, он её съест, и ничего не останется. Если капусту — тоже... а что, если я ему подарю...»

И тут на поляне появился Медвежонок.

— Тили-мили, тили-мили! — пел Медвежонок.

— Привет, Ёжик! — сказал он и встал на голову.

— Привет! — сказал Ёжик.

— Слушай! — закричал Медвежонок. — Я целую страну выдумал — волшебную, необыкновенную! Я её всю ночь выдумывал, еле-еле выговорил! Тили-мили-трямдия!

— Как?..

— Трямдия! Там все ходят на головах.

— А я ромашки собираю, — сказал Ёжик. — Раз — ромашка, два — ромашка!..

— Три — ромашка! — сорвал третью ромашку Медвежонок и запел:

Пять — ромашка,
Шесть — ромашка...

— Семь — ромашка, — подхватил Ёжик. — Придумал! — закричал он. — Надо подарить Зайцу ромашки!

— погоди! — сказал Медвежонок. — Четвертую надо сорвать. И потом «семь — ромашка» не пой. Пой: «Семь»! Понял?

— Нет, — сказал Ёжик.

— Ну, ты поешь: «Семь — ромашка!»

— Пою, — сказал Ёжик.

— А у нас в Тили-мили-трямдии поют:

Пять — ромашка,
Шесть — ромашка,
Семь...

— А зачем? — спросил Ёжик.

— Фу-ты! — рассердился Медвежонок. — Ну, чтобы песня была! Повтори.

— Фу-ты! Ну, чтобы песня была! Повтори, — сказал Ёжик. — И, знаешь, давай эту песню подарим Зайцу...

— Да погоди ты со своим Зайцем! — буркнул Медвежонок, сорвал одуванчик и... и тут же оторвался от земли. И поплыл на одуванчике, как на воздушном шаре.

Ёжик растерянно поглядел на него, но Медвежонок протянул ему лапу, и Ёжик стал подниматься в небо вместе с Медвежонком.

Они поднимались все выше, выше...

Прям над ними плыло легкое облако.

— Слушай, давай поедem в Тили-мили-трямдию! — предложил Медвежонок. — Говорить по-ихнему мы умем. Смотри, какое хорошее слово: «Трям»!

— Трям? Очень хорошее слово, — сказал Ёжик. — А что оно означает?

— Трям — по-тили-мили-трямски значит «здравствуйте!»

— Трям! Здравствуйте! — сказал Ёжик. — А кто пойдет на день рождения к Зайцу?

— Мы пойдem. Вернемся из Тили-мили-трямдии и — сразу к нему!

Медвежонок первым забрался на облако; Ёжик забрался следом, сладко зевнул и лег в ромашках.

— Надо Зайца взять с собой, — сказал Ёжик, — он никогда не был в этой Тили-мили...

— Тили-мили-трямдии! — подсказал Медвежонок.

— Ага. Приедem...

— Трям! Здравствуйте!

— Отдадим ромашки...

— Нас встретят!

— Покормят!

— Спать положат, — сказал Медвежонок. — А утром проснемся и — назад.

— С Зайцем! — сказал Ёжик. — Ему будет очень приятно...

Легкое облачко с Ёжиком и Медвежонокem, тихо покачиваясь, плыло по небу.

— Что ты ко мне со своим Зайцем привязался? — рассвирепел Медвежонок. — Он лягушек боится!

— Кто? Заяц? Заяц никого не боится! Без Зайца — не поеду!

— Тили-мили-трямдию я выдумал! И... и... — Медвежонок не находил от возмущения слов. — Ты с кем дружишь — со мной или с Зайцем?

— С тобой, — сказал Ёжик. — И с Зайцем.

— А я дружу с тобой, понял?

— А со мной без Зайца дружить нельзя. Понял?

И тут с земли до них долетел голос Зайца.

— Ёжик! Медвежонок! — кричал Заяц. — Я вас целый день ищу!

— Он меня целый день ищет! — буркнул Медвежонок, взял свой одуванчик и встал на край облака. — Я пошел.

— А... А как же Тили-ми-ли... дия?

— Без меня. С Зайцем! — рывкнул Медвежонок.

И на одуванчике, как на парашюте, поплыл к земле.

Но тут дунул ветер. Одуванчик Медвежонок в миг облетел, и Медвежонок кубарем полетел вниз.

— Ой-ой-ой-ой-ой! — закричал Медвежонок.

А навстречу на трех одуванчиках поднимался к облаку Заяц.

— Ох! Кто-то падает! — прошептал Заяц.

Ёжик закрыл глаза лапками, а Медвежонок падал, падал, падал, и, казалось, теперь уже ничто не может спасти Медвежонок.

Но тут Заяц, который подымался ему навстречу на трех одуванчиках, в последний момент подхватил Медвежонок и взлетел вместе с ним на облако к Ёжику.

— Ур-ра! Спасены! — заплясали все вместе на облаке и захохотали.

— Заяц! Поздравляю тебя с днем рождения! — сказал Ёжик и протянул Зайцу букет ромашек. — Ты их, Заяц, засуши, и зимой у тебя каждый день будет новое солнышко на тоненькой ножке!

— А я... А я... — сказал Медвежонок, — дарю тебе Тили-мили-трымдию! Это такая страна. Я её выдумал!

— Там все говорят друг другу: «Трям! Здравствуй-те!» — сказал Ёжик.

— И ходят на головах! — сказал Медвежонок.

— А зимой, когда долго не будет солнышка, вы все придете ко мне в гости! — сказал Заяц. — У меня всегда будет свое солнышко на тоненькой ножке.

— Ура! Ура! — снова закричали все и поплыли на облаке в Тили-мили-трымдию — выдуманную страну. Они

летели над лугами, лесами на легком облаке и, обнявшись, пели свою любимую песню:

Мимо белого яблока луны,
Мимо красного яблока заката
Облака из неведомой страны
К нам спешат и опять бегут куда-то.
Облака — белогривые лошадки,
Облака, что вы мчитесь без оглядки?
Не смотрите вы, пожалуйста, свысока,
А по небу прокатите нас, облака.
Мы помчимся в заоблачную даль
Мимо гаснущих звезд на небосклоне,
К нам неслышно опуститься звезда
И ромашкой останется в ладони.

Осенние корабли

Летели листья, гудел ветер, была в лесу осень...

Ёжик вышел из своего домика с коромыслом через плечо и пошел к роднику.

Вода в роднике была синяя, холодная и блестела, как зеркало.

Ёжик сел на берегу и поглядел в воду.

Из воды на Ёжика глянул грустный Ёжик и сказал:

— Ёжик, Ёжик, ты зачем пришел?

— За водой, — сказал Ёжик, который сидел на берегу.

— А зачем тебе вода?

— Море сделаю.

— А зачем тебе море?

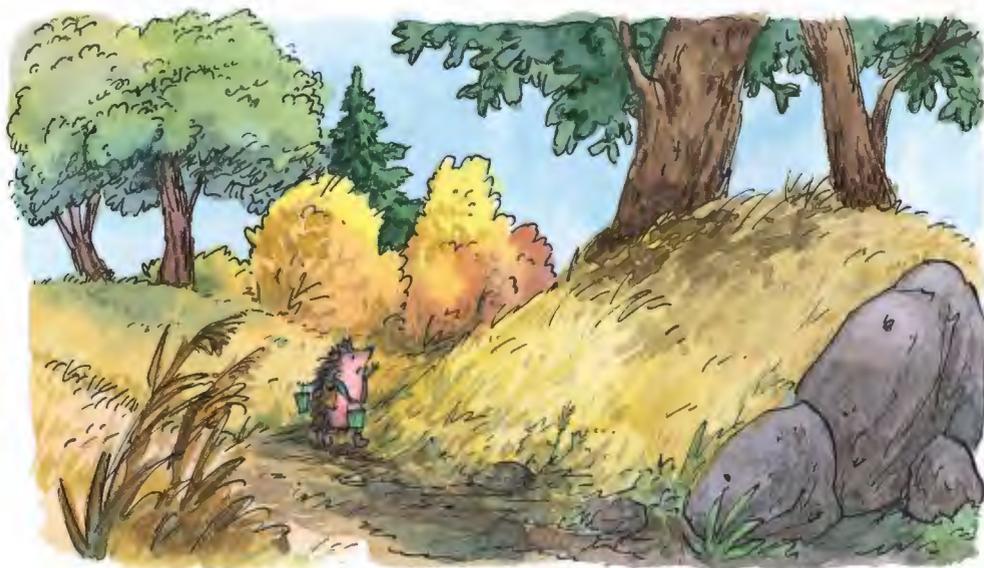
— Будет у меня дома свое море: проснусь, а оно шумит, засыпать буду, а оно — шевелится!

— А где твои корабли?

— Какие корабли?

— Как же? По морю обязательно должны плавать корабли.

«Верно, — подумал Ёжик, который сидел на берегу. — Про корабли я и забыл».

Он встал, набрал воды, нацепил ведра на коромысло и пошел домой.

Осенний лес шумел по-осеннему, елки стояли хмурые, с деревьев сыпались листья.

— Белка! — крикнул Ёжик, увидев Белку. — Где мне взять корабли?

— Какие корабли? — спросила Белка.

— Понимаешь, скоро зима, а я один и один — скучно мне!

— Всем скучно, — сказала Белка. — На то и зима. Чем ты лучше других?

— Я...

— Возьми нитку, — перебила его Белка, — и иголку. Как проснешься, вдевай нитку в иголку и выдергивай — так и день пройдет.

— Нет, — сказал Ёжик, — у меня море будет! Проснусь, а оно — шумит, повернусь с боку на бок, а оно — шевелится!

— Значит, у тебя — море, а у всех — вдевай нитку в иголку и выдергивай? Сам ищи свои корабли! — и убежала.

А Ёжик, печальный такой, пошел к дому.

Из-за елки вылез Медвежонок.

— Здорово, Ёжик! — крикнул он. — Ты куда идешь?

— Погоди, — сказал Ёжик. Вошел в дом, вылил воду в ушат и вышел в осенний лес.

— Где мне взять корабли, Медвежонок? — спросил он.

— Корабли? — изумился Медвежонок.

— Да.

— Где же их взять? — Медвежонок оглянулся. — В лесу-то?..

— Мне нужны Корабли, — вздохнул Ёжик и пошел.

— А зачем они тебе? — крикнул Медвежонок и пошел рядом с Ёжиком.

— Понимаешь, — Ёжик посмотрел на Медвежонка, — скучно!

— А ты спать ложись, — сказал Медвежонок. — Вот я, например, сейчас лягу, весной проснусь.

Они пошли к медвежачьему домику.

— Не-ет, — сказал Ёжик. — Мне корабли нужны!

— Тогда я пошел.

Медвежонок повесил на дверь своего дома огромный замок, сам влез на крышу и сел на трубу.

— А какие они, корабли? — крикнул он сверху.

Но Ёжик не успел ответить, как Медвежонок исчез в трубе.

Ёжик обошел вокруг дома, подошел к окошку, но... крыша медвежачьего домика вдруг стала подыматься и

опускаться, подыматься и опускаться. «У-у-у...» — загудел медвежачий домик трубой и, не то похрюкивая, не то всхрапывая, переваливаясь уточкой, пошел по поляне.

— Куда ты!?! — крикнул Ёжик.

Но медвежачий домик скрылся за деревьями.

— Куда же это он... поехал? — пробормотал Ёжик...

По лесу с драным сапогом в лапе брел старый Волк.

— Что это у тебя в лапе, Волк? — спросил Ёжик.

— Сапог, — сказал Волк и остановился.

— А — зачем?

— Самовар раздую, шишечек сверху покрошу, чайку сварю и-и... — Волк сладко прижмурился. — Хочешь со мной чайку попить?

— Не могу: мне корабли нужны...

— Какие корабли?

— Морские, — сказал Ёжик. — Понимаешь, скоро зима, а у меня будет море, а по морю обязательно должны плыть корабли.

— Корабли... — мечтательно проговорил Волк. — Держи! — протянул Ёжику сапог. Наклонился и из щепки и кленового листа сделал кораблик.

— Ох! — охнул Ёжик. — Настоящий! Но мне... ещё нужно.

— Ага, — сказал Волк. И сделал еще два кораблика.

— Спасибо тебе, Волченька! — сказал Ёжик. — Если тебе будет скучно, приходи ко мне. Сядем, будем с тобой смотреть на море, на корабли... Придешь?

— Приду, — пообещал Волк. Взял сапог и заковылял дальше.

А Ёжик нашел старый лопух, поставил на него три кораблика и, как на подносе, понес к себе в дом.

Подул легкий ветер, паруса корабликов надулись, и сперва Ёжик побежал за лопухом, а потом и опомниться не успел, как — полетел.

— А-а-а! — закричал Ёжик.

Такую картину даже представить себе трудно, но так все и было на самом деле: Ёжик держал перед собой лопух, по лопуху, как по зеленым волнам, мчались кораблики, а вслед за этим зеленым морем летел по воздуху Ёжик.

Он даже не испугался. Это он так, для порядка, закричал: «А-а!», потому что ему не приходилось летать над лесом, но потом он освоился и запел.

«Ля-ля! Ля-ля!» — пел Ёжик.

И тут в небе появилась страшная ворона. Ух, как она каркала! Ух, какие у нее были отвратительные когтистые гнутые лапы и зловещий клюв!

— Кар-р-р! — кричала Ворона. — Позор-р! Еж в небе! Тут переполошился весь лес.

А Ворона все летела и кричала: «Позор-р-р! Кто позволил?»

И все увидели летящего Ёжика и тоже замахали лапами и вслед за Вороной закричали: «ДОЛОЙ! ПОЗОР! КТО ПОЗВОЛИЛ?»

И только Волк остановился, поставил сапог в траву и покачал головой.

А Ёжик летел по небу, уцепившись за зеленое море, по которому неслись корабли. Он вжал голову в плечи, но моря не выпустил и правильно сделал потому, что ветер стих и,

когда Ворона было уже совсем догнала их, Ёжик со своими кораблями опустился прямо на пороге своего дома.

Как только он очутился на земле, Ворона отпрыгнула, крикнула: «Кар-р-р!» — и улетела, каркая, в пустое небо.

А Ёжик поднял корабли и вошел в дом.

То, что он увидел, так его обрадовало, что он сразу позабыл пережитый страх: возле ушата с водой, покачиваясь

на солнышке и подставляя легкие головы морскому ветерку, росли две высокие пальмы, и на самой макушке той, что была поближе к прибою, сидел совсем крошечный, но абсолютно живой Попугай.

— Здор-р-р-рово! — крикнул Попугай. — Пускай корабли! — и сел к Ёжику на плечо.

И Ёжик с Попугаем на плече стал пускать кораблики в воду.

Теперь это было настоящее море!

Шуршали пальмы, по краям ушата золотился песок, и высоко под потолком бежали легкие облака.

За окошком стемнело, и давно уже пора было ложиться спать, а Ёжик все сидел над своим морем под пальмами и не мог оторвать глаз от золотых кораблей.

Наконец он встал, разобрал постель, лег, вздохнул и сразу же услышал, как вздохнуло море и над ним зажглись звездочки, и от ночного ветерка зашелестели пальмы.

Ёжик смотрел на одинокую звезду за окном, слушал, как шуршит в ушате прибой, и думал, что он уже не один, что теперь, в эту холодную вьюжную зиму, с ним всегда будет теплое море.

Кто-то

— Ёжик! Медвежонок! Вы меня слышите?

Заяц стоял на холме, глядел на реку, на сверкающий лес, и синий ветерок трепал ему уши.

— Молчат, — сказал сам себе Заяц и закричал еще громче: — Ёжи-и-ик! Медвежо-о-онок!

— Ну чего кричишь? — спросил Кто-то.

Заяц оглянулся — никого не было.

— Нечего кричать, — сказал Кто-то. — Все равно не услышат.

— А ты — кто? — спросил Заяц. — И где ты есть, если тебя не видно?

Кто-то прошелся туда-сюда (Заяц слышал, как шелестит трава) и остановился перед Зайцем.

— Вот что, — сказал Кто-то и уставился на Зайца невидимыми глазами. — Медвежонок теперь спит, поел и отдыхает. А Ёжик идет к нему с песней.

— Что поет? — спросил Заяц.

— Без слов.

— А ты откуда знаешь?

— Я все знаю.

— А зачем я их звал?

— От радости. Солнцу обрадовался и кричишь.

— Верно, — сказал Заяц. — Уж больно хорошо! А что я им хотел сказать?

— Весна!

— Точно! А еще?

— Давайте попрыгаем!

— А еще?

— А больше — всё! Что ты еще можешь сказать, если ветер в башке?

«Опять верно, — подумал Заяц. — Больше я ничего и не хотел».

Но Зайцу захотелось поговорить с Кем-то, кого не видно, как-то по-другому, чтобы Кто-то как-нибудь сказал, кто он.

— А давай побегаем! — сказал Заяц.

— Со мной неинтересно.

— Почему?

— Я — везде. Куда ни прибежишь, а я — там.

— Не верю! — сказал Заяц.

— Беги!

И Заяц, прижав уши, помчался с холма и, долетев до реки, так прыгнул в сторону, что любой — будь то сама Лиса или даже Волк — и тот бы не удержался, рухнул в воду, а Заяц залетел в ельник, скатился в овраг и, спрятавшись под вывороченную сосну, прошептал:

— Где ты?

— Да здесь я, не дрожи, — нехотя сказал Кто-то, и Заяц остолбенел.

— Кто ты? — тоненько заплакал Заяц. Его бил озноб. — Покажись!

— Не могу, — сказал Кто-то. — Не умею.

— Тебя заколдовали? — Зайцу сделалось так страшно, что он перестал дрожать.

— Заколдовывают в сказках.

— А мы где?

Кто-то немного помолчал, потом заиграл на балалайке.

— Это — что? — спросил Заяц.

— Балалайка.

Балалайка тихонько тренькала, на лес надвинулись сумерки, а Заяц сидел под вывороченной сосной, обхватив голову лапами, и, раскачиваясь из стороны в сторону, мычал, будто у него болел зуб.

— Ничего, — успокаивал его Кто-то. — Это пройдет. Ты только помни, что есть Кто-то, кого никогда не видно.

Может, откроем глаза?

— Закройте глаза, — сказал Заяц.

Ёжик с Медвежонок закрыли.

— Заткните уши.

— Чем? — спросил Ёжик.

— Лапами.

— Я заткнул, — сказал Медвежонок.

— И я.

— Вы меня слышите?

— Плохо, — сказал Ёжик.

— Вот и хорошо. Что вы видите?

— Ничего, — сказал Медвежонок.

— Так и надо. Правда же, вам кажется, что вокруг никого нет?

— Кажется. — сказал Ёжик.

— И мне.

Заяц замолчал.

Было тихо-тихо, и Медвежонок с Ёжиком сидели в глухой темноте.

— Долго нам так сидеть? — спросил Ёжик.

Заяц молчал.

— А, Заяц?

Никто не ответил.

— Ты меня слышишь, Медвежонок?

— Ага, — сказал Медвежонок. — Заяц, наверное убежал.

— Может, откроем глаза?

— Погоди.

Они посидели еще немного.

— А зачем он это придумал?

— Наверное, так надо, — сказал Медвежонок. — Разве бы он сам догадался?

А Заяц сидел рядом, глядел на Ёжика с Медвежонок и думал:

«Интересно, почему они не открывают глаза? Мало ли что я сказал! А если бы я сказал: прыгайте в пропасть? Взяли и прыгнули? А если б мне сказали: закрой глаза, заткни уши? Я бы, наверное, тоже заткнул и закрыл. Но почему, почему?»

— Все, — сказал Медвежонок. — Мне надоело!

— И мне, — сказал Ёжик.

«Давно бы так!» — подумал Заяц.

Но Ёжик с Медвежонок по-прежнему сидели с закрытыми глазами, крепко зажав лапами уши.

Это чей холм?

Утром траву посеребрил иней, и сквозящие осинки, и весь лес от вспыхнувшего солнца стал серебряный и голубой.

— Видишь, как красиво! — сказал Ёжику Медвежонок. — А пойдём покажу, что устроил на холме Крот.

Они подошли к холму.

— Смотри, — сказал Медвежонок. — Ну что это, а?

Весь холм был изрыт от основания до макушки.

— И когда он успел? — сказал Ёжик. — Я ещё недавно здесь проходил: холм как холм.

— Не «холм как холм», — сказал Медвежонок, — а очень красивый наш холм. Эй, Крот! — крикнул он.

— Крот! — позвал Ёжик.

Высунулся Крот.

— Чего? — сказал он.

— Не «чего», а что ты наделал? — сказал Медвежонок.

— А что я наделал?

— А ты иди сюда, — сказал Медвежонок. — И погляди отсюда.

Крот вылез из норы и спустился с холма.

— Чего? — спросил он.

— Гляди! — сказал Медвежонок.

Крот невидящими глазами оглядел холм и остался очень доволен.

— Я люблю, когда у меня много квартир, — сказал Крот. — В верхних я живу, когда мокро, а в нижних — когда холодно.

— Ты посмотри, как ты исковырял наш холм, — сказал Медвежонок.

— Не ваш, а мой, — сказал Крот. — Это мой холм. На этом холме всегда жили кроты. И бабка, и дед — все жили тут.

— Послушай, — сказал Ёжик. — Ну что мы будем спорить, чей холм. Твой, наш — он же не посреди неба.

— А где же? — удивился Крот.

— В лесу, — сказал Медвежонок.

— А лес — общий, — сказал Ёжик.

— Это вам кажется, — сказал Крот. — Лес — ваш, холм — мой.

И полез в нору.

— Нет, погоди, — сказал Медвежонок. И схватил Крота.

— Что ты хватаешься? Что ты хватаешься? — завопил Крот.

— А я не только схвачу, я и поколочу, — сказал Медвежонок. — Чтобы к завтрашнему дню холм был, как вчера.

— А где же я буду жить? — спросил Крот.

— Где хочешь, там и живи. Построй себе хоть тыщу квартир, — сказал Медвежонок. — Но чтобы все было красиво.

— Да вы поглядите, какие серебряные горы рассыпаны по всему холму! — завопил Крот. — Придут неизвестные и скажут: какие богатые звери живут в этом лесу — одно серебро!

— Ты мне зубы не заговаривай, — сказал Медвежонок. — Иней растает, будет земля. Где твое серебро?

— Иней растает, выпадет снег, — не сдавался Крот. — Весна придет — все зарастет травой. А у меня там, внутри, — сто квартир.

— Что с ним делать? — тихо спросил у Ёжика Медвежонок.

— А что с ним сделаешь? — сказал Ёжик. — Скоро зима, а потом — весна, и всё зарастет травой.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Поколотить его надо.

— Оставь его, — сказал Ёжик. — Мне еще бабушка говорила: как осень, кроты обязательно испакостят весь холм.

— Вот что, — громко сказал Медвежонок Кроту. — Скажи спасибо Ёжику: если б не он, я бы... не знаю, что с тобой сделал.

— Спасибо, Ёжик, — поклонился Ёжику Крот. — Моя бабушка дружила с твоим дедушкой и говорила, что твой дедушка всегда заступался за кротов.

— Да ладно уж, — сказал Ёжик. — Только Медвежонок прав: уж больно противно глядеть, как ты исковырял холм.

Тут солнце, которое было скрылось за облаками, вспыхнуло вновь, и весь холм засверкал грудями нежного серебра.

Осинки трепетали на синеве, трава сияла, и эти серебряные груды свежей земли вдруг сделали холм таким красивым, что Ёжик удивился, как это он сразу не увидел всей красоты.

«Уродство, а красиво, — подумал Ёжик. — Как же это может быть?»

А вслух сказал:

— А ведь красиво, а, Медвежонок?

— Всегда так, — ворчал Крот, залезая в нору. — Сперва чуть не убьют, а потом — красиво!

СКАЗКИ И ПОВЕСТИ

Трям! Здравствуйте!

Сказка, в которой великий Медвежонок выдумывает Тилимитрядию, волшебную страну без волков

Глава первая,

из которой мы узнаём, что Медвежонок выдумал необыкновенную страну, а у Зайца сегодня день рождения

Посреди ромашковой поляны стоял задумчивый Ёжик, глядел перед собой серьёзными глазами и думал: «Сегодня у Зайца день рождения. Если я подарю ему морковку, он её съест и ничего не останется. Если капусту — тоже... А что, если я подарю ему...»

И тут на поляне появился Медвежонок.

Тили-мили,
Тили-мили! —

пел Медвежонок.

— Привет, Ёжик!

— Привет!

— Слушай! — Медвежонок встал на голову. — Я целую страну выдумал — волшебную, необыкновенную! Я её всю ночь выдумывал, еле-еле выговорил! ТИЛИМИЛИТРЯМДИЯ!

— Как?

— ТИЛИМИЛИТТРЯМДИЯ! Там все ходят на голове и здороваются вот так, — Медвежонок стукнул лбом о землю. — ТРЯМ! Здравствуйте!

— Трям! Здравствуйте! — сказал Ёжик. — А что мы подарим на день рождения Зайцу?

— Какому Зайцу?

— Нашему.

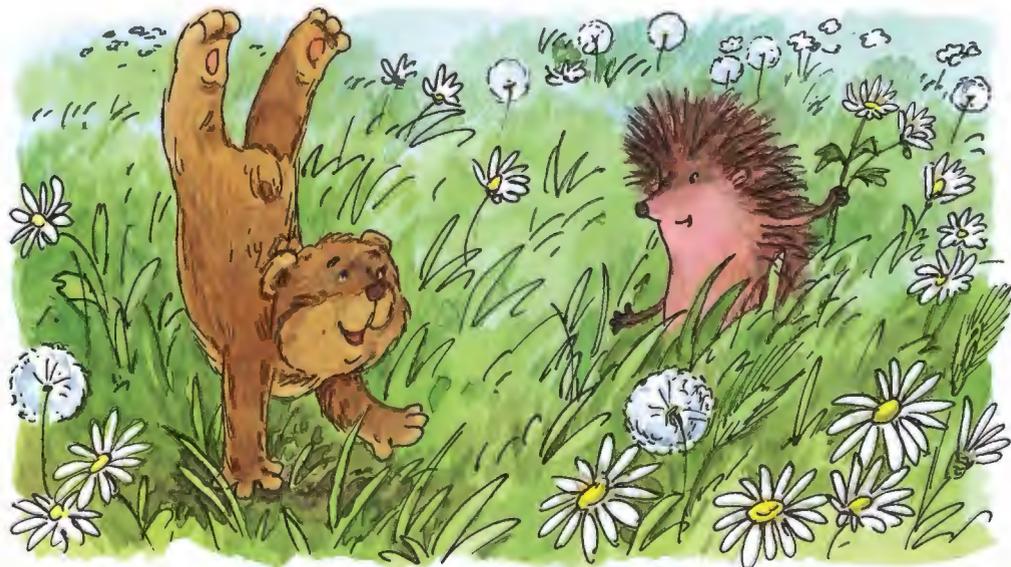
— Морковку.

— Съест, и всё.

— Капусту.

— Тоже... Придумал! — закричал Ёжик. — Подарим ему ромашки! Ведь ромашки — это маленькие солнышки! Заяц их засушит, и зимой каждый день у него будет новое солнышко на тоненькой ножке!

И Ёжик пошёл по поляне, собирая ромашки, и Медвежонок вверх тормашками пошёл следом.

Глава вторая,

*в начале которой Ёжик с Медвежонок поют песню,
посередине ссорятся, а в конце — появляется Волк*

Они шли, собирая ромашки, по солнечной поляне —
впереди Ёжик, за ним — Медвежонок.

Раз — ромашка,
Два — ромашка! —

бормотал Ёжик.

— Три — ромашка! — крикнул Медвежонок. —
Смотри, песенка получается!

И запел:

Раз — ромашка,
Два — ромашка,
Три — ромашка!
Пять — ромашка,
Шесть — ромашка...

— Семь — ромашка! — подхватил Ёжик.

— погоди! — сказал Медвежонок. — Четвёртую
надо сорвать. И потом: «семь — ромашка» не пой. Пой
«семь». Понял?

— Не-а, — сказал Ёжик.

— Ну, ты поёшь: «семь — ромашка»!

— Пою.

— А у нас в ТИЛИМИЛИТРИАДИИ поют:

Пять — ромашка,
Шесть — ромашка,
Семь!..

— В Тилимилитриадии? А где она?

— Везде, — сказал Медвежонок и повёл лапой. — Она большая! Трям!

— Что?

— Я же говорил: ТРЯМ — по-тилимилитрямскому значит «здравствуйте!»

— Ага, — сказал Ёжик. — А почему нельзя «семь — ромашка»?

— Фу-ты! Ну, чтобы песня была! Повтори.

— Фу-ты! Ну, чтобы песня была! Повтори, — сказал Ёжик.

— Ну как ты не понимаешь? — рассердился Медвежонок:

Пять — ромашка,
Шесть — ромашка,
Се-е-емь!

— Ладно, — сказал Ёжик. — Давай сначала!

И они стали петь снова:

Раз — ромашка,
Два — ромашка,
Три — ромашка, —

повёл Медвежонок.

Пять — ромашка,
Шесть — ромашка,
Семь, —

спел Ёжик.

— Правильно! Теперь пой дальше! — крикнул Медвежонок.

— А я не знаю, как дальше: я только до десяти считать умею.

— Пой... как-нибудь!

— Как-нибудь? — обрадовался Ёжик. — Ладно!
И пошёл по залитому солнцем лугу, радостно крича:

Там — ромашка,
Сям — ромашка,
Ква!

— Как? «Ква»? Мы же не лягушек собираем, а цветы!

— Ну и пусть, — сказал Ёжик. — Приедем в Тилимили...

— Трямдию! — подхватил Медвежонок. — Трям!
Здравствуйте!

— Нас встретят!

— Покормят!

— Спать положат.

— А утром проснёмся — и назад!

— С Зайцем! — сказал Ёжик. — Ему будет очень приятно...

— Где Заяц? Какой Заяц? — завертел головой Медвежонок.

— Ему будет очень приятно, — повторил Ёжик.

И тут в чистом небе вдруг появилось облако, лёгкое, пушистое, как барашек, и кто-то на этом облаке тоненьким, заоблачным голосом запел:

Облака — белогривые лошадки...

— Это ты поёшь? — спросил Ёжик.

— Не-а.

А облако-барашек превратилось в лошадку, и лошадок этих уже стало несколько. Они скакали по небу и пели:

Облака — белогривые лошадки.

Облака, что вы мчитесь без оглядки?..

— Вот бы на этих лошадаках, — и прямо в твою страну, — сказал Ёжик.

— Угу, — кивнул Медвежонок.

— Прямо к ужину.

— Угу, — кивнул Медвежонок.

— С Зайцем! — не отрывая глаз от лошадок, сказал Ёжик.

— Да что ты ко мне со своим Зайцем привязался? Ты с кем дружишь — со мной или с Зайцем?

— С тобой... И с Зайцем.

Из-за дерева на краю поляны выглянул Волк.

— Ага! Друзья, значит, — ослабился Волк. — Ну-ну!..

— Да что ты ко мне со своим Зайцем привязался? — кричал Медвежонок. — Он лягушек боится!

— Кто? Заяц? Заяц никого не боится!

— Хы! — хмыкнул Волк.

— Тилимитрямдию я выдумал! — свирепел Медвежонок. — И я дружу с тобой! Понял?

— А со мной без Зайца дружить нельзя! Понял?

— Трям! Понял! Забирай свои ромашки, я пошёл!..

— Куда же ты?

— В Тилимитрямдию!

И Медвежонок ушёл.

А из-за дерева, растопырив лапы, выскочил Волк.

Ёжик кинулся влево, вправо, понял, что убежать не сможет, свернулся в клубок.

— Ха-ха-ха! — тихонечко так рассмеялся Волк. — Должен вам сказать, за вашим Зайцем я всё утро бегал, но... не догнал. А теперь он сам ко мне явится с повинной, можно сказать, головушкой. Здравствуйте!

— Жди! — прошипел из клубка Ёжик.

— Что вы сказали? Не грубите мне, дружок, не грубите! — И Волк, галантно заметая хвостом, покати́л Ёжика. — Колотья не надо, не надо... Вот так — кочечка, а так — пенёчек, а мы — сторонкой, стороночкой...

Облака — белогривые лошадки.

Облака, что вы мчитесь без оглядки?.. —

тоненьким, заоблачным голоском, почти неслышно донеслось до Ёжика откуда-то сверху.

Глава третья,

*в которой Заяц попадает в заграничную
иностранную страну*

Лёгкие пушистые лошадки проскакали по чистому небу, и всё смолкло.

Куда Волк укатил Ёжика — неведомо.

А на краю поляны появился Медвежонок, то ли с ковром, то ли с половиком, то ли со свёрнутой рулоном тряпчочкой на плече.

Он раскатал рулон — это действительно оказалась тряпчочка. И, надо сказать, вылинявшая такая тряпчочка, на которой разноцветными кривыми буквами было выведено:

Т И Л И М И Л И Т Р Я М Д И Я

Медвежонок развесил тряпчочку между двумя деревьями: то есть конец тряпки привязал к сучку одного, спрыгнул,

вскарabкался с концом тряпки в зубах на другое, — и тут появился Заяц.

— Здорово, Медведь! Давай помогу, — сказал он.

— Не надо, я сам, — с тряпкой в зубах пробурчал Медвежонок.

— Да ты один не справишься.

— Справлюсь, — рявкнул Медвежонок, и, конечно же, конец тряпки упал на траву.

Заяц нагнулся, подал.

Привязав другой конец к дереву, Медвежонок спрыгнул на землю:

— Ну вот... Вот я и в Тилимилитрямдии!

— Где?

— В Тилимилитрямдии!

Медвежонок стукнул лбом о землю:

— Трям! Здравствуйте!

— Медведь, чего это ты? — изумился Заяц.

— Я не Медведь, — важно сказал Медвежонок. — Меня зовут Жежижешь.

— Ж-ж-ж!.. — передразнил Заяц. — Ладно, где Ёж?

— А вы... кто такой?

— Я? Да ты что? Я — Заяц!

— Не знаю, — сказал Медвежонок. И отвернулся.

— Чего-о?.. Протри глаза-то! — Заяц запрыгал по полю не вокруг Медвежонка.

— Для меня — вас нет, — сухо сказал Медвежонок.

— Меня? А кто тебе тряпку помогал вешать?

— Вы кто?

Заяц аж задохнулся.

— Вы знаете, где вы находитесь? — строго спросил Жижешь. — Вот! Читайте!

И Заяц стал читать по складам тряпочку.

— ТИ-ЛИ...

— Угу.

— МИ-ЛИ...

— Ага.

— ТРЯМ-ДИ...

— Верно!

— ТИ-ЛИ МИ-ЛИ ТРЯМ-ДИ... ТРЯМЫ! — уважительно сказал Заяц. — Много их?

— Читайте-читайте!

— ТИЛИ-МИЛИ-ТРЯМДИ... Я...

Заяц задумался и вдруг радостно закричал:

— Тилимитрямы и я! Вот здорово! Они, трямы, и я — Заяц! Это вы с Ежом мне на день рождения придумали?

— Вы находитесь в заграничной иностранной волшебной стране ТИЛИМИЛИТРЯМДИИ! — торжественно сказал Медвежонок. — Сейчас будем проверять чемодан.

— Какой чемодан? — Заяц оглянулся.

— Что ж, выходит, ты... то есть вы отправились в путешествие без чемодана?

— Без... Без какого чемодана? — заорал Заяц. — Я как вышел — Волк, я — дёру, он — за мной. Пол-утра бегал!

Медвежонок взял кусочек бересты, палочку, строго спросил:

— Имя!

— Что?

— Ваше имя? — ещё строже спросил Медвежонок.

— Моё имя... — Заяц вытаращился.

— Как вас зовут?

— Зовут?..

Заяц прыгнул, присел, прижал уши и вдруг закричал:

— Заяц! Да ты что? Да это же я, Заяц!

Медвежонок записал.

— Отчество!

Заяц зажмурился.

— После имени идёт отчество, — пояснил Медвежонок. — Мы, например, Потапычи. А вы?

— Мы? — Заяц повертел башкой и вдруг весело крикнул: — А мы — без отчества! Заяц, и всё!

— Ладно, — записал Медвежонок. — От кого приходите?

Заяц опять затряс ушами.

— Родители кто?

— Папа... Мама... Слышь, Медведь? — шёпотом спросил Заяц. — Ты что, а? Мы же — зайцы!

— Чем болели?

— А ничем! Ха! Ха! Здоровые! Вот! — Заяц стал приседать, выбрасывая лапы.

— А свинкой?

— Что я, поросёнок?..

— Сколько лет?

— Мы ещё не старые! — Заяц развеселился.

— С какой целью прибыли в нашу заграничную иностранную страну?

Заяц затряс ушами.

— Зачем?

Заяц затряс ушами сильнее.

— Как здесь очутились?

— Очутился... — Заяц оглянулся. — От Волка сбежал к Ежу, тут — ты!..

Медвежонок записал.

— Откуда прибыли?

Заяц кивнул за спину:

— Оттуда.

— Награды имеете?

— Награды... — Заяц стал оглядывать Медвежонка, себя, поляну.

— Хвалил кто?

Заяц смутился:

— Ёж. Когда я его из речки вытащил. Очень, говорит, ты мне друг!

— Трям!

— Что?

— Та-ак, по тилимитрямскому не понимаете, — Медвежонок пометил в бересте.

— А что это — трям? — спросил Заяц.

— Трям — по-тилимитрямски значит — здравствуйте! Тилимитрямдия — большая страна, — Медвежонок повёл лапой. — В ней много рек, озёр...

Заяц завертел головой.

— Есть горы, — продолжал Медвежонок, — и её омывают моря. Все, кто живут, — тилимили...

«Млянды», — про себя подумал Заяц.

— Ёжики, зайцы, медвежата — все тилимитрямские. Я эту страну сам выдумал!

— Сам?! — Заяц сел, прищурившись. — А как будет в этой стране Заяц?

— Глюк.

— Как?

— Глюк. Как маленький глоточек прохладного.

— Это я-то?

— Ну да! Ведь вы — бежите. Значит, вас овевает ветерок. Вы — прохладный...

— Скажи ещё раз.

— Глюк.

— Красиво. А — Медведь?

— Я же говорил: Жежижешь.

«Жежа», — подумал про себя Заяц.

— Это потому, что очень жарко, и пчёлы вокруг так и жужжат, так и жужжат...

— А Ёж?

— Храп!

— Почему?

— Храпит, — просто сказал Медвежонок.

— А Волк?

— В Тилимилитрядии волков нет.

— А наш? — слотнул Заяц.

— Наш — ненастоящий, потому что он — здесь, а мы — там.

— Он — здесь, а мы — там... — вникая, повторил Заяц. — Ага! — И протянул Медвежонку лапу. — Ну, трям! Здорово! А надолго здесь эта страна?

— Трям! — пожал лапу Зайцу Медвежонок. — Может, надолго, а может, нет. Вас это не касается!

— Как не касается! Ведь в твоей стране волков нет!

— Нет.

— Значит, мне эта страна во как нужна! И что ты такой... — сказал Заяц. — Ну... целую страну выдумал, а злой!

И умчался.

А Медвежонок, оставшись один, подумал: «А Заяц-то — ничего, сообразительный».

Заяц высунулся из куста с другого конца поляны и крикнул:

— Эй, Жежа! Если ты не совсем это... — Заяц повертел лапой у виска. — Увидишь Ежа... Ой, что я — Храпа! Скажи: Заяц, то есть Глюк, мол, спрашивал! — И пропал.

А Медвежонок снял с деревьев и стал сворачивать «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЮ», бормоча:

— Пойду поищу Ёжика. Скажу: а Заяц-то — ничего! — Медвежонок положил свёрнутую в рулон «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЮ» на плечо и пошёл.

— Вот, кажется, тряпочка и всё, — бормотал Медвежонок, — а как подумаешь — целая страна — тяжело!

И скрылся за деревьями.

Глава четвёртая,

в которой Волк приколачивает объявление

А Волк катил, катил по лесу Ёжика и выкатил его на большую поляну.

— Сюда, сюда, пожалуйста, — говорил он Ёжику, останавливаясь у дерева. — Теперь — отдохните немного.

Волк достал из-за пояса молоток, из кармана — гвозди, из мешка — дощечку.

— Сейчас прибьём объявление и пойдём дальше. Только не вздумайте бежать, дружок, я вас всё равно догоню!

Волк застучал молотком.

— Не криво? — отошёл немного.

Ёжик молчал.

— Что же вы молчите, дружок? Смотрите, как славно получается!

И Волк, выставив вперёд когтистую страшную лапу, упёрся верхними лапами в бока и вскинул голову.

— Хи-хи! — хихикнул Ёжик.

— Кто-то сказал «хи-хи», или мне показалось?

Ёжик не ответил.

А Волк снова вскинул голову и громко торжественно продекламировал:

— ПОЙМАЛ ЕЖА. ТРЕБУЕТСЯ ЗАЯЦ. ВОЛК! Хорошо, а? Скоро явится.

Ёжик молчал.

— Молчите, молчите, дружочек, это ваше право. А Заячик-то скоро явится.

— Так он к тебе и прибежит, — тихо сказал Ёжик.

— Прибежит, прибежит — никуда не денется! — хохотнул Волк и уселся под деревом. — Заяц прост, как сушок, — где ему друга в беде бросить? Давайте рассуждать: вы — пойманы, вы — в плену. Так?

Ёжик молчал.

— Нехорошо, дружочек. Я с вами беседую, а вы молчите.

— Ну, так, — сказал Ёжик.

— Вот это по-нашему, это — по-волчьи, — развеселился Волк. — Я — спрашиваю, вы — отвечайте. Вы — пойманы, вы — в плену, а Заяц...

— Что? — спросил Ёжик.

— Я за ним всё утро бегал. А разве это хорошо, не позавтракавши по полям прыгать?

Ёжик ничего не сказал.

— Правильно! И я так думаю: нехорошо это, — осклабился Волк. — А теперь он сам явится.

— Жди! — сказал Ёжик.

— А вот поглядим! — Волк поднялся. — Ну, идёмте, идёмте, не будем Зайчику мешать: вон сколько ему надо букв прочитывать, а он — малограмотный.

И Волк укатил Ёжика с поляны.

Глава пятая,
*в которой Заяц решил пожертвовать собой
ради друга*

Только Волк укатил Ёжика с поляны, как появился Медвежонок с «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЕЙ» на плече.

— Вот, кажется, тряпочка и всё, а как подумаешь — целая страна — тяжело! — пробормотал Медвежонок и скинул «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЮ» на траву.

— Ёжи-и-ик! Ё-ёжи-ик! — закричал он. — Отзовись! Да что же он, по-настоящему обиделся, что ли? — Медвежонок сел на траву, привалился спиной к дереву с волчьим объявлением и задрал голову.

И тут же в чистом голубом небе появились пушистые облака. Они скакали под самым куполом и легко, весело пели:

Облака — белогривые лошадки.

Облака, что вы мчитесь без оглядки?..

— Эх!.. — вздохнул Медвежонок, взвалил волшебную страну на плечо и ушёл.

И тут же на поляну выскочил Заяц. Не видя волчьего объявления, он закричал:

— Ёж! Ёж! То есть Храп! Где же ты? — Подпрыгнул, прижал уши, сказал сам себе: «Глюк! Надо же! Хи-хи!»

И умчался.

А на поляну выбежал Ёжик.

Он кинулся к объявлению, дёрнул, дёрнул ещё раз, но оторвать волчьей доски не смог. А следом выскочил Волк.

— Не под силу вам это, дружок, не под силу, — показывая страшные зубы, улыбался Волк. Песенку сочинить — да, стишок какой — пожалуйста! А объявление, Волком приколоченное, оторвать — не те жилки! Ну, ну, будет!

И он схватил Ёжика когтистой лапой, накинуд петлю, дёрнул за поводок:

— Вот так-то лучше!

— Пусти! Пусти меня! — крикнул Ёжик, выскользнул из петли и спрятался за деревом.

— Голубчик! — захохотал Волк. — Дружочек, куда же вы? От моих лап, от моего нюха разве вам убежать?

И помчался по опушке, заглядывая под деревья и кусты.

— Прячетесь? — вкрадчиво говорил Волк. — А кто же со мной разговаривать будет, когда я стану Зайчика есть? Ну, пожалуйста, прошу вас! — И заглянул за дерево, под которым прятался Ёжик.

Но Ёжик ускользнул.

— Но я же слышу: вами пахнет! — сказал Волк. — Где вы?

И они стали ходить друг за другом вокруг столетнего дуба.

— Так. И здесь нет, — бормотал Волк. — И здесь. Ладно. Отдохнём под кустиком. Вы ведь, я знаю, высунетесь.

И только Волк спрятался под кустом, как появился Заяц.

— Ёж! Ёж! Храп! — крикнул Заяц. И встал, как вкопанный.

— Да куда же он подевался — ведь день рождения у меня!.. — бормотал Заяц, глядя на приколоченное к дубу волчье объявление и ещё не соображая, что всё это значит. — Ведь день рождения у меня!.. — медленно повторил Заяц и привстал на задние лапы, чтобы лучше видеть.

— П... О... Й... ПОЙ... — по буквам прочитал Заяц. М... А... Л... ПОЙ-МАЛ. Так: поймал! Кто поймал? Кого поймал? — Заяц обернулся, стал читать дальше: — ПОЙ-МАЛ Е... Ж... А... ЕЖА! Ой! — вскрикнул Заяц.

И тут из-за дуба высунулся Ёжик и тихо сказал:

— Беги, Заяц! Здесь Волк!

И скрылся.

— Где Волк? Кто со мной говорит? — вскрикнул Заяц. — Эй! Кто здесь есть? Послышалось, наверное...

И Заяц стал читать волчье объявление дальше: — Т... Р... Е... ТРЕ-БУ-ЕТ-СЯ З... А... Я... ЗАЯЦ. Требуется Заяц! Ага! «Поймал Ежа, требуется Заяц». Кто поймал? Где?

И Заяц запрыгал по поляне, заглядывая под кусты, и остановился прямо перед кустом, за которым сидел Волк.

— Ёж! Ёж! Храп! Ё-жи-и-ич-ка-а!.. — вдруг заверещал Заяц и — прыгнул.

А Волк за кустом, судорожно сглотнув, сел и так и остался сидеть, поглаживая себя лапой по голове:

— Терпение, терпение...

Почему Волк не выскочил, не схватил Зайца, он и сам не знал...

А Заяц прискакал обратно к объявлению и, обмирая, прочёл:

— В... О... ВОЛК! Что же теперь? — тоненько заверещал Заяц. И тут же услышал:

— Беги!

Это Ёжик из-за дуба тихо сказал:

— Беги, Заяц!

Заяц прыгнул в сторону, но остановился:

— Кто-то так и шепчет в ухо: беги, Заяц! А как бежать-то, когда друг в беде?!

— Беги, Заяц! — снова шёпотом сказал Ёжик.

— Вот! — Заяц отпрыгнул. — Опять! В самое ухо!

И Заяц кинулся было наутёк, но вернулся:

— Нет! Надо выручать Ежа!

И, сам не понимая, что делает, вдруг громко закричал:

— Э-эй! Во-олк! Я ту-ута!

Волк за кустом дёрнулся, но смолчал.

«Ещё успеется. Ещё не время», — уговаривал себя Волк.

— Во-олк! Слышишь, что ль? Отзовись! — вопил Заяц и, чтобы не было так страшно, про себя думал: «Да что он мне? Всё равно съест. А Ежа выручу».

И Заяц закричал ещё громче:

— Во-о-о-о-олк!

Ёжик, высунувшись из-за дуба, дёрнул Зайца за лапу:

— Беги, Заяц!

Но Заяц уже ничего не слышал, не чувствовал, он летел по поляне, крича:

— Во-о-о-о-олк!

И — пропал.

И тут же с «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЕЙ» на плече на поляну вышел Медвежонок. Левой лапой он придерживал волшебную страну, а правой, приседая, срывал ромашки.

Раз — ромашка,

Два — ромашка,

Три — ромашка! —

пел Медвежонок.

Остановился и закричал:

— Ёжи-и-ик!

Но никто не ответил, и Медвежонок пошёл, собирая ромашки, дальше:

Там — ромашка,
Сям — ромашка,
Ква!

Он сделал ещё шаг и — наткнулся на Волка.

— Ой! — ойкнул Медвежонок и отпрыгнул в сторону. — Ф-фу-у... Старый пень, а до чего же похож на Волка!

И, оглядываясь, пошёл к старому дубу посреди поляны, вскарабкался по сучкам и развесил на ветвях волшебную страну.

— Это не пень, это — Волк! — тихо сказал Медвежонку Ёжик. — Беги!

И тут на поляну с криком выскочил Заяц.

— Во-о-о-о-о-о-olk! — орал Заяц и, увидев Медвежонка, встал, как вкопанный: — Жежа?

— Глюк? Вы что тут делаете? — спокойно спросил Медведь.

— Читай! — захлебнулся криком Заяц.

И Медвежонок по складам прочитал волчью писульку.

— Поймал Ежа, — оглядываясь, повторил Медвежонок. — Требуется Заяц.

— Вот! Требуется Заяц! — подхватил Заяц. — Так вот он я! Выпусти Ежа — вот он я! — И полетел по поляне, ещё громче крича: — Во-о-о-о-о-olk!

— Стой! — крикнул Медвежонок.

Подошёл к Зайцу, тихо сказал:

— Ты даже не знаешь, какой ты друг, Заяц...

И протянул Зайцу ромашки.

Глава шестая,

*в которой на миг возникает Тилимилитрядия —
волшебная страна, в которой нет волков*

Заяц, потупившись, стоял, прижимая к груди ромашки, а Медвежонок заглянул за дерево и позвал:

— Ёжик, выходи!

— Что ты! — Ёжик замотал головой, показывая на Волка.

— Выходи! Не бойся! В моей стране волков нет! — убеждённо сказал Медвежонок.

— А этот?.. — появляясь, спросил Ёжик и снова показал на Волка.

— Этот — ненастоящий. В Тилимилитрядии волков нет! Читай!

И Ёжик по складам прочитал: «ТИ-ЛИ-МИ-ЛИ-ТРИМ-ДИ-Я»!

— Ура! — крикнул Ёжик. — Тилимилитрядия! Ой, Медвежонок! Какой же ты молодец!

— В моей стране волков нет! — повторил Медвежонок.

А Ёжик обнял Медвежонка и кинулся к Зайцу:

— Здравствуй, Заяц!

— Глюк, — растерянно сказал Заяц. — Если... эта... теперь... здесь... Я — Глюк.

— Он — Глюк, ты — Храп, а я — Жежижешь, — закивал Медвежонок.

— Поздравляю тебя с днём рождения, Глюк! — крикнул Ёжик. — Вот тебе от меня маленькое солнышко на тоненькой ножке. — И протянул Зайцу ромашку.

А Заяц, прижимая к груди ромашки, глядел на Волка, на друзей, на «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЮ» — сморщенную страну на ветвях векового дуба, снова на Волка и, наконец, махнув лапой, крикнул:

— Если Волк не Волк, а мы — в «ТИЛИМИЛИТРЯМДИИ», тогда... тогда...

И он кинулся обнимать Ёжика и Медвежонок:

— Здравствуй, Храп! Это ты мне в самое ухо кричал: «Беги, Заяц!»?

— Ага! Ага! — кивал Ёжик.

И пошло веселье! Взявшись за лапы, друзья принялись плясать вокруг «ТИЛИМИЛИТРЯМДИИ» — волшебной страны, прямо перед самым носом у Волка.

— Пляшите и пойте — у нас нет волков! — кричал Медвежонок.

— Нет волков! — кричал Ёжик.

— Нет! — орал Заяц.

А Волк всё поглаживал себя лапой по голове и вдруг пружинкой вылетел на поляну.

— ВОЛКОВ НЕТ?! — страшно зарычал Волк. И завертелась, замелькала карусель.

Через поляну проносились Ёжик, Заяц, Медвежонок, а за ними, между ними, впереди них — Волк.

— ВОЛКОВ НЕТ?! — рычал он.

Наконец Волку удалось схватить Медвежонок.

— Не трогай меня! Не трогай! У нас волков нет! — кричал Медвежонок.

— А Я КТО?! — Волк сжал Медвежонку лапу.

— Ой! Больно! Волк! Бегите все! Во-олк! — задохнулся Медвежонок.

Но тут подлетел Ёжик:

— Пусти! У нас — республика!

— Я ВАМ ПОКАЖУ РЕСПУБЛИКУ! — рычал, утаскивая Медвежонка, Волк. — Я ВАМ ПОКАЖУ — МЕНЯ НЕТУ!

Но тут Заяц ударил Волка головой в живот. Волк упал, Медвежонок вырвался, — и снова завертелась карусель.

На секунду остановившись, Волк погладил себя лапой по голове:

— Спокойствие, спокойствие... Прямо воздушный бой какой-то...

И вдруг, задёргавшись, будто строчит из пулемёта — д-д-д-д-д! — пропал в карусели.

Топот, крики, рычание Волка, вопли птиц, кружившихся над поляной, смешались в один неумолчный вой, а тут ещё собрались тучи, грохнул гром, и всё это стало походить на настоящее сражение.

В этой карусели Волку удалось снова схватить Ёжика.

— ХА-ХА-ХА! — захохотал Волк, и молния озарила его страшные зубы. — Я ВАМ ПОКАЖУ — МЕНЯ НЕТУ!! — И потащил Ёжика в глубину леса.

Хлынул дождь.

И сквозь дождь и раскаты грома Медвежонок с Зайцем услышали:

— Друзья! Не бойтесь! Он меня не съест! Он меня не съест! Он меня не съест!..

— Эх ты, Жежа! — сказал Заяц, с него струйками стекала вода. — «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЯ»! Волков нет! Я тебе поверил, а ты...

Вновь грянул гром, блеснула молния, Заяц прыгнул, замелькал между деревьями, и до Медвежонка донеслось:

— Держись, Храп!!!

А мокрый взъерошенный Медвежонок сел в траву и заплакал:

— Зато какая страна!.. — всхлипывая, бормотал Медвежонок.

Глава седьмая,
в которой Медвежонок решил бросить выдуманную страну

Дождь хлестал не переставая, а Медвежонок всё сидел посреди поляны и плакал.

Но тучи вдруг так же быстро рассеялись, блеснуло солнце, и по чистому небу побежали белые пушистые облака.

Облака — белогривые лошадки... —

донеслось до Медвежонка, и он перестал плакать.

Прибежал Заяц:

— Сидишь? Чего ж ты сидишь? Бежим вызволять Храпа! — и помчался.

Медвежонок взвалил на плечо вымокшую «ТИЛИМИЛИТРИАДИЮ», побежал следом.

— Брошу я её, — сказал он, поравнявшись с Зайцем.

— Кого?

— Тилимитриядию.

— Как — бросишь?

— Тяжело. — Медвежонок остановился. — Зря я её выдумал!

— Ты что? — остановился и Заяц. — Страну без волков?!

— Устал... — сказал Медвежонок.

— Выдумал — неси! — вскипел Заяц.

И они помчались через сверкающий лес вызволять Храпа.

Глава восьмая, *в которой попадает в плен Медвежонок*

Волк привязал Ёжика к дереву перед своим домом, а сам стал сервировать пенёк у крыльца.

— Вот та-ак... — бормотал Волк. — Сюда — веточку, а сюда — цветочек!

Он сорвал ромашку и стал искать, куда бы её поставить:

— Да что же это? Только что была...

Волк ушёл в дом и вернулся с вазочкой в лапе.

— Вот! Очень украсит наш стол. То есть пенёк... Та-ак... — Волк потёр лапы. — Скоро и Зайчишка пожалует! Никуда он от нас не денется.

И Волк стал ходить, любуясь своей работой. А Ёжик грустно-грустно запел:

От заката до заката
Ходит по лесу Медведь,
Ходит по лесу Медведь,
Просит птичек не шуметь.
Я, Медведь, хожу, хожу,
Я и так весь лес бужу...

— Нет! Так не пойдёт! — усаживаясь в кресло, сказал Волк. — Поговорим о Тилимилитрядии! Ведь это не шутка — страна! А вы — республика! Тряпку повесили и всё!

От заката до заката, —

пел Ёжик.

— Молчать! — щёлкнул зубами Волк.

Ходит по лесу Медведь...

— Тихо!

Ходит по лесу Медведь,

Просит птичек не шуметь.

— Ах, так? — Волк вылез из кресла, накрыл Ёжика корзиной. — Так-то лучше будет!

Вы на веточках сидите,

Почему же вы шумите? —

сквозь прутья корзины пел Ёжик.

Волк вынес бараний тулуп, накрыл корзину.

— Теперь пой, сколько влезет! — И, довольный, сел в кресло у пня. — Та-ак, вилочка, ножичек, веточка, цветочек. Сейчас и Зайчик пожалует.

Но вместо Зайца на поляне перед волчьим домом появился Медведь.

— Волк! — сказал Медвежонок, воткнул в землю две палки и развесил на них «ТИЛИМИЛИТРЯМДИЮ». — Я, Медвежонок, и все медвежата, зайцы, ёжики...

— И волки, — осклабился Волк.

— И волки Тилимитриямдии требуют освободить Ёжика!

— И волки? — хмыкнул Волк. — Так у вас же волков нет!

— И волки! — упрямо повторил Медвежонок.

— О! С этого бы и начинали!

Волк взял в лапу пустую корзину, спрятал её за спиной:

— А где он? Где он, ваш Ёж, а? Может, здесь?

И Волк нагнулся, будто что увидел в траве. И Медвежонок нагнулся и стал искать вместе с Волком что-то невидимое — тут Волк и накрыл его корзиной.

— ХА-ХА-ХА! Коварство — первый волчий закон! — грубо захохотал Волк. — А теперь мы вас костыликами да к земле! — И он стал прибивать корзину. — ХА-ХА-ХА! Не угодно ли полюбоваться?

И — сдёрнул с Ёжикиной корзины тулуп.

— Ёжик! — крикнул Медвежонок.

— Жежижешь?

— Так-то лучше будет! — хохотал Волк. — Ну-с, а где Зайчик?

Глава девятая,
в которой заговорили грибы

И тут на поляну с грохотом выкатилась бочка.

— Ох! — охнул Волк. — Это ещё что? — И выдохнул: — Хы-ы!.. Простая бочка...

Бочка не шевелилась.

Волк подошёл, поскрёб когтем:

— Терем, терем, теремок, кто в тереме живёт?

Приложил ухо, послушал:

— Молчат!

Волк обошёл бочку со всех сторон:

— Закупорена! Та-ак... Молоток есть, где тут была моя стамесочка?

И ушёл в дом.

— Храп! Жежа! Где вы? Это я, Глюк! — донёсся из бочки глухой голос Зайца.

— Глюк! Заинька! Где ты? — вскрикнул Ёжик.

— Здесь я, здесь, в бочке! Ты куда, Жежа, побежал? Я ж тебе кричал: «Стой, погоди!» — и передразнивая Медвежонка: — «Милимили-трямдия! Милимилитрямдия!» Где вы хоть сидите?

— В корзинах, — сказал Ёжик.

— Мы — в корзинах, а он их прибил к земле, — сказал Медвежонок.

— Зубы ему заговаривайте.

— Тише! Волк! — шепнул Ёжик.

Играя стамеской и молоточком, на крыльцо вышел Волк.

— А распогодилось-то! — осклабился Волк. И запел:

От заката до заката
Ходит по лесу Медведь,
Ходит по лесу Медведь,
Просит птичек не шуметь.

Тьфу! Что это я?.. Та-ак. С какой стороны будем открывать?

И обошёл вокруг бочки.

— С этой или с той?

Поставил бочку на попа, снова поскрёбся когтем:

— Эй! Есть там кто?

— Есть, — глухим голосом сказал Заяц.

— Ох! — Волк схватился за сердце, — Ффу-у!.. Так и умереть можно.

— Храп, как по-твоему, кто там? — спросил Медвежонок.

— Наверное, грибы, — сказал Ёжик.

— Опята!

— Опята разве так говорят? Опёнок вот как говорит...

И Ёжик спросил голосом Волка:

— ЭЙ! ЕСТЬ ТАМ КТО?

А потом тоненько:

— Е-есть! Понял? А так только старый гриб груздь скажет.

И Ёжик глухим голосом Зайца сказал:

— «Есть!» Грузди там, вот что!

— Грузди!.. — оттопырив губу, сказал Медвежонок. — Грузди, они — молчаливые. Станут они тебе с Волком разговаривать!

Волк снова поскрёб бочку когтем:

— Эй! Если вы грибы, то какие? Я только белые люблю!

— Мы — белые, — глухо сказал Заяц.

— Я же говорил! — крикнул Медвежонок. — Из груздя клещами слова не вытащишь!

А Волк приладил стамеску и принялся сбивать верхний обруч.

— Нас так открывать нельзя, — глухо сказал Заяц. — Надо, чтобы мы лежали.

— Друзья мои! Как скажете — так и будет. — Волк повалил бочку. — Белый грибок — эх! Единственно, что ещё люблю, — поесть!

И Волк стал сбивать обруч с лежащей бочки. А тем временем в противоположном конце дно повернулось, из бочки тихонечко выполз Заяц, аккуратно поставил дно на место, запер на колышки.

— Эх! Эх! Зайчик с грибной подливою! — лупил молотком Волк.

А Заяц пробрался вокруг пня к Ёжику и Медвежонку.

— Тсс! — сказал Заяц, приподнял корзину и отвязал от дерева Ёжика. — Тсс! — И выдернул костылики медвежьей корзины. — Сидите, как сидели! Я позову.

И спрятался за пень.

Я хожу, хожу, хожу, —

орал Волк, —

За порядчком слежу! —

и лупил молотком.

— Когда светит вкусно поесть, — сверкнул Волк жёлтым глазом, — глупею! Эх! Эх! Вот!

И высадил дно.

— Друзья грибочки! — торжественно сказал Волк. — Вы — свободны! Просим!

И заглянул в бочку.

— Эй! Где же вы?

Волк оглянулся.

Ёжик с Медвежонком сидели под своими корзинами.

— Эй, грибочки! — снова позвал Волк. — Да не может быть, чтоб!..

И засунул в бочку голову.

— Там, наверно, на дне какой... — сказал Ёжику Медвежонок.

— Кругленький такой, на крепенькой ножке! — подхватил Ёжик.

— Полезу посмотрю, — сказал Волк и полез в бочку.

Тут из-за пня выскочил Заяц и замахал лапами. Из-под своих корзин выбрались Ёжик с Медвежонком, и все трое кинулись к бочке, поставили её на попа и накрыли дном.

— Эй! Эй! Выпустите меня! — завыл Волк.

Но друзья уже сидели сверху и только подпрыгивали.

Глава десятая, и последняя,
*в которой Волк становится музейной редкостью,
а Ёжик, Заяц и Медвежонок отправляются
на поиски Тилимитрядии,
выдуманной страны*

Волк колотился изо всех сил, но друзья сидели сверху и только подпрыгивали.

— ВСЕХ! СОЖРУ! НИКОГО! НЕ! ПО! ЖА! ЛЕ!
Ю! — вопил Волк.

— Эх, не удержаться нам! — сказал Заяц.

— Что же делать? — спросил Медвежонок.

— Вон гвозди и молоток. Ёжик, беги!

— А вы?

— Беги, говорю! Прыгай! — крикнул Заяц. — И ты! — обернулся к Медвежонку.

— А ты?

— Прыгайте, кому говорят!

Ёжик с Медвежонком спрыгнули, а Заяц вскочил на края бочки, замахнулся дном и, когда Волк выскочил по плечи, так хватил его по ушам, что Волк нырнул в бочку.

Тут его и заколотили гвоздями.

— Всё! — бросил молоток Заяц.

— Уррра! — крикнул Ёжик.

— Уррра-а!.. — подхватил Медвежонок.

А Заяц сел у бочки и закрыл глаза.

— Глюк! Ты не знаешь, какой ты друг! — сказал Медвежонок, когда они с Ёжиком устали плясать.

— Ты — самый-самый друг из всех на земле, — сказал Ёжик.

— Нет, Храп, нет, Жежа, это вы самые лучшие на земле друзья!

— Вот, — сказал Медвежонок. — Я дарю тебе «ТИЛИМИЛИТТРИАМДИЮ»! — И протянул Зайцу тряпочку.

— Это такая страна, — сказал Ёжик. — Там все ходят на головах и говорят друг другу: «ТРЯМ! ЗДРАВСТВУЙТЕ!»

— А ещё мы дарим тебе ромашки! — сказал Ёжик. — Ты их, Глюк, засуши, и тогда в самые хмурые дни с тобой всегда будет солнышко на тоненькой ножке!

— Спасибо, Храп! Только не со мной, а с нами! Пусть оно освещает страну, которую выдумал Жежа!

— А ещё... мы с Ёжиком дарим тебе... бочку с Волком! — сказал Медвежонок.

И они подкатили бочку и поставили её перед Зайцем стоймя.

С «ТИЛИМИЛИТРИМДИЕЙ» и ромашками в лапах, Заяц, чуть не плача, сказал:

— Храп! Жежа! Мне никто ещё никогда не дарил столько подарков. А... А зачем мне бочка?

— Будешь солить капусту.

— А куда Волка?

— Сдашь в музей.

— А кем он там будет?

И тут дно бочки приподнялось, и Волк высунул свою зубастую пасть.

— Музейной редкостью! — прохрипел Волк и поднял коготь. — Только, чур, лапами не трогать!

И дно бочки захлопнулось, бочка легла набок и укатилась. А Медвежонок заплакал.

— Мне горько, — всхлипывая, сказал он, — что в моей волшебной стране оказались волки.

— Не плачь, Жежа, — сказал Заяц. — Если ты её выдумал без волков, значит, где-то, пусть далеко-далеко, за морями и реками, но она такая и есть, а значит, мы её найдём.

И Глюк сорвал одуванчик и медленно стал подниматься в небо.

И Ёжик с Медвежонком на своих одуванчиках стали подниматься — следом за ним.

Прямо над ними плыло лёгкое облако.

Заяц забрался на него первым, потом — Ёжик, за ним — Медвежонок.

— Урра! — закричали все и поплыли искать ТИЛИ-МИЛИТРЯМДИЮ, выдуманную страну.

Они летели над лугами, лесами и, обнявшись, пели песню, которую уже где-то слышали, но которую никогда ещё не пели сами:

Мимо белого яблока луны,
Мимо красного яблока заката
Облака из неведомой страны
К нам спешат и опять бегут куда-то.
Облака — белогривые лошадки,
Облака, что вы мчитесь без оглядки?
Не глядите вы, пожалуйста, свысока,
А по небу прокатите нас, облака.
Мы помчимся в заоблачную даль
Мимо гаснущих звёзд на небосклоне.
К нам неслышно опустится звезда
И ромашкой останется в ладони...

Поющий Поросёнок

Сказка в двенадцати главах с грустным началом и весёлым концом

Глава первая,
*в которой Заяц с Поросёнком едят землю, чтобы
дружить до гроба*

Ранним-ранним утром по лесу шёл Поросёнок и, всхли-
пывая, выкрикивая сквозь слёзы слова, пел:

Я — ПОРОСЁНОК!
Я — ПОРОСЁНОК!
ОТ БАБКИ ДАРЬИ Я УШЁЛ!
Я — ПОРОСЁНОК!
Я — ПОРОСЁНОК...

Он остановился и, глядя перед собой невидящими гла-
зами, громко сказал:

— Я её люблю, а она говорит: зарежу. Именины у меня...
Хрену, говорит, натру, противень вычищу, тебя, меня то
есть, зарежу, зажарю, гостей позову.

Поросёнок сел в траву, обхватил передними ножками
голову и разрыдался.

— А я ей говорю: как же вы, Дарья Ивановна, без меня
жить станете? А она говорит: поскучаю, конечно, — ты у

меня вместо радио был: вечно поёшь; а теперь зато тихо будет!

Поросёнок поднялся и, не замечая ничего кругом, пошёл дальше.

— А я ей говорю: это я для вас пел, чтобы вам не скучно было, а я и молча могу... А она говорит: а чем я гостей угощать буду, когда именины наступят? А я ей говорю: оладушками.

Тут Поросёнок снова остановился.

— А она говорит: кто же в день ангела оладушки ест? Представляете? — обратился Поросёнок к деревьям. — Нет, говорит, прощаться нам с тобой предстоит: дядь Васю позову, он тебя и чикнет.

Поросёнок, рыдая, повалился в траву:

— Представляете? Зарежет, то есть. Видел я этого дядь Васю: ножик у него — во!

Из-за куста выскочил Заяц.

Поросёнок, не шевелясь, ничком лежал в траве.

— Эй! — на цыпочках подкрался Заяц. — Ты кто такой?

— Индюк, — глухо сказал Поросёнок.

— Не-ет... Ты — Поросёнок, — неуверенно сказал Заяц, он никогда ещё не встречал в лесу поросят.

— А чего спрашиваешь?

— Как чего? Если который зверь с другим каким зверем в лесу встречается, должен знать: кто? куда? откуда?

— Кто? Куда? Откуда? — быстро спросил Поросёнок.

Заяц отпрыгнул, встал столбиком:

— Заяц. По делам. Из дома!

— Это кто же такой закон придумал?

— А все... придумали! Зато все всё знают. Вот бежит Волк, а я кричу: «Кто? Куда? Откуда?» А он: «Волк. К Зайцу. От Волчихи». И я уже знаю: за мной. Или, скажем, Лиса...

— А ты что, так догадаться не можешь? — спросил Поросёнок.

— Что?

— Что — за тобой?

— Могу, — сказал Заяц.

— А зачем спрашиваешь?

— Ну... — Заяц замялся. — А вдруг ошибся? Вот сегодня: сижу, бежит он вроде, мимо бежит, а я чу-увствую... Крикнул: «Кто? Куда? Откуда?», а он: «Сам видишь. К тебе. Из дому!» И — повернул. Я — дёрну. Он — за мной. Еле ушёл.

Заяц внимательно поглядел на Поросёнка.

— А ты чего плачешь?

— Сбежал я, — вздохнул Поросёнок.

— Ты?!

— Я.

«Интересно, от кого можно сбежать на таких ножках?» — подумал Заяц. Но всё же спросил:

— От кого?

— От Дарьи Ивановны.

— А-а-а.. Бабка Шмелёва... — разочарованно протянул Заяц. — Так у неё ж — ни ноги, ни дышалки. От неё сидя бежать можно.

— Как это?

— Ну, бежишь и одновременно как бы телевизор смотришь, чайком балуешься.

— А если прыгнуть надо?

— И прыгнешь.

— А телевизор?

— И телевизор — он же воображаемый!

— А чай? — всё больше радовался новому знакомству

Поросёнок.

— Что — чай?

— Чай. Он же расплещется!..

— Не-а. Маленькими глоточками пей — и всё!

— А у тебя было... — Поросёнок поглядел прямо Зайцу в глаза. — У тебя было вот чтобы ты убежал и тебе... жалко стало?

— Не-а. Я ж всё время бегу.

— Ну, чтобы ты вот убежал, а потом — тебе жалко?

— Не-е, — замотал головой Заяц. — Мне же сразу снова бежать надо. Ну, разве что от Филина?.. Я его дразнить люблю. Ух! Ух! — поухаю, он — за мной, я — от него, убежишь — и жалко!

— А я вот от Дарьи Ивановны ушёл, — сказал Поросёнок. — И жалею...

— А ты бы остался.

— Как же? — Поросёнок утёр слёзы. — Резать она меня собралась.

— Ох-хо-хо!.. — вздохнул Заяц.

— Не ешьте меня, говорю, Дарья Ивановна, вместе прожили сколько... А она: а чем я гостей угощать буду?

— Ну и бабка!..

— День ангела у неё. — Поросёнок снова расплакался. — Что ж мне теперь делать, Заинька? Я же в лесу жить неприспособленный!..

— Приспособишься, — сказал Заяц.

— Да, пока одичаю, меня сто раз Волк съест, змея задушит, охотник убьёт...

— Охотник не убьёт: охотничий сезон ещё не открылся, — резонно заметил Заяц. — Змея не задушит: нет такой змеи, чтоб Поросёнка душить. А от Волка ты на дерево вскарабкаешься.

— Я?

— А кто же? Вот слушай. — И Заяц сел рядом и зашептал Поросёнку в ухо:

— Дед у меня циркачом был, учил по деревьям лазать; лесенку сплёл, на дуб повесил, чтоб я от волков, от лисиц спасался. Залезу, бывало, лесенку за собой втяну и — сижу...

— А где лесенка? — спросил Поросёнок.

— Здесь, на поляне.

— Давай дружить! — сказал Поросёнок.

— Давай! — сказал Заяц.

— До гроба?

— Ага! — сказал Заяц

— Клянёмся?

— Как? — спросил Заяц.

— На! — И Поросёнок протянул Заяцу щепоть земли.

— Что это?

— Земля.

— Зачем?

— Говори: «Клянусь в дружбе до гроба!» — и ешь землю.

— Клянусь в дружбе до гроба! — торжественно сказал Заяц и протянул Поросёнку землю. — И ешь!

— Не я «и ешь», — сказал Поросёнок, — а ты «и ешь»!

— Сперва ты, — сказал Заяц. — Я потом съем.

— Клянусь в дружбе до гроба! — торжественно сказал Поросёнок и зачмокал.

— Ну как? — спросил Заяц.

— Сухенькая.

— Тебе хорошо: ты каждый день землю ешь, а мне трудно.

— Что ж здесь трудного?

— А с непривычки, — сказал Заяц. — Давай я лучше коры поем.

— Я бы с удовольствием, но — нельзя, — аппетитно чавкая и причмокивая, говорил Поросёнок, — порядок: когда в дружбе клянутся, землю едят.

— Клянусь в дружбе до гроба! — сморщившись, прошептал Заяц и стал медленно жевать землю. — Тьфу! Гадость какая!

— Жуй-жуй.

— А ещё ругал наш закон, — с набитым землёй ртом ворчал Заяц. — Там хоть есть ничего не надо.

Поросёнок чавкал, причмокивая.

— Сколько же ты мне земли дал? — спросил Заяц.

— Меру.

— Для всех, что ли, мера одна?

Зайцу казалось, что земля у него всюду — во рту, в носу, в ушах.

— Для всех.

— А если маленький?

— Зато дружба большая будет!

Заяц наконец проглотил землю и запрыгал по поляне.

— Как же тут не дружить? — кричал он. — Когда земли столько съели! Ну, берегись, Волк! Берегись, бабка Дарья Ивановна! Нас теперь не возьмёшь: мы землю ели!

А Поросёнок запел:

ЗАЯЦ С ПОРОСЁНКОМ,
ПОРОСЁНОК С ЗАЙЦЕМ
ВМЕСТЕ ЕЛИ ЗЕМЛЮ,
ПОТОМУ — ДРУЗЬЯ.
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ПЕСНИ,
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ДРУЖБЫ,

А УЖ ДРУГ БЕЗ ДРУЖКИ —
НАМ СОВСЕМ НЕЛЬЗЯ!

— Ну, ты даёшь!.. — восхищённо прошептал Заяц.

Глава вторая,
*в которой сперва появляется Волк,
а потом бабка Дарья Ивановна*

Поросёнок с Зайцем пели и плясали, а в это время к дому бабки Дарьи Ивановны Шмелёвой подбирался Волк.

Но только было он собрался лечь на брюхо и поползти к сарайчику, где, как он знал, жил Поросёнок, как...

— Кар-р-р! — гадко закричала Ворона. — Кто? Куда? Откуда?

Волк дёрнулся, встал по стойке смирно, доложил:

— Волк. Из лесу. За Поросёнком.

— Так бы и говор-р-рил! — захлопала крыльями Ворона и улетела.

— Тьфу! — сплюнул Волк. Лёг на брюхо, пополз.

Вот он подполз к сарайчику, прислушался.

Было тихо.

— Напугала старая! — бормотал Волк. — Всё ей надо знать — кто, куда, откуда? Разве не видишь — к деревне вышел, значит, оголодал, значит, за Поросёночком розовеньким соскучился.

Волк понюхал воздух:

— Пахнет!

Толкнул дверь сараяшки:

— Заперта! Поросёнок, а, Поросёнок! Это я, Волк, слышишь? Давай поразговариваем!

Волк устроился поудобнее:

— Ты книги читал? Не читал. А я начитанный. Ты мне кто? Ты мне — друг всегдатощий. Счас подкопчик подкопаем под стеночкой...

И Волк стал скрести лапами:

— Тебя, кругленького, вытащим. А? Ты чего молчишь?

Было тихо.

— Сил моих нет, — сказал Волк и сел. — Ффу-у! Отдохну!

Поросёнок молчал.

— Вот молчит, всё молчит, молчальник какой! Я тебе так скажу: нельзя всё в себе таить — лопнешь! Надо поделиться. Вот мысль какая придёт, ты и выскажи. Слышишь, что ль? — Волк поскрёб дверь когтем. — Для чего жизнь тебе, Поросёнку, дана? Или мне? Или хозяйке твоей, Дарье Ивановне? А чтоб побеседовать, мыслями промеж собой поделиться! Вот я, к примеру, кто?

Волк прислушался.

— Вот я, к примеру, кто? — повторил Волк. — Я — Волк! А ты кто? Ты — Поросёнок. То-то и оно, а она — бабушка. Вот мы все вместе живём, а не разговариваем. Да ты не молчи! Вот я сегодня иду по тропочке, мысли свои волчьими продумываю, а тут — «кто, куда, откуда?» — пропускной пункт, а не лес, к слову сказать, — Заяц! Я — за ним, он — от меня, а разве это хорошо — до завтрака бегать? Ну, ты что там, умер?

Волк взобрался на крышу сарая.

— Ты что там, умер? — повторил Волк и стал дёргать щепу, бросать на землю. — Ты молчишь, и мы молчком; щепочка за щепочкой — будет дырочка; где лапа пройдёт — нос воткнём, где нос войдёт — голова вставится. Эй! — Волк

засунул голову в образовавшуюся дыру. — Эй! Ты где? От страха небось в солому залез? А мы сейчас голову-то вытаскиваем и вниз хвостом начинаем погружение.

Волк опустил в дыру хвост:

— Эй! Слышишь, что ль? Хвост пошёл, теперь — ла-апы... — Волк задрогал задними лапами, завертел хвостом.

— Поросёнок! Хватайся за хвост, слышишь?

И, плавно поводя хвостом, запел:

**ЛОВИСЬ РЫБКА, БОЛЬШАЯ И МАЛЕНЬКАЯ!
ЛОВИСЬ РЫБКА, БОЛЬШАЯ И МАЛЕНЬКАЯ!**

— Ага! Не хочешь. Не хочешь — не надо. Я про себя так скажу: не было ещё Поросёнка, который бы обдурил Волка.

И, спрыгнув на землю, запел:

ЖЁЛУДЬ, ЖЁЛУДЬ, ЖЕЛУДЁК...

Стал что-то искать в траве.

— Ага! Нашёл! Из проволоочки сделаем крючочек, крючочек привяжем к хвостику... Та-ак! На крючок — жёлудь! А теперь — будем ловить!

И Волк снова влез на крышу, опустил в дыру хвост с крючком и, подпрыгивая, запел:

**ЭЙ! ЭЙ! НЕ РОБЕЙ!
НАМ НЕ ЖАЛЬ ДЛЯ ПОРОСЁНКА
ЖЕЛТОКОЖИХ ЖЕЛУДЕЙ!**

— Прячемся! — крикнул Поросёнок.

И они спрятались за дерево, а на поляну выскочил Волк.

— Ну, дела! — замотал башкой Волк. — Бабка Шмелёва решила: я у неё Поросёнка унёс...

И — пропал.

А на поляну с веником в руке выбежала Дарья Ивановна.

— Держи! Держи его! — кричала бабка, размахивая веником. И скрылась за деревьями.

— Куда это они побежали? — спросил Поросёнок.

— Видать, подружились, как мы с тобой, — сказал Заяц. — Вместе землю ели.

«Держи! Держи его!» — затухая, неслось по лесу.

— Интересно, что бы это он мог у неё украсть? — задумчиво спросил Поросёнок.

«Держи! Держи его!..»

— Теперь она ему задаст: её все волки боятся! — сказал Заяц.

На поляну, тяжело дыша, вернулась бабка Шмелёва, запричитала, опускаясь в траву:

— Соколик ты мой ненаглядный! Поросёночек ты мой кругленький! Уж как я тебя кормила-поила-холила... Что цветок маковый, поливала водичкой серебряной!..

— Врёт! Кормила очистками, — сказал Поросёнок.

— Уж глазки мои все проглядела, уж ноженьки мои оттоптала, как ходила за тобой, лелеяла!..

— Всё врёт! Никуда не ходила, глаза телевизором испортила, — сказал Поросёнок.

— Уж что я без тебя буду делать, жить как стану, одинёшенька?.. — ныла бабка.

— Жарить вечером собралась, за дядь Васей пошла, — хмуро сказал Поросёнок.

— У, проклятуший! — Дарья Ивановна вскочила и погрозила кому-то веником. — Из-под земли достану! Я тебя научу средь бела дня воровством заниматься!

— Воровством заниматься, — повторил Заяц. — Что ты у неё украл?

— Ничего не украл, — сказал Поросёнок.

— Вор окаянный! Пропasti на тебя нет! — вопила бабка.

— Слышишь? — сказал Заяц. — Другу-то своему скажи...

— Что? Что говорить-то? — вскинулся Поросёнок.

Они сидели за толстым деревом и глядели на бабку.

— А что же она ругается? — спросил Заяц.

— Это она на Волка.

— Чего же ей Волка ругать? Волк во-он где, а мы — рядышком.

— Она же не знает, — сказал Поросёнок, — что мы — рядом.

— А-а-а... — закивал Заяц.

А бабка не унималась.

— Бандит! — кричала она. — В дом вошёл и пакостничать? Ну, я до тебя доберусь! Ну, только встренься!

Заяц искоса поглядел на Поросёнка.

— Чего глядишь? — спросил Поросёнок.

— Теперь ясно: это она про тебя, — вдруг сказал Заяц.

— Как же я теперь? — расплакалась бабка. — Что же я?..

— А говорил: «До гроба!..» — Заяц поднялся.

— Ты что, спятил? — снизу поглядел на него Поросёнок. — Про Волка она! Слышал, что он сказал?

— Волк всегда врёт.

— А тут сказал правду.

— Не может Волк правду сказать! — отрезал Заяц.

Бабка на секунду замерла, прислушалась; но было тихо.

«Примерещилось», — подумала бабка и заголосила:

— Где я ещё найду такого Поросёночка? И хрену-то приготовила, и противень вымыла-выскоблила, и гостей назвала!..

— Всё, как ты говорил, — сказал Заяц и сел. — Видать, ничего ты у неё не брал...

— Ну я тебя найду! — вскрикнула бабка. — Ну, я тебе задам! Будешь знать, как одиноких старух обкрадывать!

Заяц снова поглядел на Поросёнка.

— Ну, что ты на меня уставился?

— Так она говорит: «обкрадывать», — смутился Заяц.

— Ты думаешь, я вор, да? Вор? Думаешь, взял у неё чего, — Поросёнок кивнул на бабку — и в лес удрал?

— Ах ты поганец! — выла бабка. — Да можно ли так-то, у своего же — чай, рядом жили?..

— Рядом жили... — повторил Заяц.

И вдруг решительно встал:

— Если который друг, — сказал он, — с другим своим другом дружит, всю-всю правду говорить должен.

— Я и говорю: не брал я ничего! — крикнул Поросёнок. — От смерти спасся!

Бабка вздрогнула от поросёньего крика и завертела головой, оглядываясь.

Но было тихо, только большие солнечные зайцы скакали по поляне.

— И кто бы мог знать? — понемногу входя в голос, заголосила старуха. — Среди бела дня, посреди людей?..

— Слышишь? — прошептал Заяц.

— Если который друг, — передразнивая Зайца, сказал Поросёнок, — другому своему другу не верит — не друг он ему!

Повернулся и пошёл в глубь леса.

— А ещё землю ели! — шёпотом вслед крикнул Заяц и поскакал в другую сторону.

Глава четвёртая

*из которой мы узнаем, что вместе с надеждой
нельзя съесть даже Поросёнка*

Поросёнок шёл по лесу, низко опустив голову. Он не глядел по сторонам. Ему было горько: лучший друг ему не поверил...

Где-то за кустами, за деревьями, вскрикивая, причитала Шмелёва, а Поросёнок шёл и шёл и вдруг — наткнулся на лесенку. Она свисала с большого дуба посреди поляны.

«Та самая», — подумал о лесенке Поросёнок, потрогал её ножкой, пошёл дальше.

И тут из-за куста выскочил Волк.

— Ой! — вскрикнул Поросёнок и кинулся обратно к поляне.

«Ха-а!.. Ха-а!..» — горячо дышал за спиной Волк и почти уже догнал Поросёнка, но в последний момент тот вскарабкался на дерево и втянул за собой лесенку.

— Во! — сказал Волк. — Никогда не видел, чтобы свиньи по деревьям лазали!

— А много ты видел, чтоб поросята по лесу бегали? — спросил с веточки Поросёнок.

— Это смотря какие поросята. — Волк сел. — Диких — видел, домашних — нет. У тебя клыки есть?

— Чего?

— Ну, зубы такие. — И Волк показал клыки.

— Нет, — ощупывая пяточок, сказал Поросёнок. — Таких нет...

— Значит, ты не тот.

— Не который?

— Не тот. У тебя клыков нет.

— Ну и что?

— Вот если б клыки!.. — сказал Волк. — Мы бы с тобой дружили. Ох! — и упал навзничь.

— Что с тобой?

— Эта... Миакарда.

— Что?

— Сердце лопнуло.

— Что ж теперь делать? — испугался Поросёнок.

— Капель бы... — застонал Волк.

— Каких?

— Да хоть ландышевых. Видишь, вся поляна в них. Спустись, будь другом, ведь мы же теперь друзья!

— Когда? — удивился Поросёнок.

— Счас. С текущего момента. Ой! — вскрикнул Волк. — Помираю.

Поросёнок сидел на дереве и не знал, что ему делать.

— Я спущусь, а ты меня съешь, — сказал он.

— Не успею — умру. — И Волк застонал ещё жалобнее.

— А если б успел — съел?

Волк ничего не ответил. Распластавшись, он лежал под деревом.

— И лежи себе, — сказал Поросёнок. — Где это видано, чтобы Поросёнок Волку первую медицинскую помощь оказывал?

— Это будет в обществе будущего, — пробормотал Волк. Он лежал с закрытыми глазами и почти не дышал.

— А ты молчи: раз умер — не разговаривай.

— Я ещё не до конца умер. Я жду, когда ты меня спасать начнёшь, — сказал Волк.

— Это ещё зачем? — удивился Поросёнок. — Я тебя спасу, а ты меня съешь.

— Вот стоит рядом, — глухо сказал Волк, — глядит и гладит по голове.

— Кто?

— Смертушка! — торжественно сказал Волк.

— Щекотно?

— Что?

— Гладит. Если б меня кто погладил, мне бы обязательно щекотно стало. Я бы... — И Поросёнок захихикал.

— Кха-кха! — кашлянул Волк. — Ладно. Прощай, Поросёнок! Помираю.

— Нет!

— Что — нет?

— Не умирай!

— Тебе меня жалко, да? — Волк приподнялся.

— Жалко, — сказал Поросёнок.

— Почему?

— С тобой интересно. Другой бы сказал: спускайся, дай капель, я тебя не съем, а сам бы съел. Скучно! А ты говоришь: может, съем, а может, нет. Так веселее!

— Что ж тут весёлого? Ам, и всё!

— Тебе этого не понять. — И Поросёнок уселся на веточке поудобнее. — Тут есть надежда, а там — обман.

— А если надежда обманет? Ты надеялся, а я тебя съел?

— Нет, Волк, ты бы съел меня, а надежду ты съесть не можешь.

— Несъедобная, значит? Но я же тебя съем вместе с надеждой!

— А вот и нет! — Поросёнок поднял ножку и медленно сказал: — Вместе с надеждой никого съесть нельзя, даже Поросёнка.

— Если б ты знал, — помолчав, сказал Волк, — как с тобой интересно разговаривать! Вот так поговоришь, и кажется, есть не хочется. — Волк приподнялся. — Спускайся, а? Сядем на этом, можно сказать, живом ковре, пообедаем...

— Нет. Меня не обманешь, — сказал Поросёнок.

— Почему? Ох! — Волк прижал когтистую лапу к сердцу, покачнулся и завалился на бок. Теперь он был совсем как мёртвый, и даже язык высунулся между клыков.

— Не шевелится, — прошептал Поросёнок. — Видно, умер: лопнуло волчье сердце. Спуститься или нет? Спущусь. Или — подождать? А вдруг он не обманывает и ему по-настоящему плохо? Ну, была не была!

И Поросёнок сбросил лесенку и осторожно, спиной к Волку, начал спускаться.

— Там сучок... Пониже, пониже бери... — шептал Волк. — Вот так.

— Разговаривает кто или листья шумят? — Поросёнок остановился.

— Никто не разговаривает. Все молчат, — одними губами выдохнул Волк, да так тихо, что и вправду могло показаться, что шелестит листва.

— А то я слышу, будто говорит кто-то...

— Нет-нет, тихо.

— Листья шумят, — решил Поросёнок, сошёл с лесенки, обернулся и...

Глава пятая,
в которой у Зайца теперь вся надежда на Волка

— ХА-ХА-ХА! — страшной серой скалой навис над Поросёнком Волк.

— Ха-ха-ха... — только и смог еле слышно выдохнуть Поросёнок.

Но тут на поляну вылетела бабка Шмелёва с веником над головой.

— ХА-ХА-ХА! — передразнивая Волка, захохотала Дарья Ивановна. — Я тебе счас покажу, как нажитое грабить!

И она схватила Волка за хвост и принялась лупить его веником.

— Ап-чхи! Хищник! Пыльный какой! — расчихалась Дарья Ивановна.

Если б не пыль, не сносить бы Волченьке головы, но тут он рванулся, прыгнул и был таков.

Следом за куст прыгнул Поросёнок, но бабка, изловчившись, схватила его:

— Постой, голубчик, погоди! Куда же ты, миленький?

— И-и-и!.. — тоненько завизжал Поросёнок.

— Стой! Не кричи! Сказала найду, и нашла! — и бабка Шмелёва засунула Поросёнка в мешок. — Не может быть, чтоб какой-то Волк у меня, у Дарьи Ивановны, Поросёнка украл.

И тут из-за куста выглянул Заяц.

— Глупый я, глупый, вот глупый-то! — бормотал он. — Не обманывал меня мой лучший друг! Клянусь дедом-циркачом — не обманывал!

И Заяц помчался за бабкой Дарьей Ивановной:

— Бабка Шмелёва! Бабка Дарья Ивановна! Отдай Поросёнка — он друг мне!

Бабка остановилась:

— Их ты! Заяц с ума сошёл: Поросёнка ему отдай!

Подкинула на плече мешок, пошла, бормоча:

— Поросёнка ему отдай! С ума сошёл!

А Заяц запрыгал по поляне, бубня:

— С ума сошёл! С ума сошёл! Что ж делать-то, а? С ума сошёл!.. К кому идти? К Волку? — Заяц испугался, огляделся по сторонам. — С ума сошёл! К Волку?.. — Заяц остановился. — С ума сошёл...

И вдруг радостно закричал:

— Ха-ха! С ума сошёл! Вся надежда теперь на Волка!

И убежал.

Сияло солнце, пели птицы, журчал ручей.

Через некоторое время на поляне снова появился Заяц. За спиной у него был туго набитый рюкзак. Заяц шёл, разматывая с катушки телефонный кабель, и пел:

ЗАЯЦ С ПОРОСЁНКОМ,
ПОРОСЁНОК С ЗАЙЦЕМ
ВМЕСТЕ ЕЛИ ЗЕМЛЮ,
ПОТОМУ — ДРУЗЬЯ...

И вдруг:

— Кар-р-р! Кто? Куда? Откуда?

Заяц встал по стойке смирно, доложил:

— Заяц! В лес! С телефонной станции!

— Так бы и говор-р-рил! — хлопая крыльями, прохрипела Ворона.

А Заяц, толкая перед собой катушку, скрылся в лесу.

Но скоро снова появился уже без катушки, без рюкзака. Теперь он внимательно оглядывал деревья, кусты, кого-то искал.

— Волк! Волк! — позвал Заяц.

«Далеко, видать, убежал, не слышит», — подумал козой телефонист и снова закричал:

— Волк! Волк! Оглох, что ли? Во-о-олк!..

И тут, разинув жаркую пасть, из кустов выскочил Волк. Заяц, как стоял, так исчез.

Глава шестая, *в которой по Зайцу пошла горечь*

— Ну и денёк! — прохрипел Волк. — То свиньи по деревьям лазают, то зайцы сами Волка зовут. Ты где?

— Здесь, — глухо, из-под земли, донёлся голос Зайца.

— Где?

— Тут я, тут.

Волк обхлопал вокруг себя лапами:

— Тут?

— Угу.

— Тут?

— Ага.

— Да где же ты?

— Здесь я! — За спиной Волка появилась голова Зайца.

— Где? — Волк обернулся.

Голова исчезла и снова появилась за спиной Волка:

— Здесь!

— Стой! Не шевелись! — Волк, не оборачиваясь, стал нашаривать позади себя лапой.

— Хи-хи-хи! — рассмеялся Заяц.

— Ты чего?

— Щекотно!

Волк резко обернулся — Заячья голова исчезла.

— Так тебя же нет!

— Всё равно щекотно, — сказали из-под земли.

— Так. Говори, где ты? — строго велел Волк.

— А ты никому не скажешь?

— А что?

— Это — тайна, — шёпотом сказал Заяц.

— Не скажу.

— Побожись.

Волк чиркнул когтем по горлу:

— Ну, чтоб я!..

— Ш-ш-ш! — зашептал Заяц.

— Что?

— Наклонись пониже.

Волк припал ухом к земле.

— Я — под землёй, — сказал Заяц.

— Где-е?

— Под землёй, — сказал Заяц.

— А что ты там делаешь?

— Разговариваю.

— С кем?

— Сейчас — с тобой.

— А вообще?

— Вообще, кроме тебя, я здесь ещё ни с кем не говорил.
Я тут недавно. А ты?

— Что?

— Ты что сейчас делаешь?

— Я? Я... сижу, разговариваю...

— С кем?

— С кем? — сам у себя спросил Волк. И, опомнившись: — Ты что, псих? С тобой! А разве ты не со мной говоришь?

Волк стал озираться по сторонам.

— Как тебе сказать...

— Так и скажи.

— Нет, — сказал Заяц.

— А больше здесь никого нет!

— Так кажется.

— А кто же? — И Волк запрыгал по поляне, заглядывая за кусты и деревья.

— Я, — помолчав, сказал Заяц.

— Ффу!.. Заболел! — огорчился Волк.

Сел и задумался.

— Так. Есть его сегодня нельзя...

— Да почему же? — удивились под землёй

— Как — почему?! — рассердился Волк. — Ты же разный!

— Будет тебе, — рассмеялся Заяц. — Я и так вкусный. Ты любишь горчицу?

— А что?

— По мне теперь, чувствую, горечь пошла. От ушей и вот сюда, к ногам.

— Кого же теперь есть будем, а? — задумчиво спросил Волк.

Заяц, не торопясь, вылез из-под земли, сел рядом.

— Поросёнка! — сказал он.

— Поросёнка?

— Вообще-то я свинины не ем... — Заяц сморщился.

Волк пощупал ему лапой голову:

— Тут не болит?

— Нет.

— А тут?

Заяц помотал головой.

— Ну что ты будешь делать? — вслух соображал Волк. — Поросёнка отняли, этот — с горечью, а я — не евши!

И он повернулся к Заяцу:

— А может, ты это... ничего? Поверти ушами!

— Вот! — Заяц повертел.

— В общем... ты ничего, да?

— Да где ты лучше меня найдёшь? Раз! Рраз!

И Заяц стал делать зарядку.

— С чего ж ты обезумел-то? — спросил Волк.

— Раз-два! — Заяц, приседая, выкидывал лапы. — Я? Раз-два! От скорости!

— От чего-о?

— От скорости! Раз! Рраз! — И Заяц стал выбрасывать задние лапы прямо к Волчьей морде. — На больших! Скоростях! Живём!

Волк отскочил:

— И не боишься?

— Кого?

— Меня! — взвыл Волк. — Волка!!!

Заяц лёг на спину и тихонечко рассмеялся.

— Пси-и-х-х!.. — пробормотал Волк и отошёл в сторону.

Глава седьмая,
в которой Волк глядится в косые Заячьи глаза

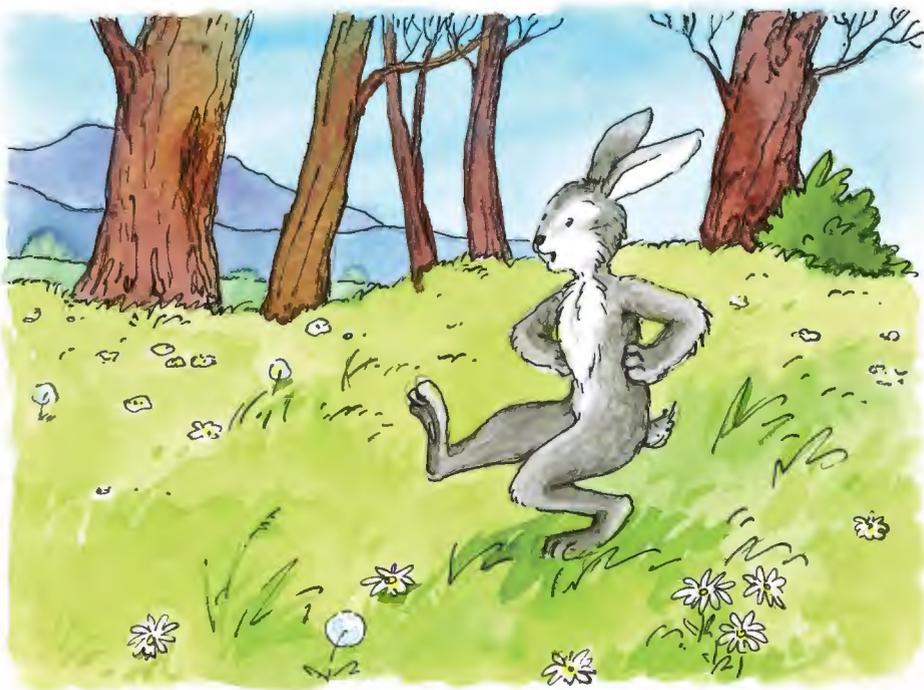
Волк отошёл в сторону, сел, пригорюнившись.

Заяц лежал, закинув передние лапы за голову. Солнце то выходило, то пряталось за облаками.

— По телефону звонить умеешь? — лениво спросил Заяц.

— А кому звонить-то?

— Это мы найдём. Погоди-ка! — И Заяц нырнул под землю, вылез, протянул Волку крылья.

— Что это?

— От дедушкиного цирка осталось, — сказал Заяц. — Летал он. «Под куполом — Заяц!» называлось.

Заяц снова нырнул, подал Волку чепчик:

— Это от бабушки!

И снова исчез.

Волк стал рассматривать чепчик, крылья.

— Хорошие вещи, — сказал Волк.

Заяц появился в прозрачном дождевике с капюшоном. В этом одеянии он был похож на космонавта. Точно такой же костюм протянул Волку.

— Зачем это? — спросил Волк, натягивая плащ.

— А ты зачем на крылья-то напялил? Порвёшь. Крылья сверху надо. — И Заяц снова исчез.

— Зачем это? — охорашиваясь, повторил Волк.

— Сперва напялил, а потом — зачем? — Заяц уже стоял рядом, с телефоном на длинном шнуре в лапе.

— Я люблю вещи, — продолжая охорашиваться, говорил Волк. — Ведь всегда можно снять. Жаль, зеркала нет. Дай-ка я в твои глаза погляжусь. — И он стал вертеть перед собой Заяца. — Ну и глаза у тебя...

— Что?

— Косые.

— Какие есть, — сказал Заяц.

— Хорош! — любуясь собой, сказал Волк и поправил под капюшоном чепчик.

— Вот, набирай! — Заяц поставил перед Волком телефон.

— А куда звонить-то?

— 6-16-46! — продиктовал Заяц.

Волк стал крутить диск.

— Так, так, так... И?

— Спроси Дарью Ивановну.

— Шмелёву? — Волк бросил трубку.

— Да чего ты испугался-то?

— Не пойдёт! — сказал Волк и стал снимать крылья.

— Как хочешь! А то бы Поросёнком поужинали. Хороший Поросёнок, упитанный — я с ним сегодня разговаривал, — сказал Заяц.

— Умный, главное, — я с ним тоже говорил, — кивнул Волк.

— Так не будешь звонить? — вскользь, забирая телефон, спросил Заяц.

— А что я скажу-то?

— Скажешь... — И Заяц что-то зашептал Волку в ухо.

— Ну, ты псих!.. Да она же...

И Волк стал что-то жарко шептать в ухо Зайцу.

— А это? — взмахнул Заяц крыльями.

— А это? — показал Волк свой хвост.

— А ты... — И Заяц опять зашептал в Волчье ухо. — Да не бойся ты! Я рядом буду.

— Эх, была не была! — И Волк взял трубку. — Давай! Заяц набрал номер.

— Ффу!.. — с облегчением вздохнул Волк. — Не подходят...

— Ничего, — сказал Заяц. — Набирай! Дозвонимся!

Глава восьмая,
из которой мы узнаём, что дядь Васю есть нельзя

А в это время в доме у бабки Дарьи Ивановны, потрескивая, топилась печь. Поросёнок в мешке сидел на лавке, а сама бабка Шмелёва возилась у печи.

Большой чёрный телефон висел прямо на боку русской печки.

Бабка Шмелёва дочищала противень и тихонько пела:

КАК ПО ТРАВУШКЕ ЗЕЛЁНОЙ
ПАРЕНЬ, В ДЕВУШКУ ВЛЮБЛЁННЫЙ,
НОЖКАМИ ШЁЛ, НОЖКАМИ ШЁЛ...
КАК ВО ОЗЕРО ВО СИНЕ
НЕВОД ШЁЛКОВЫЙ ЗАКИНУЛ
БЕЛОЙ РУКОЙ, БЕЛОЙ РУКОЙ...

— Что это за песня, бабушка? — спросил Поросёнок.

— Отстань — не мешай!

КИНУЛ ПАРЕНЬ АЛЫЙ НЕВОД,
ТЯНЕТ, ВИДИТ — СИНЕ НЕБО
ВЫТЯНУЛОСЬ, ВЫТЯНУЛОСЬ... —

пела бабка. —

ЧТО Ж ТЫ, НЕБО, В НЕВОД ЛЕЗЕШЬ?
ЧТО Ж ТЫ, СИНЕ, ДАРОМ ЕДЕШЬ,
ОЙ, ПО ТРАВЕ, ОЙ, ПО ТРАВЕ?..

— Ну вот, противень дочистила. Во как сверкает! Скоро Клавдя придёт, дядь Васю приведёт, он тебя и...

— Не надо, бабушка! — крикнул Поросёнок.

— А как же? День ангела у меня. Кого есть будем?

— Дядь Васю.

— Кто ж дядь Васю ест? — рассмеялась бабка. — Он — жилистый.

— Тогда — Клавдю.

— Клавдя — дочь моя единственная, ей замуж идти, деток рожать. Её нельзя...

— Тогда... Тогда... — Поросёнок высвободил голову из мешка. — Никого есть не надо, если некого.

— А ты? Кругленький, розовый — для того и кормила! Вот только хренок дотру...

И Дарья Ивановна принялась тереть хрен.

— Я — маленький! — сказал Поросёнок.

— И то верно. К осени какой бы хряк вымахал...

И бабушка запела:

«МНЕ НУЖНА ЗЛАТАЯ РЫБКА», —
ПАРЕНЬ ГОВОРИТ С УЛЫБКОЙ

НЕВОДУ-ТО, НЕВОДУ-ТО...

НУ, А НЕВОД ОТВЕЧАЕТ...

— Не режь меня, бабушка! — крикнул Поросёнок.

Бабка Шмелёва только махнула на него рукой:

ДЕВИЦА ДУШИ НЕ ЧАЕТ,

ПАРЕНЬ, В ТЕБЕ, ПАРЕНЬ, В ТЕБЕ...

Ну вот, хрен дотёрла... Пойду дров принесу.

И бабка вышла, хлопнув дверью, и тут же зазвонил телефон и смолк.

— Телефон звонил, — сказал Поросёнок, когда бабка вернулась.

— Что ж не послушал?

— А кто мне позвонит? — хмуро сказал Поросёнок.

— Послушал бы. — Дарья Ивановна свалила дрова у печки. — Чай, не первый день живёшь. Небось, Клавдя с телефонной станции. Телефонисткой она у меня! Замуж за милиционера пойдёт.

— Знаю, — сказал Поросёнок.

— Вот и послушал бы. Ах, старая я, старая! — Бабка хлопнула себя ладонью по лбу. — Ум отшибло! Видать, задерживается она, Клавдя-то. Сама за дядь Васей сбегаю, — и кинулась к двери.

— Не надо, бабушка! — закричал Поросёнок.

— Ага. Развязался. — Бабка вернулась, запихала Поросёнка в мешок, ушла.

И тут снова зазвонил телефон.

— Заяц! Друг мой единственный! Выручай! — заплакал Поросёнок. — Не слышит... Сейчас бабка с дядь Васей придут, и всё...

Глава девятая,
в конце которой выясняется,
что и у ангелов есть заместители

И тут затопали по крыльцу, распахнулась дверь, и бабка Шмелёва ввела жилистого мужика с ножом за поясом.

— Чикни его, Васюшка, — ласково сказала бабка, — да так, чтоб не шибко больно было — всё ж поросёночек!

— Божья тварь. — прогудел дядь Вася.

— Не надо, бабушка!

— Ну-ну, нешто не знаем. Кому помирать хотца? — оглаживая мешок, басил дядь Вася.

Бабка подмигнула Васюшке: мол, бери мешок.

Васюшка взялся.

— И-и-и!.. И-и-и... — завизжал Поросёнок.

И тут снова зазвонил телефон.

— Погодь, Васюшка! Да смолкни ты! — крикнула бабка на Поросёнка. Сняла трубку, медовым голосом: — Аюшки!

И сразу услышала тёплый такой голос Волка:

— Дарья Ивановна? Бабушка? С праздником вас!

— Спасибочки!

— Желаю вам добра многого, счастья — светлого, главное же — здоровьица!

— Спасибочки! — пела бабка. — А кто...

— Готовитесь ли праздничку-то воздать? — перебил её Волк. — Печёте? Парите?

— Печём. Парим. А кто...

— А чего печёте, кого парите?

Бабка закрыла трубку рукой:

— Кто звонит-то, никак не пойму. Неужто Колька-племяшек, с Тулы приехавши?

А в трубку ласково:

— Печём печёное, парим пареное... Да кто...

— Поросёночка-то не зарезали?

— Нет ещё, собираемся. Да кто говорит-то?..

— А что поёт-то он у вас, правда ли?

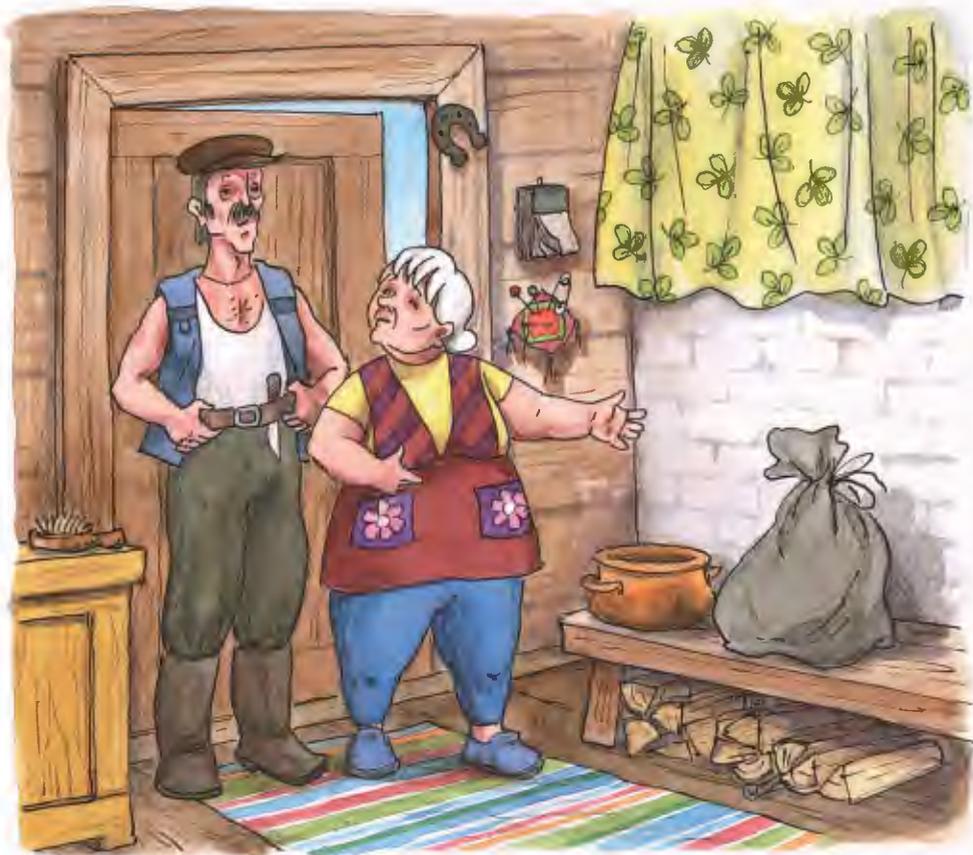
— И-и-и!.. — завизжал Поросёнок.

— И счас кричит. Да...

Бабка махнула дядь Васе: мол, брось ты его, иди сюда.

— Мы вот тут пролетали давеча, — гудела трубка.

— Да говорит-то кто?

— С помощничком... Он мне и сказал: необыкновенный, говорит, Поросёночек проживает в этой местности у Дарьи Ивановны...

— Кто со мной разговаривает?!

— Залетим, говорит, проведем. Твой день как раз у неё, — вот обрадуется!

— Отвечай! — крикнула бабка,

— Ангел твой, Дарьюшка, — ласково сказал Волк.

— Господи-святые! Ангел звонит! — Бабка выронила трубку, сползла на пол.

— Техника!.. — изумлённо прошептал дядь Вася.

— Алё! Алё! Дарьюшка! — гудела трубка. — Поросёночка не зарезывайте! Мы сейчас... с помощничком... — Трубка тоненько запищала гудками отбоя.

И бабка Шмелёва — на полу, и Поросёнок, высвободившийся из мешка, — на лавке — все глядели теперь на дядь Васю.

Дядь Вася с трубкой в руках стоял посреди избы, глубоко задумавшись.

— Вишь, — наконец вымолвил дядь Вася, — и у них тоже — заместители...

Глава десятая, *необыкновенная!*

Дом бабки Шмелёвой сиял чистотой.

Поросёнок, как генерал, с голубой лентой через плечо, в шапке с пёрышком, сидел на лавке.

Бабка в праздничном платье носилась по дому, переставляя стулья, табуретки, оглаживая салфеточки.

Дядь Вася у порога начищал сапоги.

— Эх, — плюнул на щётку, — гуталину бы!

— Где ж его взять, раз нету! — Бабка подскочила к Поросёнку, сунула ему кружку. — На-ка вот, попей молочка — горлышко прочистится!

— Не прочистится. Сорвал я голос, — хмуро сказал Поросёнок.

— Всё ты так: как вопить — ты здесь, а как спеть — нет тебя.

— Чай, не кому-нибудь — ангелу петь будешь, — встрял дядь Вася.

— Вас бы несли резать, а потом — пой!

— Смотри бы когда, а то б и запел. Вот, помню, на фронте, — дядь Вася распрямился, — пурга, пули свистят, а мы — поём.

— Так то же на фронте, а вы меня в мирное время чуть не зарезали.

— Ты подумай головой-то. — Бабка встала перед Поросёнком. — Разве ты солдат? Ты — поросёнок.

— Раз так — сами пойте.

— Да ты уразумей: ангел, он раз в сто лет является!

— Иль в триста, — сказал дядь Вася.

— Да что же грязь-то у нас такая! И потолок закопчённый... — заохала бабушка.

— Не расстраивайся, Ивановна. Он всякое видел. Что ему твой потолок?

— А он — птица? — спросил Поросёнок.

— Небесная, — благоговейно сказала бабка.

— Он всякое обличье принять может. — Дядь Вася до-
чистил сапоги, убрал щётку. — Вот бабке моей, когда она
ещё маленькой была, бабка сказывала: иду это, говорит, я
по полю... вдруг — свет необыкновенный!..

И тут — распахнулась дверь, и в избу влетели запыхав-
шиеся Волк с Зайцем. На обоих — как скафандры инопланетян, прозрачные плащи с капюшонами, за спиной —
крылья; у Волка — под капюшоном на голове чепчик.

— Успели, — тихо сказал Волку Заяц.

— Угу, — гукнул Волк.

— Здравствуйте! Мир дому! — сказали они вместе.

Поросёнок на лавке вытаращился.

— Господи! — еле выдохнула бабка.

— Ты? — одними губами спросил Поросёнок.

— Тсс! — шепнул Заяц.

А дядь Вася — бочком-бочком, к печке и — за кочергу.

— Кха-кха, — кашлянул Волк.

— Вот. — Заяц встал на одно колено, подал кружевной
платок. — Ваш платочек.

Волк потряс платком перед мордой, отдал Зайцу.

Заяц почтительно принял, засунул за пояс; затем
опустившись на оба колена, поставил перед Волком та-
буретку.

Волк грациозно сел, закинул лапу за лапу.

И тут... из-под плаща — вывалился хвост.

Волк заёрзал, пытаясь засунуть его обратно...

Но Заяц медленно встал, плавно обошёл Волка, опу-
стился на одно колено, достал расчёску...

Бабка разинула рот.

А Заяц стал почтительно расчёсывать Волчий хвост.

Звеня, выпала из рук дядь Васи кочерга.

— Извиняемся. — Дядь Вася поставил кочергу в угол.

Бабка сползла с табуретки, пала ниц:

— Прости меня, грешную, что подумала-то!.. Как же ты, батюшка, Волком-то стал?

— Известное дело. — Заяц неторопливо чесал Волчий хвост. — С небес — прямо в лес, а в лесу, сами знаете, быстро съедят. Пришлось им Волком сделаться.

— А... — И бабка поглядела на Зайца.

— А меня — в Зайцы. Чтоб вера была. Разве Волк с Зайцем вместе ходют?

— Ффу-у!.. — выдохнул дядь Вася.

— Что ж ты, Дарьюшка, ангела свово так встречаешь? — ласково спросил Волк.

— Прости, грешную! — Бабка стукнула лбом об пол, вскочила, побежала по дому, собирая на стол. — Вот он мой песенный! — погладила Поросёнка. — А голос-то у него, голос! Все уши прожужжал!..

— Помню, вышли мы тоже из лесу, — конфузясь за кочергу, сказал дядь Вася. — Свои, говорим, свои! А хозяйка с детьми — за печку, и молчит...

Волк из-под чепчика строго поглядел на Поросёнка.

— Пой! — сказал он.

— А что... петь-то?

— Да пой же ты! — знаками стал показывать Заяц.

— Что хошь, — сказал Волк.

— Пой, когда тебе говорят! — вскрикнула бабка.

— Утрешнюю, — шепнул Заяц.

Я — ПОРОСЁНОК!

Я — ПОРОСЁНОК!

ОТ БАБКИ ДАРЬИ Я СБЕЖАЛ!.. —

спел Поросёнок.

— А почему ты от Дарьи Ивановны, бабушки своей, сбёг? — строго спросил Волк.

— Ангел! — всхлипнула бабка.

— Отвечай, раз спрашивают.

— Не буду.

— Кто ж ангелу-то небесному грубит? — встрял дядь Вася.

— И вот из-за этого... — показал Поросёнок на Волка, — вы меня чуть не съели? Это же Волк, а это — Заяц, я с ним утром подружился!

— Не говори, чего не поймёшь! — крикнула бабка. Обернулась к Волку. — Извиняйте его...

Заяц за спиной Волка крутил лапой у виска, тряс ушами.

— Отвечай! — велел Волк. — С тобой разговаривают.

— Зарезать она меня хотела — вот почему!

— Что ж делать-то? — Волк нахмурился. — Голос хороший — да неслух! Ну что, будем показывать?

— Где? — спросил дядь Вася.

— Там. — Заяц поднял лапу. — Это уж как вы решите, — с поклоном сказал Волку.

— Да ты частушку, частушку спой! — засуетилась бабушка.

— Спой! — шепнул Заяц.

МИМО УТОЧКИ ПЛЫВУТ,
СЕРЕНЬКИЕ, КРЯКАЮТ, —

запел Поросёнок.

— МОЮ МИЛУЮ ВЕЗУТ,
ТОЛЬКО СЕРЬГИ БРЯКАЮТ!

— Их! Их! — пошла было в пляс бабка, но — осеклась.
— Ах, подлец! Хорошо! — крикнул дядь Вася.
— Хорошо-то хорошо, а — неслух. Не знаю прямо, как и быть, — сказал Волк.

— Да он от смерти спасался, батюшка!

— Он — сурьёзный.

— Ну, если так...

— Вам пора! — сказал Волку Заяц. — Где мешочек-то? — обернулся к бабке.

— Вот он, вот он, — засуетилась Дарья Ивановна. — Да что ж вы, гости дорогие? И не съели ничего, не выпили... День-то какой, какой день!

И бабка встала перед Волком на колени:

— Когда я вас теперь уви-и-ижу-то?..

— Я-то залечу, если что, — засовывая Поросёнка в мешок, сказал Заяц. — Вдруг не понравится. А уж они...

Волк стоял посреди избы, величественно закинув голову.

— Кричи, чтоб оставили, — шепнул Поросёнку Заяц.

— Бабушка, не отпускайте меня! И-и-и!.. Что я вам сделал-то?..

— Чудак! — огладил Поросёнка в мешке дядь Вася. — Что ж ты кричишь? Чай, не в жаркое — на небо ведь!

— Тихо! — крикнул Заяц и вспрыгнул на табуретку. — А теперь пусть Ангел и простая русская бабушка скажут друг другу слова прощания!

— Прощай, Дарьюшка! — ласково сказал Волк.

— Ангел мой! — не подымаясь с колен, запричитала бабка. — Замолви хоть словечко-то! Не пожила я ещё, как следоват быть: то война, то то, жисть, ведь она только начинается! Вот и телевизор у меня, и всё. Дочку замуж выдаю — пусть у неё всё будет, а? Чтоб жених ейный, чтоб не пил, чтоб детки пошли, чтоб...

— Ну, ну, будет, — бормотал Волк.

— И ты, кум, проси, — потянула бабка дядь Васю за руку. — Ведь когда такое бывает?

— Не бывает такого, — твёрдо сказал дядь Вася. И встал было уж на колени, но — распрямился. — Уж пусть хоть твоё, Ивановна, сполнится.

— Бери мешок! — шепнул Волку Заяц.

Волк взвалил мешок с Поросёнком на спину:

— Ну, прощай, Дарьюшка, может, и свидимся!

«Вот уж не дай-то!» — подумал Волк и незаметно три раза поскрёб когтем по дереву.

— Бабушка! И-и-и!.. — визжал Поросёнок.

— Прощай, Поросёночек! Не осрамись!

— Держи фасон! — гудел вслед дядь Вася.

А Заяц задом открыл дверь, пропустил Волка и, кланяясь, испарился.

— Ну, времена пошли, — пробормотал дядь Вася. — Ангела волками бегают!..

Глава одиннадцатая,
в которой Волк ищет Зайца в складочках

Волк с Зайцем выскочили из дома бабки Шмелёвой, перебрались через овраг и выбежали на поляну к дереву, на котором спасался от Волка Поросёнок.

— Ффу-у!.. — Волк опустил мешок с Поросёнком на траву. Садилось солнце, и лес с одной стороны был весь золотой. — Хоть к вечеру, а поем, — сказал Волк и стал снимать скафандр, крылья. — Заяц! — позвал он. — А где же Заяц? Неужто сбёг?

— Нет, — сказал из мешка Поросёнок.

— Что — нет?

— Нельзя меня есть без Зайца.

— Что же мне теперь, ждать его?

— Подожди, — сказал из мешка Поросёнок. — Обещался ведь!

— Не могу. — Волк развязал мешок, аккуратно свернул верёвочку, положил на траву.

— Тсс!.. — высунулся Поросёнок.

— Ты что? — удивился Волк.

— Он — здесь, — шёпотом сказал Поросёнок.

— Кто?

— Заяц.

— Где?

— В мешке.

— В мешке?!

— Тсс! Он спит. Умаялся: целый день бегал.

— Да как он туда попал?

— Притомился бежать — и залез. Устал, говорит, сил моих нет.

— А ты?

— Я подвинулся.

— Ладно, — сказал Волк. — Пусть спит. Я его потом съем, — и как-то по-лисьи захихикал.

— Нечестно это, не по-товарищески, — сказал Поросёнок.

— А мы и есть — волки.

Волк достал из-за пазухи нож, повязал на шею дырявую салфетку, стал точить нож:

— Так о чём мы с тобой тогда говорили?

— Когда?

— Когда ты на дереве сидел.

— А-а... — Поросёнок, вспоминая, поднял к небу пятак. — Вот. О надежде! Давай я тебе о ней песню спою.

— Что ж. — Волк придвинулся.

НАДЕЖДА, Я, —

отодвигаясь, запел Поросёнок, —

ОСТАНУСЬ ЦЕЛ...

Волк придвинулся совсем близко.

— Заяц! И-и-и!.. — завизжал Поросёнок.

— Верно. Зайца надо будить, — сказал Волк. — Посмотрим, как он Поросёнком отужинает. За-яц! — кричал Волк.

— Не буди его, Волк!

— Ты что? Сам кричишь, а мне — не буди!

И Волк заорал ещё громче:

— За-яц!

— Не буди, а?

— Нельзя, — строго сказал Волк. — Обидится. Он уже, считай, с полудня в хищники перешёл. Ну, где он там?

И Волк заглянул в мешок, а в это время у него за спиной из-за дерева появился Заяц.

— Там, — показал Поросёнок. — В уголке: спит.

— Я здесь... — тихонечко так из-за дерева сказал Заяц.

— Где? Да не мешайся ты! — Волк вынул Поросёнка из мешка.

— Там. В левом уголке. В складочках, — сказал Поросёнок.

— Здесь я, а-а!.. — зевнул Заяц. — Здесь!..

— Однако отощал ты, брат, в помощничках — совсем не видать. Где? — И Волк засунул голову в мешок.

— Там он, там, в складочках...

Волк залез в мешок, высунул голову.

— Ты только не вздумай бежать! — сказал Поросёнку.

— Куда я побегу?..

— Жди здесь! — строго сказал Волк и пропал в мешке, только Волчий хвост остался снаружи. — Да где же ты, Заяц?

Заяц на цыпочках подошёл к мешку, подобрал верёвочку:

— Здесь я!

Волк из мешка стал ощупывать Зайца:

— Ты...

— Я... Бери верёвку! Вяжи петлю, — шепнул Заяц Поросёнку.

— Это — уши, — ощупывая Зайца, сказал Волк.

— Ушки, — сказал Заяц.

— Ноги...

— Ножки. Хи-хи - хи-хи! — захихикал Заяц.

— Ты чего?

— Щекотно.

— Петля готова, — шепнул Поросёнок.

И они вдвоём опрокинули Волка и завязали мешок.

— Хвост! — взвыл Волк.

— Хвостик, — играя торчащим из мешка Волчьим хвостом, сказал Заяц.

— Хвост прищемился! — выл Волк.

— Ты к себе его тяни, к себе, — сказал Заяц и ослабил петлю.

Волчий хвост скрылся в мешке.

— Ффу-у!.. Ты где? — вздохнул Волк.

— Здесь, — сказал Заяц.

— А Поросёнок?

— Здесь я, здесь...

Заяц с Поросёнком давились от смеха.

— Я что-то вылезти не могу, — ворочался в мешке Волк.

— И я...

И тут все услышали топот и крики.

— Что это? — завыл Волк.

— Бежим! — шепнул Поросёнку Заяц.

И они взлетели на дерево и втянули за собой лесенку.

— Это бабка Шмелёва — я чую! — выл Волк. — Заинька! Поросёночек! Спаси-и-ите!..

И Волк рухнул и застыл посреди поляны.

Глава двенадцатая,
и последняя, в которой всё хорошо кончается

А на поляну влетела Ворона, за ней — бабка, следом — дядь Вася.

— Кар-р-р! Кто? Куда? Откуда? — заорала Ворона.

Бабка остолбенела:

— Шмелёва! Из дома! За Поросёнком!

И дядь Вася, вытянувшись, доложил:

— Кум ейный! С дому! С ими!

И повёл глазами на бабушку.

— Карррр! Так бы и говор-р-рили!

И Ворона громко захлопала крыльями, но не улетела.

А бабка пала на мешок с Волком, запричитала:

— Вот он, мой кругленький! Вот он, мой соловушка розовенький!

— Карррр! — закартавила Ворона. — Ррразнюнилась!

— Ухх!.. — вздохнул в мешке Волк.

— Жив! Жив родненький! — пела бабка. — Убежали супостаты, бросили! Ведь указывал! И как же это я, несуразная, зарезать-то тебя, соловушку мою розовенькую, решилась? Хорошо — Клавде позвонила, дочке своей..

— Не плачь, Ивановна...

— Жених-то ейный — милиционер, — пела бабка. — Казённый человек — враз сказал: не может ангел насле-

дить в избе, не оставит птица небесная грязи по полу... Дитячко ты моё ненаглядное!.. Скажи что-нибудь!.. Хоть слово, хоть полсловушка!..

— Ррас-квохталась! — прохрипела Ворона.

Волк тяжело вздохнул.

— Дышит, — сказал дядь Вася. — Ну... Ну... Будет, Дарьюшка... Нашёлся — и хорошо.

— И кормила-то я тебя очистками, и поила-то кой-чем — помоями, — причитала она, — всё съесть собиралась, зарезати!..

— Не убивайся так-то, Ивановна, — опять встрял дядь Вася. — Простит он тебя, — и обратился к Вороне: — Как скажете?

— Должон! — крикнула Ворона. — Своя крррровь... Не удер-р-р-жится!..

Поросёнок с Зайцем глядели на всё это с дерева.

— Спустишь я, — шёпотом сказал Поросёнок.

— Погоди, — шепнул Заяц.

— Что ж он, Васюшка? Что ж молчит-то? — оглянулась на дядь Васю бабка.

— Сердится, — сказал дядь Вася.

— Ррразвязывай! — крикнула Ворона.

— И то, Васюшка.

— Спустишь я, — прошептал Поросёнок.

— Погоди!

Дядь Вася встал на колени:

— Не развязывается... Эх, счас бы ножичек!..

— Стой! — вдруг совсем другим голосом сказала бабка. — А может, он эта... голос потерял? — и пнула мешок ногой. — Отвечай!

— Может, от страха обезголосел... Вот тоже, помню, у нас на фронте... — начал было дядь Вася.

— Раз так — по-другому всё поворачивается, — перебила его Дарья Ивановна железным голосом. — Бери его, Вася! Если бы он петь мог — одно, а так — кому нужен?

— Допрыгались! — прохрипела Ворона.

— Видишь? — прошептал Заяц.

— Значит, врала она всё: не я ей нужен... Охрипну — зарежет...

Поросёнок заплакал.

А дядь Вася тем временем взвалил мешок с Волком на спину.

— Тяжело, Дарьюшка! Силов нет!

— Да как же? Я аккурат с этого места намедни выволокла!

— Всё. Не люблю я её и никогда не полюблю больше! — сказал Поросёнок.

— Ох, тяжело! — И дядь Вася сбросил мешок с Волком на траву.

— Ухх!.. — щёлкнули Волчьи зубы.

— Звякает! — обрадовалась бабка. — Слышь, Вась, а может, там... золото?

— Ка-ак же? Ка-ак же? — встряла Ворона.

— Ага! Хряка взяли, вместо него золото положили! — гудел фронтовик. — Всё ж — поющий!

— Развязывай!

— Ых, не идёт!

— Ты ногтем, ногтем!.. Зубами, Вась!

Дядь Вася склонился над мешком, поддел наконец верёвку, и...

Из мешка вылетел Волк:

— РРРРР!!!

Глаза его горели, зубы — сверкали, но хвост Волк, на всякий случай, поджал, потому что все волки боялись Дарью Ивановну.

Что тут началось!

Заметались, запрыгали, дядь Вася пальнул из ружья, чуть не убил Ворону, и — разлетелись в разные стороны: бабка — в одну, дядь Вася — в другую, Ворона — по земле ножками — в третью. А Волк постоял немного, взмахнул лапами и — улетел по воздуху.

Чуть погода Поросёнок с Зайцем спустились по лесенке:

— Заяц!

— Поросёнок!

И — обнялись.

— Не зря, выходит, мы с тобой землю ели! — сказал Заяц.

— А как же бабушка? — всхлипнул Поросёнок.

— Брось, не реви! Представляешь? — сказал Заяц. — Неразлучные друзья — Заяц с Поросёнком — живут в лесу. Сколько у нас ещё приключений будет!

— А если я превращусь в кабана?

— Ни в жисть! У тебя же — душа. — И Заяц погладил поросячий живот. — И — сердце! А у кабана — что?

— Что?

— Одни клыки и, как говорил мой дед-циркач, никакой фантазии!

— А что мы ребятам скажем? Для чего мы им эту историю рассказали?

И тут влетела недострелянная Ворона:

— Что ска-ажем? Что ска-ажем? — закаркала она. — А чего гово-р-р-р-ить-то? Сами читали, сами всё слышали!

И — улетела.

— А ты? — спросил Поросёнок. — Ты что скажешь?

— Я? Я... скажу! НЕ ССОРЬТЕСЬ БЫСТРО, — высунув голову из книжки, сказал Заяц. — ССОРИТЬСЯ НАДО МЕДЛЕННО. ЧТОБЫ НИЧЕГО-НИЧЕГО НЕ ПРОПУСТИТЬ. А ТО — ПОССОРИШЬСЯ, И УЖЕ — ВСЁ, И УЖЕ В ССОРЕ, И — НИЧЕГО НЕ ВЕРНУТЬ!

— НЕ ТОРОПИТЕСЬ! МЕДЛЕННО ССОРЬТЕСЬ! — сказал Поросёнок. — ЧТОБЫ УСПЕТЬ ПОМИРИТЬСЯ!

И они заплясали, запели:

ЗАЯЦ С ПОРОСЁНКОМ,
ПОРОСЁНОК С ЗАЙЦЕМ
ВМЕСТЕ ЕЛИ ЗЕМЛЮ,
ПОТОМУ — ДРУЗЬЯ.
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ПЕСНИ,
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ДРУЖБЫ,
А УЖ ДРУГ БЕЗ ДРУГА —
НАМ СОВСЕМ НЕЛЬЗЯ!
ПОБЕЖИМ ПО НЕБУ,
ЕСЛИ БУДУТ ЛУЖИ.
ПОБЕЖИМ ВПРИПРЫЖКУ,
ПО ТРАВЕ СКОЛЬЗЯ, —
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ПЕСНИ,
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ДРУЖБЫ,
А УЖ ДРУГ БЕЗ ДРУГА —
НАМ СОВСЕМ НЕЛЬЗЯ!
ПРИХОДИТЕ СНОВА,
И ДЛЯ ВАС МЫ СНОВА,
СНОВА — СЛОВО В СЛОВО —
СКАЖЕМ — ОН И Я:
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ПЕСНИ,
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ДРУЖБЫ,
А УЖ ДРУГ БЕЗ ДРУГА —
НАМ СОВСЕМ НЕЛЬЗЯ!

И друзья выбежали из книжки и поклонились читателям:

— Благодарим за внимание!

А на последнюю страницу прилетел Волк, сел, как птица, на ветку и хрипло сказал:

— Приходите ещё!

Содержание

ПРАВДА, МЫ БУДЕМ ВСЕГДА?	5
Часть 1. Чистые птицы	9
Добрый слон	10
Лесная оттепель	14
Чистые птицы	18
Весенняя сказка	21
Как Ёжик ходил встречать рассвет	24
Часть 2. В сладком морковном лесу	27
Заяц и Медвежонок	28
Дружба	30
У ручья	32
Такое дерево	34
В сладком морковном лесу	37
Часть 3. Чудесные облака	39
Как Ёжик с Медвежонком протирали звёзды	40
Заяц, Ослик, Медвежонок и чудесные облака	42
Удивительная бочка	46
В самое жаркое воскресенье, которое было в лесу	49
Как Слон ходил в гости к Ёжику	52
Часть 4. Ёжик и море	57
Ёжик и море	58
Ёжикина скрипка	61
Ёжик в тумане	64
Однажды в солнечный день	72
Часть 5. Осенние сказки	77
Как поймать облако	79
Осенняя сказка	82
Как Ослику приснился страшный сон	85
Доверчивый Ёжик	91
Часть 6. Поросёнок в колючей шубке	97
Снежный цветок	98
Поросёнок в колючей шубке	103

Долгим зимним вечером	106
Как Ослик, Ёжик и Медвежонок встречали Новый год	109
Как Ослик, Ёжик и Медвежонок писали друг другу письма ...	113
Зимняя сказка	118
Часть 7. Необыкновенная весна	123
Необыкновенная весна	125
Веселая сказка	126
Черный омут	130
Как Ослик с Медвежонком победили волка	133
Старинная французская песенка	138
Как Ослик шил шубу	141
Правда, мы будем всегда?	144
ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ТРАВЫ	149
Звуки и голоса	150
Когда ты прячешь солнце, мне грустно	154
Разрешите с вами посумерничать	158
Как оттенить тишину	162
В сумерках	166
В родном лесу	170
Сосновая шишка	174
Осенняя песня травы	177
Радуга	180
Ёжикина гора	184
Птица	187
Красота	191
ТЁПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ ПОСРЕДИ ЗИМЫ	195
Последнее солнце	197
Вольный осенний ветер	199
Мы будем приходить и дышать	201
Лисичка	205
Не смотри на меня так, Ёжик	208
А уже зима	214
Снег пошел	217
Как Ёжик с Медвежонком приснились Зайцу	220
Ворон	225

Волк	228
Если меня совсем нет	231
Теплым тихим утром посреди зимы	235
ТРЯМ! ЗДРАВСТВУЙТЕ!	239
Солнечный Заяц и Медвежонок	240
Трям! Здравствуйтесь!	243
Осенние корабли	251
Кто-то	259
Может, откроем глаза?	263
Это чей холм?	266
СКАЗКИ И ПОВЕСТИ	271
Трям! Здравствуйтесь!	
Сказка, в которой великий Медвежонок выдумывает Тилимилитрямдию, волшебную страну без волков	272
Поющий Поросёнок	
Сказка в двенадцати главах с грустным началом и весёлым концом	311

Сергей Козлов
ЁЖИК В ТУМАНЕ
Сказки

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 224

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
М. Судаковой

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Бумага матовая мелованная Омела 130 г/м²

Сдано в печать 18.12.2023

Объем 23 печ. листа

Тираж 3100 экз.

Заказ № 26860

ООО «СЗКЭО»

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44

E-mail: knigi@szko.ru

Интернет-магазин: www.szko.spb.ru

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-ПРИНТ»,
196643, Россия, г. Санкт-Петербург, п. Сапёрный,
ш. Петрозаводское, д. 61, строение 6,
тел. (812) 462-83-83, e-mail: office@ldprint.ru.

Знаменитый режиссер Юрий Борисович Норштейн не снял бы свой прославленный мультфильм «Ежик в тумане», если бы не опирался на текст Сергея Григорьевича Козлова (1939–2010) — автора широко известной и всеми любимой одноименной сказки. Сказочная проза Сергея Григорьевича уникальна; его произведения переведены на языки разных народов мира, хотя многие наши соотечественники знакомы с его героями именно по мультфильмам. Кто не видел историю про Черепаху, которая пела Львенку песенку «Я на солнышке лежу...»? А ведь это тоже герои сказок Сергея Козлова. Мультипликаторы давно обратили внимание на его творчество: его персонажи и простые, казалось бы, сюжеты так и просятся на экран.

Будущий писатель родился летом 1939 года в Москве и начал писать стихи еще в школе. Затем была учеба в Литературном институте, а сказки Козлов начал сочинять, достигнув тридцати лет. До этого начинающий литератор успел поработать токарем, учителем пения, кочегаром и экскурсоводом. Сергей Григорьевич умел разговаривать с детьми, объяснять им простыми словами самые разные вещи. К примеру, в 1976 году в издательстве «Детская литература» вышла его книга о реке: это был рассказ о ее течении, берегах, пароходах, бакенах, мостах и шлюзах. И все же главный талант Козлова состоял в том, что он был способен говорить в своих сказках с детьми и взрослыми о самом главном в жизни — о дружбе, счастье, любви, преданности.

Очаровательные сказки Козлова в этой книге гармонично дополняют иллюстрации талантливой современной художницы Анаит Гардян. Она появилась на свет в декабре 1967 года в Ереване и в 1992 году окончила Армянский педагогический институт. Однако тяга к сказочному миру, очаровавшему Анаит еще в детстве, привела ее в группу мультипликаторов киностудии «Арменфильм». Набравшись опыта у друзей, создававших мультфильмы, Анаит решила попробовать заняться книжными иллюстрациями. И это у нее получилось! Все сказочные персонажи на ее рисунках получаются такими живыми, эмоциональными, непосредственными и веселыми, что безоговорочно хочется поверить в реальность их существования. Гардян стала признанным мастером книжной иллюстрации. С 2000 года она живет в Москве, сотрудничая с рядом книжных издательств. Полистав книгу, читатель с первого взгляда убедится, что красочные и добрые иллюстрации Анаит Гардян составляют единое целое с текстами Сергея Козлова.

